ISSN 0131-0097

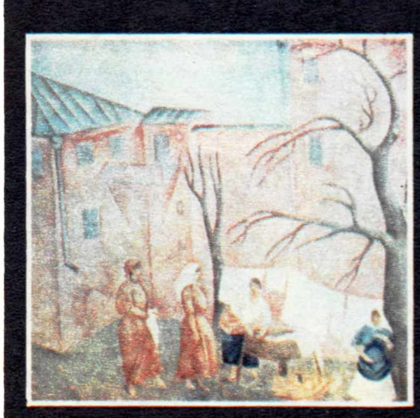
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 37 СЕНТЯБРЬ 1989

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

УРОКИ ИСТОРИИ

ЭССЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА



ВЕЛЕНИЕ ДУШИ

ИСКУССТВУ НУЖНЫ МЕНЕДЖЕРЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (3242)

9—16 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: *Скоро в этом зале откроется вторая сессия Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.*
Фото Николая РАХМАНОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 21.08.89. Подписано к печати 05.09.89. А 08910. Формат 70×108 1/8. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1117. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КУДА МЫ

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

ОЧЕРЕДЬ, БАЗАР, ТОЛКУЧКА... ДАВНО ПРИВЫЧНЫЕ КАРТИНКИ НАШЕЙ ЖИЗНИ, СВОЕОБРАЗНЫЕ СИМВОЛЫ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА». МОЖНО ДОЛГО СПОРИТЬ О КОНЪЮНКТУРЕ СПРОСА, О ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЯХ НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА, НО ПОКА, УВЫ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ТОРГОВЛИ, А ТОЧНЕЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ КОНКУРЕНЦИИ ДАЖЕ С БАРАХОЛКОЙ.
МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ТРУДНОЕ ВРЕМЯ. ИНФЛЯЦИЯ, РОСТ ЦЕН, ВЫМЫВАНИЕ ДЕШЕВЫХ ТОВАРОВ — КАЖДЫЙ ОЩУЩАЕТ КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ НА СОБСТВЕННОМ КОШЕЛЬКЕ. ГДЕ ЖЕ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

ИДЕМ?

Диалог экономиста-международника Райра СИМОНЯНА и публициста Анатолия ДРУЗЕНКО с попыткой переосмыслить старые истины.

А. Д.— ***«Куда мы идем!» — сегодня эти слова чаще произносят не в вопросительном, а в восклицательном ключе. В них вкладывают, мягко говоря, недоумение по поводу того, что перестройка приносит результаты, противоположные ожидаемым. Вместо изобилия товаров — тотальный дефицит, вместо высокопроизводительного труда — забастовки, вместо стабильности — межнациональные и социальные конфликты...***

Р. С.— В английском языке есть выражение, характеризующее всякий переходный период. Когда речь заходит о радикальных изменениях экономического курса, то говорят, что «перед улучшением обязательно наступает ухудшение».

А. Д.— ***Не скажет ли читатель: ну вот, ученые всему способны найти объяснение, даже английский призовут в «свидетели».***

Р. С.— Нет-нет, это действительно закономерность. Когда ломается старая система и создается новая, временного ухудшения ситуации практически не избежать. Это своего рода цена за обновление, за переход на новый путь развития. К этому надо быть готовым и прямо говорить об этом народу. В противном случае — иллюзии, самообман, казенный оптимизм, рапортующий о полууспехах перестройки, тогда как жизнь показывает совершенно иное. Возьмите доклады ЦРУ о состоянии нашей экономики (если, понятно, у вас будет такая возможность) или, еще лучше, ежегодный анализ американской фирмы «Планэкон», и вы увидите: тенденции нашего экономического развития, если можно употребить это слово, даже не приближаются к уровням, намеченным XXVII съездом КПСС.

Распространено мнение: мол, вступая на путь перестройки, мы не представляли всей глубины кризисных явлений. А кто повинен в этом? Значит, наши представления основывались на искаженной информации. Отсюда — первый вывод. Пока не изменим коренным образом статистическое дело, пока не перестанем выдавать желаемое за действительное, не перестанем прятать от самих себя правду, какой бы горькой она ни была, перестройка обречена. Экономические, социальные и прочие потрясения будут каждый раз восприниматься как гром среди ясного неба, а не как результат складывающейся ситуации.

А. Д.— ***Итак, по-вашему, нужно смириться с «ухудшением», ибо его непременно должны сменить прогрессивные тенденции? Другими словами, за перестройку нужно заплатить. Но ведь это уже было, и многократно — призывы потуже затянуть пояса, потерпеть, поднатужиться, подождать «манны небесной»...***

Р. С.— Все дело в методах достижения цели. Конечно, цену за перестройку, даже очень высокую, общество будет готово заплатить лишь в том случае, если оно уверено в конечном — положительном — результате, если твердо знает: «Пройдя через Сахару, мы достигнем оазиса».

На чем держалась административно-командная система? На внеэкономическом принуждении. Если оно ослабевает, система идет вразнос. Это мы ощущаем на себе сегодня, и это, повторяю, закономерно. Но наступающее при этом ухудшение жизни может быть социально приемлемым лишь в том случае, если параллельно со сломом старых хозяйственных механизмов быстро создаются новые.

Но этой-то уверенности как раз и нет. Именно кризис доверия породил волну шахтерских забастовок. Причем при всей тяжести экономических последствий эти забастовки сыграли и позитивную роль. Больше того, они, если хотите, пришлись очень вовремя. Такой мощный порыв снизу должен добавить решительности сторонникам экономической реформы, помочь сломить сопротивление командной системы, до сих пор успешно блокировавшей экономические преобразования.

А. Д.— ***И все-таки спонтанность забастовок не может не настораживать. Мы и здесь оказались застигнутыми врасплох. В цивилизованных странах разработаны правовые основы выступлений трудящихся за свои права. Мы же начинаем с нуля. В смысле разумной регламентации, учитывающей и интересы общества. В начале восьмидесятых годов мне довелось работать в Польше, и я видел, что это значит — возможность всюду, по поводу и без него, прерывать работу и бастовать.***

Р. С.— Все так, согласен. Закон должен сделать реальным право на забастовку и регламентировать реализацию этого права. Но я хочу выделить мотивацию бастовавших шахтеров. Как сказал один из депутатов, это был вопль отчаяния, и, я надеюсь, он услышан. Народ пробуждается к активной политической и хозяйственной деятельности. Народ показывает, что способен самостоятельно и организованно действовать. Разве это не успех перестройки? Ведь без этого никакая реформа сверху нежизнеспособна!

Хотя надо себе четко представлять: наши проблемы не решить путем перераспределения национального продукта. Что толку, если каждый будет тянуть на себя одеяло! По существу-то нам и нечего перераспределять. По национальному доходу на душу населения Советский Союз не выдерживает никакого сравнения с развитыми странами.

А. Д.— ***Вот мы пытаемся ответить на вопрос, куда идем. Но ведь для этого надо осознать, где мы находимся. В последнее время об этом пишут все чаще. И все равно, слишком долго вбивали в сознание народа мысль о нашем величии, в том числе и в области экономики. И сейчас нет-нет да и замелькают данные о том, сколько мы добываем нефти и газа, производим стали, хотя часто они ни о чем не говорят, кроме разве что о масштабах нашего расточительства и бесхозяйственности.***

Р. С.— Главный показатель для любой социально-экономической системы — тот уровень жизни, который она способна обеспечить. Вы знаете хоть одну страну Запада, где бы не хватало продуктов питания? Напротив, там их переизбыток. А цены, особенно на фрукты, птицу, в сравнении со среднедушевым доходом во много раз ниже, чем у нас. А возьмите жилье. В США на семью в среднем приходится 5 комнат, на каждого человека — около 50 квадратных метров жилой площади. И при этом американцы вводят новой жилой площади ежегодно вдвое больше, чем мы. То есть тенденция такова, что разрыв не в нашу пользу — не только по обеспеченности жильем, но и по другим «житейским» показателям — будет и далее нарастать (даже, если нам удастся к 2000 году предоставить каждой семье квартиру).

Мы в сравнении с «ними» находимся на качественно ином уровне развития. И, к сожалению, не вполне еще это осознаем.

А. Д.— ***В развитых странах уже давно переориентировались с количественных на качественные параметры развития. Скажем, товары и услуги, которые мы производим и которыми пользуемся, называются так же, как и на Западе. Но из-за различий по качеству их практически даже сопоставить нельзя.***

Р. С.— Нынешней весной я был в США и близко соприкасался с бытом американцев. Поражают многие, казалось бы, простейшие вещи. Для них простейшие, но для нас... Взять обыкновенный телефон. Там число телефонов на сто человек — 90, у нас — 12. Можно, конечно, поставить себе цель — догнать американцев по этому показателю. Но цель будет мнимой. Телефон у них и у нас — это абсолютно несопоставимые вещи. Там давно уже в обиходе телефоны с цифровым набором, на выбор десятки их модификаций, включая радиотелефоны с радиусом действия до нескольких десятков километров. По телефону — по коду — можно позвонить в любую точку не только США, но и другой страны мира. Можно звонить не только куда угодно, но и как угодно: за свой счет, за счет вызываемого абонента, за счет фирмы, по кредитной карточке, с помощью оператора и без него и т. д. Можно выяснить любой необходимый номер — опять-таки в какой бы точке Соединенных Штатов ни находился требуемый абонент. И все это — в считанные мгновения, незави-

симо от того, где ты находишься — в городе или сельской местности, в Вашингтоне, на Аляске или на Гавайях: разной будет только цена. Один мой знакомый ради интереса позвонил в Москву из автомобиля, мчавшегося вдоль Тихого океана: слышимость была прекрасная.

У нас до сих пор показатель значимости руководителя — число телефонных аппаратов на его столе. На Западе уже давно всюду используется лишь один или два канала. Но телефонная сеть позволяет без дополнительного набора соединяться и переключаться на любой номер как внутри учреждения, так и вовне. То есть уровень телефонизации резко возрастает при абсолютном снижении числа телефонных номеров. И попробуйте после этого западным посетителям объяснить, почему у тебя на столе несколько аппаратов. Они ничегошеньки не поймут, пока им не скажут, что здесь, как и в других сферах, мы количеством пытаемся компенсировать отсутствие качества. Именно в качестве жизни между нами не просто большая дистанция, а расширяющаяся пропасть.

А. Д.— ***Почему-то подумалось, что «вождь народов» в свое время был по-своему логичен, когда отгородил Союз и его граждан от развитых стран. Понимал, что достаточно один раз увидеть...***

Р. С.— Потрясает развитие «их» инфраструктуры. В развитых странах даже долгожители не вспомнят, когда у них были такие, так сказать, автомобильные дороги, как у нас. В свою очередь, и у нас нет ни одной, подчеркиваю, ни одной автомобильной дороги, близко сопоставимой с теми, без которых немыслима жизнь в Северной Америке и Западной Европе.

А возьмите аэропорты. Даже лучший из лучших наших аэропортов по масштабам, дизайну, удобствам на порядок уступает воздушным воротам любого из крупных американских городов. А гостиницы? А центральные части американских городов, так называемые «даунтауны»? Уникальные небоскребы самой причудливой и разнообразной архитектуры. Не представляю, чтобы мы сами смогли построить в обозримом будущем хотя бы одно подобное здание...

Развитые страны накопили колоссальное материальное богатство. И при этом оно постоянно прирастает, причем гораздо более быстрыми темпами, чем у нас. И с несравненно лучшим качеством. То, что строится, каждый раз являет собой новый шаг, а не топтание на месте. А ведь то, что мы и они строим сегодня, будет во многом определять состояние, в каком мы и они войдем в следующее тысячелетие.

А. Д.— ***Понимание того, насколько мы отстаем,— не слишком ли этого мало для преодоления отставания (или хотя бы попытки преодоления)?***

Р. С.— Решая наши проблемы, нельзя забывать, что мир не стоит на месте. Идет настоящая гонка! Гонка за научно-техническими достижениями, за их максимально быстрое коммерческое освоение, за выпуск новой продукции. Быстрей, лучше, новее, дешевле! — вот девиз времени. Вдумайтесь: на Западе в наукоемком производстве срок от открытия до его применения сократился с трех-четырех до полутора-двух лет! Все меняется — приоритеты, задачи экономической политики, представления об эффективности. Ради будущего компании идут даже на то, что на первых порах, когда они снимают с производства более прибыльную, но устаревшую продукцию, снижаются показатели эффективности.

А. Д.— ***Пора, как и обещано, коснуться и простых истин. Я имею в виду движущую силу развития капиталистических стран. Известно, она — в конкуренции. Долгие годы, целые десятилетия нами отрицалась такая мотивация применительно к условиям социализма.***

Р. С.— Вспомним, в чем видели основоположники марксизма главную цель новой общественной системы. Создать условия для свободного развития личности. Отсюда и принцип: каждому по потребностям. Отсюда основной закон социализма — максимально полное удовлетворение материальных и духовных потребностей на основе... и так далее. Но давайте задумаемся: возможно ли свободное развитие личности без свободы выбора? И еще. Возможна ли свобода выбора без свободы предложения, без конкуренции производителей? Конечно, можно подсчитать и спланировать производство, предположим, туалетной бумаги в расчете на удовлетворение потребностей всего населения, хотя и это, как показывает наш опыт, не так-то просто. Но можно ли спланировать производство так, чтобы этой самой бумаги было пять, десять, пятнадцать видов и сортов, как это имеет место у «них» на прилавках? Откройте любой западный журнал, и вы увидите, что самые разные фирмы предлагают десятки, сотни модификаций персональных компьютеров. Это и есть свобода выбора, свобода потребления. А мы думаем построить завод по производству компьютеров и решить тем самым проблему компьютеризации. Не плановая диктатура, а рынок, конкуренция способны полностью удовлетворить самый разнообразный спрос.

А. Д.— ***Следующая «простая истина», в плену которой многие находятся,— анархия, стихийность капиталистического рынка, монополизм.***

Р. С.— А антитрестовское законодательство? А программы содействия мелкому и среднему бизнесу? В развитых странах одна из главных задач государства — обеспечить равные условия конкурентной борьбы. Такое впечатление, что там куда лучше, чем у нас, усвоили вывод В. И. Ленина о том, что всякая монополия ведет к застою и загниванию. Кстати, именно стремлением подвергнуть обюрократившийся государственный сектор очистительному воздействию конкуренции и объясняется прокатившаяся в 80-е годы в несоциалистическом мире волна реприватизации — передачи национализированных предприятий и фирм в частную собственность. На конкурентную основу переводится деятельность производственных и сбытовых подразделений крупных транснациональных компаний: если им это экономически более выгодно, они могут сбывать и приобретать продукцию вне каналов компании.

Конкуренция приобрела международный характер. Крупные компании мыслят категориями только мирового рынка, национальные границы для них стираются. В Лондоне, в штаб-квартире «Бритиш петролеум», мне показывали дисплей, с помощью которого можно в мгновение ока связаться с любым из филиалов компании в десятках стран и получить исчерпывающую информацию по всем интересующим вопросам. И так практически всюду. Идет взаимопроникновение и товаров, и капитала. Ускоряется диффузия нововведений. Мир связывается все теснее, становясь взаимозависимым. В США около 90 процентов производителей используют в своей продукции компоненты иностранного производства. Вдумайтесь в эту цифру! Чуть зазевался — и будешь вытеснен не только своим, но и заграничным конкурентом. Какой уж тут застой!

А. Д.— ***А мы тем временем глубокомысленно рассуждаем о преимуществах участия в международном разделении труда и сами же ничего серьезного не делаем, чтобы открыть нашу экономику. Никак не можем усвоить простую истину, что, не будучи интегрированы в мировое хозяйство, мы обречены на отставание даже в том случае, если экономическая реформа пойдет лучше, чем можно вообразить.***

Р. С.— Предположим, мы за 10—15 лет увеличим производительность труда вдвое. Это означает, что мы будем отставать по этому показателю от развитых стран в два-три раза, создавая в расчете на человека в два-три раза меньше товаров и услуг. Строя заводы, которые производят продукцию, устаревшую даже по меркам сегодняшнего дня на 10—15 лет, мы будем не просто воспроизводить, а консервировать свою отсталость. Нам нужен прорыв из порочного круга, в который мы загнали нашу экономику.

А. Д.— ***Прорыв — категория скорее эмоциональная, нежели экономическая. Вообще экономисты сегодня, по-моему, слишком впадают в эмоции. А если конкретнее? Стратегия реформы определена в целом верно. Почему же буксуем? Что нужно сделать, чтобы вырваться из порочного круга?***

Р. С.— Сделать экономику более открытой. На мой взгляд, без массированного привлечения иностранных инвестиций, создания на нашей территории льготного режима для иностранных компаний, способных выбросить на советский рынок товары сегодняшнего и завтрашнего дня, подорвав монополизм наших предприятий, заставив их перестраиваться в конкурентной борьбе, без всего этого из порочного круга нам не выйти. Питать надежды на то, что наши светлые головы придумают сверхмощный компьютер или невиданный автомобиль — не просто бесполезно, но и опасно. Этим занимаются сотни, тысячи предпринимателей и компаний с технической оснащенностью, которая нам и не снилась, компаний, которые, конкурируя, тесно взаимодействуя, моментально осваивают то, что придумывают светлые головы во всех странах мира. Нам бы поначалу интегрироваться в мировое хозяйство, а уж потом посмотрим, на что мы способны.

А. Д.— ***Наверное, лучше всего о наших способностях говорит военно-космический сектор. Отсюда такие надежды на конверсию. Этот сектор — пожалуй, единственное, что позволяет относить нас не к развивающимся, а к промышленно развитым странам. Здесь сосредоточены наши лучшие силы, наиболее талантливые, квалифицированные специалисты, которые, к сожалению, в основной массе тратят свои силы и талант на цели разрушения, а не созидания.***

Р. С.— Оценивая перспективы перестройки, западные советологи единодушны в том, что именно предприятия оборонных отраслей могут стать ядром обновления и технического перевооружения нашего народного хозяйства и тем самым обеспечить успех перестройки в целом. Тем не менее к вопросам конверсии, как мне кажется, надо подходить крайне взвешенно и осторожно. Не пытаться решать их административными методами, как это было с пресловутой борьбой против алкоголизма. Очень важно не растерять потенциал, накопленный в военном секторе экономики. Иначе он попросту растворится в бесхозяйственности и прочих аномалиях гражданской экономики, так и не став катализатором обновления. Кстати, может, как раз на базе оборонных предприятий нам и стоит в первую очередь создавать совместно с зарубежными партнерами предприятия.

А. Д.— ***Наверное, это возможно, тем более что мы постепенно избавляемся от мании секретности. Но почему ограничивать этот процесс только оборонными предприятиями? А гражданские предприятия, кооперативы — разве они, действуя совместно с зарубежными партнерами, не способны поймать «второе дыхание»? Это все-таки частности тактического порядка. Куда серьезнее глобальная проблема: как в принципе преодолеть нарастающий разрыв между нами и развитыми странами, как найти свой путь в сообщество этих стран?***

Р. С.— Согласен, это основополагающая проблема. Но радикальное изменение хозяйственного механизма может создать лишь необходимые предпосылки, не более того. Ведь мы, если перестройка получит ускорение, только начнем работать в условиях, близких к тем, в которых другие страны действуют уже десятки лет, учась на реальном, часто драматическом опыте и взаимодействуя друг с другом. Нам придется пройти тяжелейший путь. Первые шаги по нему будут особенно трудны из-за отсутствия традиций высокой культуры и дисциплины труда, предприимчивости, знаний, навыков. Мало изменить «правила игры», то есть осуществить комплексную реформу. Надо, чтобы люди захотели играть по этим правилам. Сколько их, мы пока не знаем. Ведь инициатива и предприимчивость вытравлялись у нас десятилетиями. Наконец, тем, кто все-таки захочет играть по новым правилам, понадобятся знания о том, что такое рынок, как на нем действовать и т. п. Здесь у нас практически нет никаких заделов, законы рыночной экономики в наших вузах не изучались с конца 20-х годов. Между тем в мире десятки, если не сотни тысяч, студентов ежегодно получают стандартное экономическое образование в объемах, которые, по-моему, превышают знания большинства наших ведущих экономистов.

А. Д.— ***Когда весной прошлого года мы были в Китае, поразились тому, в каких количествах посылают оттуда студентов в западные университеты и школы бизнеса. Только в Соединенных Штатах обучаются 20—30 тысяч китайских студентов. И это понятно. Реформы осуществляют люди, их надо готовить к этому.***

Р. С.— Наша некомпетентность — еще более серьезная проблема, нежели продовольственная или жилищная. Если реформа пойдет хорошо, нехватка компетентных кадров может превратиться в очень серьезный тормоз. И опять парадокс: признавая важность проблемы обучения, мы предпринимаем слишком робкие попытки ее решения. Думаю, без массового целенаправленного обучения за рубежом — естественно, при кардинальной реорганизации экономического образования внутри страны — нам ситуацию не переломить. Вообще чем больше будет у нас контактов на всех уровнях общения, тем лучше. Тем быстрее мы осознаем и свое место в мире, и тот путь, который нам предстоит пройти.

А. Д.— ***Общаясь, надо брать лучшее, что есть у других. Но значит ли это, что лучшее только у них, у других?***

Р. С.— Хороший вопрос. И трудный. В самом деле, осуществляя реформу, должны же мы представлять, какую хозяйственную модель хотим создать. Помните, у Маркса: самый плохой работник отличается от самой хорошей пчелы тем, что уже в начале трудового процесса имеет сознательную цель, которая определяет способ и характер его действий.

Хорошо бы и нам определить: в чем, в каких главных параметрах искомая модель будет или должна отличаться от реально существующих и претерпевших заметную трансформацию моделей, скажем, скандинавского, западногерманского, американского, японского типов либо китайского, венгерского, югославского? Сразу скажу, у меня ответа на этот вопрос нет. Я не вижу принципиальных преимуществ, с помощью которых мы могли бы добиться более высокой экономической эффективности, более справедливого распределения доходов, большей социальной защищенности, наконец, более высокого уровня и качества жизни.

А. Д.— ***Тоже затрудняюсь дать такой ответ. Хотя, согласитесь, к числу простых истин, которые на нас обрушиваются чуть ли не с детского сада, относится тезис о бесспорных преимуществах социализма. Именно в этой плоскости — больше справедливости, гуманности, заботы о человеке, социальной защищенности. Не случайно именно в пору перестройки прозвучал призыв «Больше социализма!».***

Р. С.— Недостаточно сказать «Больше социализма!». Надо разобраться, а что мы понимаем под социализмом. Имея в виду не его лозунги, а его реалии. Цель не достигается одними лишь благими намерениями. Наш собственный опыт — лучшее свидетельство того, куда может привести путь, вымощенный благими намерениями. Вообще проблема идентификации общественных систем крайне непроста. Между общественно-экономическими системами сейчас нет четких граней (при наличии границ). В ходе эволюции они претерпели столь серьезную трансформацию, что уже трудно сказать, чего в них больше от социализма, а чего — от капитализма. Недвусмысленно высказался на эту тему на Съезде народных депутатов Чингиз Айтматов. Вот сами вы, интересно, как бы ответили на такой вопрос, где больше социализма — в монархической Швеции или в социалистическом Узбекистане?

Если уж рассуждать о преимуществах социализма, то нелишне бы узнать, а как его представляют себе социалисты и социал-демократы, уже десятки лет стоящие у власти или близко к ней в странах Западной Европы и, значит, пользующиеся поддержкой своих народов. Тем более что результат сравнения будет, очевидно, в пользу их моделей социально-экономического развития, а не нашей. Кстати, не надо забывать, что партия, созданная В. И. Лениным, в течение двадцати лет существовала и осуществила революцию, называясь социал-демократической. Вряд ли мы с нашим опытом можем претендовать на монополию понимания сущности социализма. Право на то, чтобы тебе верили больше, чем другим, доказывается не словами, а делами. А дела у нас еще впереди.

А. Д.— ***И все же есть канонические признаки отличия социализма от капитализма. Ключевое, как нас учили,— в отношениях собственности. Нет частной собственности — нет и эксплуатации человека человеком. А раз так, то человек заинтересован в результатах труда, стремится к высшей производительности. Она-то, по Ленину, и является в итоге главным условием победы нового общественного строя. И еще: общенародное государство при социализме обеспечивает планомерное и пропорциональное развитие производства и справедливое распределение общественного продукта, создаваемого раскрепощенным трудом.***

Р. С.— Это схема, а какова реальность? Как только не определяли в последнее время созданную нами модель! Административно-командная система, казарменный социализм, государственно-монополистический социализм, тоталитарный бюрократизм и т. д. и т. п.; нет нужды подыскивать новые определения. Дело не столько в них, сколько в необходимости четко представлять те

оковы, которые мы хотим сейчас сбросить.

Общенародной собственности как таковой у нас нет. Она стала ничьей, стала ведомственной, но не нашей с вами. С отчуждением работника от собственности возрос разрыв между результатами труда и возможностями присвоения не только прибавочного, но и основного продукта самими трудящимися — со всеми вытекающими отсюда последствиями. К разряду мифов следует отнести и тезис об отсутствии эксплуатации человека человеком. Есть у нас эксплуатация! Хорошо работающих — плохо работающими, честно трудящихся — теми, кто живет на нетрудовые доходы, работающих на производстве — чиновниками административно-бюрократического аппарата, вообще работника — государством. Так что изменение отношений собственности не дало нам автоматических преимуществ в смысле желанного освобождения труда и ожидаемой заинтересованности в его результатах.

А что в это время на Западе? Характер производственных отношений серьезно меняется. Равно как и понятие частной собственности. Она остается, но с развитием акционерных форм хозяйствования происходит ее социализация, быстро растет число собственников, собственность становится все более коллективной. Изменяются роль и место собственников в процессе производства, распределения и присвоения общественного продукта, сужаются возможности эксплуатации человека человеком. Конфликт между трудом и капиталом перестает быть антагонистическим. Многое делается для повышения квалификации трудящихся, совершенствования системы их заинтересованности в результатах труда. Практически нет компании, где бы руководство не стремилось вовлечь рабочих и служащих в дела фирмы. Выпуск для рабочих привилегированных акций, кружки качества, подарки к праздникам и многое другое. Известная американская компания «ЗМ» для поощрения новаторского климата предоставила тем, кто работает в ее лабораториях, право 15 процентов рабочего времени заниматься чем угодно, независимо от работы.

А. Д.— ***Позвольте привести еще один аргумент, почерпнутый из учебников политэкономии социализма. Ведь его преимущество и в том, что при нем прибавочный продукт используется преимущественно на общенародные цели, тогда как при капитализме он идет на увеличение капитала.***

Р. С.— Хорошо, но разве с экономической или нравственной точки зрения более оправданно, когда созданный трудящимися прибавочный продукт разбазаривается, расхищается, идет на обеспечение бюрократического аппарата или, наконец, используется для осуществления таких «грандиозных» проектов, как переброска рек?

А. Д.— ***Допустим, у нас нет общенародной собственности, но ведь и частной тоже.***

Р. С.— Позвольте не согласиться. Она у нас уже есть, как бы ни прикрывали ее эвфемизмами, называя личной, индивидуальной или кооперативной. Какой ключевой признак частной собственности? Использование наемного труда. Однажды у меня был интересный разговор с корреспондентом американской телекомпании «Эн-би-си». «Расскажите,— просит она,— о советских частных предпринимателях». «Да мы не называем их частными». «Почему?» «Нет эксплуатации наемного труда». «Но как же так,— продолжает настаивать корреспондент,— ведь если, предположим, семья завела кооперативное кафе, дела пошли хорошо, и кафе расширяется, они же могут взять на работу швейцара или официантку? Разве это не наемный труд?» ...В общем, не убедил я ее да и не мог убедить.

Нам не надо по-страусиному прятать голову в песок и говорить: «Чур, меня!» Китайцы допустили частную собственность, венгры, поляки, югославы — и ничего, строят социализм.

А. Д.— ***Строят, но успехи-то относительные.***

Р. С.— Это отдельная тема. Если же говорить о частной собственности, то, скажите, какие аргументы экономического или этического порядка могут быть использованы против нее, если частное или кооперативное предприятие обеспечивает своим работникам более высокий доход и уровень жизни, чем государственное? Государству надо, очевидно, следить лишь за тем, чтобы условия и оплата труда на негосударственных предприятиях были не хуже, чем на государственных. Лучше — пожалуйста. Кстати, ратуя за аренду, семейный подряд на селе, мы стыдливо умалчиваем, что при нашей технической оснащенности внедрение этих форм хозяйствования прямо связано с самоэксплуатацией. Так что, выступая за плюрализм форм собственности, давайте и здесь называть вещи своими именами. Все формы собственности должны свободно конкурировать между собой.

А. Д.— ***Плюрализм — это прекрасно. Но если он приведет к еще большему расслоению людей, увеличит число тех, кто находится за чертой бедности, умножит отряд социалистических «нуворишей», то как это соотнести с принципами социальной справедливости? Разве не ради их утверждения затевалась перестройка?***

Р. С.— Опять же все зависит от того, как понимать социальную справедливость. Если как реализацию основного принципа социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду, то надо отчетливо представлять, что и К. Маркс, а за ним и В. И. Ленин прямо говорили, что этот принцип укладывается в нормы буржуазного права. И именно поэтому впоследствии, при коммунизме, он должен быть заменен более справедливым, по их мнению, распределением, не зависящим от количества и качества затраченного человеком труда: каждому — по потребностям.

Когда я говорю американцам про основной принцип социализма, они искренне удивляются: мол, у нас точно так же! Если социалистическое понимание принципа справедливости не противоречит буржуазному, не следует нам убеждать и самих себя, и всех вокруг, что, воплощая его в жизнь, мы хотим, во всяком случае, на данном этапе развития, создать нечто принципиально отличное от того, что уже создано человечеством. Лучше в максимальной степени использовать эффективно работающие и подходящие нам элементы хозяйственного механизма, чем в очередной раз изобретать велосипеды.

А. Д.— ***Нельзя не сказать о роли государства. В изданном у нас в начале 60-х годов учебнике лауреата Нобелевской премии П. Самуэльсона «Экономика» есть хорошее выражение: «Государство появилось, когда люди осознали, что дело каждого — это ничье дело». Известны главные функции государства в любой общественной системе: законотворчество, общественное потребление, социальное обеспечение. На одно из первых мест мы традиционно ставили и такую функцию, как планирование, видя в нем панацею от всех бед.***

Р. С.— Нам надо менять характер планирования. К каким диспропорциям может привести так называемое плановое ведение хозяйства, мы знаем по собственному опыту. Но может ли в принципе планирование на государственном уровне стать действенным инструментом использования рыночных механизмов — это, по-моему, не вполне ясно.

Поставим вопрос так: кто лучше изучает спрос — наши плановые органы или западная корпорация? Недавно вместе с компанией «ЗМ» мы проводили семинар для советских специалистов, посвященный принципам организации и управления современной многоотраслевой корпорацией. Для наших участников семинара полным откровением стала информация о том, насколько тщательно, глубоко и многовариантно компания планирует свою деятельность. И понятно: это для нее вопрос жизни и смерти.

А. Д.— ***Было бы, наверное, неправильно создавать эдакую идиллическую картину развития капиталистических стран. Развитие это идет через острые конфликты, потрясения, кризисы.***

Р. С.— Безусловно, но ведь и результаты налицо! Движение вперед возможно лишь через борьбу противоположностей, через накопление и разрешение противоречий, через отрицание отрицания. Возьмите, например, забастовки — один из нормальных способов разрешения противоречий. В США время, теряемое ежегодно во время забастовок, исчисляется миллионами человеко-дней. Казалось бы, много. Но, с другой стороны, заметьте, оно никогда не превышало 1,5 процента и в среднем составляло менее 0,5 процента общего числа отработанных человеко-дней. Уже не так много. В целом же забастовки, являясь средством компромисса, когда все другие средства исчерпаны, внесли на Западе свой вклад в достижение высокого уровня жизни и социальной защищенности.

А. Д.— ***Продолжая разговор об истинах, требующих переосмысления, хотелось бы затронуть и вопрос о конвергенции. Когда на Западе впервые заговорили о ней, наши обществоведы, как это часто бывало, отмели идею с порога. Хотя, мне кажется, с научной точки зрения она была вполне корректной. Если мы не предвидим в обозримом будущем краха капитализма, надо же определить, как будет идти развитие двух систем, будут ли они все более расходиться, идти параллельными курсами или сближаться. Теперь, по-моему, ситуация складывается как бы «от противного». На Западе термин «конвергенция» если и не забыт, то практически вышел из употребления. У нас, похоже, началась его реабилитация.***

Р. С.— Дело не в термине, а в существе процесса. На мой взгляд, никакой конвергенции у нас до сих пор не было. Капитализм серьезно изменился, в том числе и под влиянием нашего примера. Эволюционным путем в нем развились элементы хозяйственного механизма, которые мы могли бы вполне отнести к социалистическим. Что же касается нас, то мы не только не стремились воспринять лучшее из накопленного в капиталистических странах опыта, но, напротив, открещивались от него, делая упор лишь на критику. И хорошо уже то, что мы начинаем освобождаться от догматического мышления, считая возможным и полезным учиться у «них».

А. Д.— ***Ну, а если взглянуть на такой в высшей степени интересный для нас опыт: как в развитых капиталистических странах вырабатывается экономическая стратегия, как находят там пути решения хозяйственных проблем, какие дают рецепты для лечения тех или иных экономических болезней?***

Р. С.— Во многом это зависит от реальной ситуации, от остроты тех или иных проблем. На первый план может выходить борьба с безработицей или инфляцией, реструктуризация хозяйства и т. д. Политика отражает меняющиеся приоритеты общественных потребностей, ее изменения носят маятниковый характер. Если, к примеру, крен на решение социальных вопросов ослабил стимулы к производительному труду, можно ожидать, что в политике упор будет перенесен на поощрение конкуренции и усиление роли рынка. И наоборот.

А. Д.— ***Но должен существовать еще и механизм, позволяющий из массы альтернативных решений выбирать самое верное, соответствующее «моменту», эффективное. Такой механизм питается плюрализмом мнений, наличием оппозиции, многопартийности. Не случайно и в нашем обществе стали говорить об этом в полный голос.***

Р. С.— Я член КПСС. Более того — секретарь парткома. Естественно, я заинтересован и в меру сил делаю все для того, чтобы партия преодолела кризис. Партия — это же мощная организованная сила, одна из немногих структур в нашем обществе, способных сыграть цементирующую роль в условиях, когда страна буквально раздирается противоречиями. Мне кажется, это важный аргумент в пользу временного сохранения однопартийности, то есть монополии на политическую власть на переходном этапе нашего развития.

А. Д.— ***Да, аргумент — если тот же партаппарат однозначно работает на перестройку, а не как-то иначе.***

Р. С.— Конечно. Но если мы действительно намерены идти по пути демократизации, создания правового государства, а это предполагает свободу слова, совести, объединений на основе общности взглядов (за исключением, конечно, криминальных, расистских и прочих), я не вижу причин, по которым у нас не может возникнуть многопартийная система.

Демократизации партии (даже если допустить фракционность) недостаточно для того, чтобы обеспечить плюрализм взглядов, выдвижение альтернативных подходов, свободу не только самовыражения, но и действий, словом, всего того, что и делает конструктивная оппозиция.

Не надо забывать и о партийной дисциплине. Простейший пример. Как экономист я понимаю, сколь пагубна, казалось бы, всеми осужденная практика посылки рабочих и служащих на сельскохозяйственные работы. Но как секретарь парткома я, получив разнарядку из райкома, вынужден, подчиняясь дисциплине, искать сотрудников института, которые поедут в совхоз. Аргументация не помогает. Не помогает, когда говоришь, что подрываем веру людей в искренность намерений лидеров, поскольку слова, произносимые с трибун, снова расходятся с делами. Что подрываем авторитет того же райкома партии и это отзовется на выборах в местные Советы. Что своими действиями я дискредитирую себя как партийный руководитель...

Будь у нас альтернативная политическая организация, такая ситуация стала бы для нее сущим подарком.

А. Д.— ***Мне кажется, мы психологически слабо подготовлены к демократии. Ибо у нас и в практике, и в сознании — примат государства над человеком. Человек для государства или государство для человека — вот в чем принципиальный вопрос. Нас приучили: государственные и общественные интересы — это святое. Эти интересы постоянно требуют от нас жертв. Это въелось в наше сознание, питает нашу бюрократию, тормозит демократизацию. Причем у такого гипертрофированного подхода к роли государства есть и обратная сторона — иждивенчество, расчет на то, что о тебе «позаботятся».***

Р. С.— В странах Запада совершенно иная картина. Поговорите с любым американцем, и он скажет, что это ему должны служить правительство и конгресс, а не наоборот. Что президента выбирают для выполнения воли всех граждан страны, и если он этого не будет делать или будет делать плохо, его переизберут, как и любого другого представителя власти. Важно, что взаимоотношения между властями различного уровня строятся на принципах не подчиненности, а партнерства. Федеральное правительство не вмешивается в дела штата, власти штата — в дела муниципалитетов. В основе независимости — финансовая самостоятельность, собственные, строго определенные источники доходов.

Кстати, общая тенденция 80-х годов — децентрализация власти. И то, что у нас происходит под знаменем борьбы за региональный хозрасчет,— по существу, не что иное, как стремление к децентрализации, самостоятельности и самоуправлению. Что же касается понятия хозрасчета применительно к территории — это, по-моему, экономический нонсенс. Первичное хозрасчетное звено — предприятие. Именно оно должно работать на принципах самоокупаемости. Если же требовать самоокупаемости от регионов, мы придем к замкнутым натуральным хозяйствам. Нам надо будет тогда забыть о специализации и кооперации, о разделении труда, обо всем том, что уже более двухсот лет со времен промышленной революции подтверждает свою эффективность.

Другое дело — экономическая самостоятельность регионов, опирающаяся на прочную финансовую базу, и прежде всего на налоговые поступления. Это, безусловно, одна из первоочередных задач экономической реформы, но зачем при этом употреблять понятие «хозрасчет»? Трудно, допустим, представить, чтобы в США власти штатов или муниципалитеты занимались подсчетами, сколько к ним в местность приходит товаров и сколько уходит. Их это не волнует. Их волнует, чтобы экономическая активность в данном регионе генерировала такие финансовые средства для местного бюджета, которые позволяли бы с успехом решать местные проблемы, а значит, пользоваться поддержкой избирателей.

А. Д.— ***Меня не покидает ощущение, что мы вроде как увлеклись самобичеванием.***

Р. С.— Давайте лучше говорить о самоочищении. Трезвая оценка пройденного необходима. Без нее не выбрать верного пути дальше. Но самобичевание, согласен, не заменить поиск конструктивных решений. Хочу еще раз подчеркнуть. Обособленность нашего мышления проявляется как раз в том, что мы не всегда оцениваем наше прошлое в контексте мирового развития. Ведь Октябрьская революция стала действительно прорывом в будущее, строительство социалистического общества действительно оказало колоссальное воздействие на процессы общественного развития во всем мире. И многое из завоеваний трудящихся, многое из достигнутого развитыми капиталистическими странами осуществлено и под влиянием нашего примера, нашей альтернативы, наших ошибок и наших трагедий.

Весь наш опыт — с гигантскими плюсами и с не меньшими минусами — стал вкладом в развитие человеческой цивилизации. Теперь нам приходится перенимать у других стран те демократические завоевания, социальные и экономические достижения, которые стали возможны во многом благодаря и нашему опыту. Словом, альтернативы нет. Надо осознать свое место в мире. Нельзя и дальше продолжать особый путь, не используя все то ценное, что уже выработало человечество.

ВЫБОРЫ — БЕЗ ПРИВИЛЕГИЙ! ● ИЗБАВЯТ ЛИ НАЛОГИ ОТ ИНФЛЯЦИИ? ● «МЫ ЕЩЕ ЖИВЫ. ВСПОМНИТЕ О НАС» ●

■

Поддерживаю предложение группы народных депутатов СССР — авторов коллективного письма «Пока проект не стал законом» (№ 31) о публикации альтернативного варианта проекта Закона о выборах в местные органы власти.

На пленуме Донецкого областного комитета Компартии Украины говорилось (цитирую по газете «Социалистический Донбасс» от 2 августа): «Обращает на себя внимание то, что никак не проявили себя в забастовке маяки производства, Герои Социалистического Труда, лауреаты премий, орденоносцы, почетные шахтеры, все те представители трудовых коллективов, кто считался опорой партийных комитетов».

Но ведь именно они, орденоносцы, и формируют весь выборный актив всех общественных организаций от КПСС до Общества трезвости. Так уж исторически сложилось, что представляют нас, рабочих-коммунистов, те, кто большую часть рабочего времени проводит на всякого рода общественных мероприятиях, в том числе и в заграничных поездках.

Выборы — ответственное испытание. И где гарантии, что выборный актив (или часть его) не попадет под чары тех, кто захочет представлять самих себя. Этого допустить нельзя. Все кандидаты должны находиться в равных условиях. Выборы — только на альтернативной основе. Лишение спецпривилегий должно начинаться с лишения права на беспроигрышный выигрыш в предвыборной кампании.

Ю. Н. МУРОМСКИЙ,
член КПСС, рабочий
Донецк

■

Постановление Верховного Совета СССР о налогообложении фонда оплаты труда государственных предприятий (объединений) заморозит инициативу, а инициативу, рост производства товаров и услуг. Вероятно, мало найдется желающих увеличивать количество и качество продукции ради роста капиталовложений в производство и даже ради роста фонда социального развития. Ведь этот фонд распределяется не по труду (жилье, путевки, спорт, ссуды, материальная помощь и т. п.), он не стимулирует личную отдачу и инициативу каждого.

Постановление позволяет увеличивать зарплату и премии за рост производства ширпотреба. Для этого необходимы дополнительное сырье, оборудование, проекты, автоматизация, даже научные разработки. А это уже не ширпотреб, такой рост уже карается. Откуда же все это возьмется? Не надо быть экономистом и тем более академиком, чтобы понять всю, мягко говоря, нелогичность отделения потребительских благ от всех остальных.

Это постановление — крах для активных работников госпредприятий, которые своим трудом и энергией надеялись улучшить свой скудный быт. И уж совсем обманутыми оказались многочисленные энтузиасты хозрасчета, которые, поверив в необратимость экономической перестройки, заключили дополнительные договоры с организациями-заказчиками с оплатой после сентября 1989 года. Теперь они обязаны их выполнять — практически без оплаты труда.

Инфляция порождается не ростом доходов предприятий от выполнения договоров друг с другом, а расходами из государственного бюджета на капитальные вложения в производство, годами не дающее отдачи, на раздутую систему управления, оборону, мелиорацию, дотации производителям многих товаров и услуг. За доходами предприятий стоит реальная продукция, за государственными расходами — только выплата свеженапечатанной зарплаты. Все производственные капитальные расходы должны нести предприятия, а не государство. Все дотации производителям нужно заменить помощью нуждающимся потребителям: инвалидам, пенсионерам, сиротам, студентам, многодетным.

Другая причина инфляции — монополизм в производстве, порождаемый государственной собственностью на предприятия. Отделите их от государства, облегчите создание новых конкурирующих предприятий любому коллективу или частному лицу, в том числе иностранному, откройте рынки для иностранной валюты и товаров — и монополия постепенно исчезнет. Временный рост цен на дефицитные блага — это естественное условие ликвидации дефицита, который по своим последствиям хуже инфляции. Необходимо экономике перейти от нагромождения всевозможных запретов, госзаказов, лимитов, фондов, нормативов к настоящему свободному производству и рынку, от надуманных «кабинетных» цен к рыночным. Так живет весь развитой мир, и не хуже нас. Необходимо, наконец, извлечь урок из семидесяти лет вопиющей экономической неэффективности и расточительных экспериментов.

Переход к рыночной экономике неизбежно вызовет дифференциацию доходов, но помощь нуждающимся из госбюджета, о которой говорилось выше, способна защитить их от снижения уровня жизни.

Казалось бы, такое естественное экономическое устройство, преимущества которого хорошо известны из практики многих стран на протяжении многих лет, а также из теоретической экономики, вполне может послужить для наших законодателей направлением выхода из застарелых экономических трудностей. Но выбран обычный рецепт: во избежание неприятностей запретить инициативу, отменить стимулы, снизить рост зарплаты любой ценой. В лучшем случае такие меры могут вернуть утраченное спокойствие застойных лет. Нужно ли это перестройке?

Л. С. ПРЕСМАН,
кандидат экономических наук
Москва

■

Народ ликовал, слушая прямые передачи заседаний Съезда народных депутатов. Накопленное в душе за долгие годы молчания выплескивалось. Это было упоение свободой. Сколько умных голов, сколько важных проблем...

Но никто, никто из выступавших, включая и руководство Всесоюзного общества «Мемориал», не вспомнил об участи еще живых жертв сталинизма, чудом выживших, потому что гибель политических заключенных была в два-три раза выше, чем на фронте. Думаю, в адрес Съезда были посланы телеграммы не только от нашего Липецкого общества бывших узников: «Мы еще живы. Вспомните о нас...»

Публикации об ужасах времен произвола и беззакония читали взахлеб, спешили поделиться на работе, в автобусах, рвали на части «Детей Арбата», «Крутой маршрут», журнал «Огонек». Где уж там помнить о еще живых узниках! Народ лил слезы о невинных жертвах, но это ни к чему не обязывало. Воистину «они любить умеют только мертвых».

В Липецке обивают пороги обкома, облисполкома, горисполкома и умоляют власти всего пять человек. А по стране? Мы наберем, очевидно, лишь несколько тысяч. Таким образом, речь может идти о символических суммах. И это в стране, где палачи и истязатели ходят, гордо выпятив груди, получая персональные пенсии, осыпанные льготами. Прислушайтесь, чего вымаливают жертвы: «Мы скоро умрем. Мы немощны и больны. Дайте нам бесплатные лекарства, минимальные льготы. Или хотя бы тех, кто в нечеловеческих условиях трудился во время войны в лагерях, приравняйте к труженикам тыла...» Но общество глухо к этим стенаниям. Без покаяния не пробудиться народной совести. А что же сделали для нас? Некоторым еще не выплатили семирублевой материальной компенсации за страдания. Это не шутка: бывшему студенту, например, полагается выплата двухмесячной стипендии, а она была 35 рублей — на новые деньги 3.50.

Почему же с таким нескрываемым отчуждением относятся к бывшим узникам? Почему мы проходим перед строгим взором местных властей темной когортой «бывших контриков»? Нас и во времена перестройки за требования последовательной десталинизации по-прежнему обвиняют в антисоветизме.

Неужели это правда, что все население страны разделилось когда-то на тех, кто сидел, и тех, кто сажал? Люди, одумайтесь! Мы-то скоро умрем, а вы-то как будете жить, неся в народном сознании исторический грех? Мы уходим в другой мир с ужасной мыслью, что ставка сделана на то, что нас почти не осталось, скоро и остальных не будет, поэтому и отделываются от нас бумажками о реабилитации. Если это так, за что же все мы прокляты?

Б. Н. ПЕТЕЛИН,
председатель Липецкого общества «Мемориал»

■

Наконец-то мы имеем работающий парламент. В течение двух месяцев Верховный Совет СССР работал, как на пожаре,— по шесть часов в день заседаний, да комиссии с комитетами, да выезды на места, к избирателям. И мы видели, как он работает. Вторая всесоюзная программа вечером была вне конкуренции. В дни совместных заседаний палат с монологов М. Жванецкого мы переключались на выступления депутата А. Собчака. Мы не высыпались вместе с нашими депутатами.

Сначала заседания транслировались напрямую. Потом перешли на вечернюю передачу заседаний в записи. Это дало 20 минут экономии телевизионного времени за счет перерыва между заседаниями, и передачи шли 5 часов 40 минут. Потом стали сокращаться: 5 часов 30 минут, потом 5 часов, 4 часа с минутами, а 4 августа нам прокрутили трехчасовую передачу. Становилось все труднее понимать происходящее в зале заседаний. Исчезла аргументация принятых решений. Исчезли ответы правительства на вопросы депутатов (как 3 августа). Объявленные выступления не появлялись на экране, и, наоборот, появились какие-то странные, неадекватные реакции, ссылки на выступления, которых мы не видели и не слышали. Непонятными становились мотивы голосований. И все чаще мы узнавали подробности не из телепередач, а опять «из-за бугра». За неделю до каникул парламента многие переключились на другие программы: стоит ли читать детектив с вырванными страницами и главами. Даже «шутка» с назначением отклоненного министра Конарева оказалась застойно-скучной. Пропала гордость за самый высокий в мире, как нам сказали, уровень гласности работы парламента. Опять, как выяснилось, происходящее наверху стало «не нашим делом».

О. АГАХАНЯНЦ, Л. АНДРЕЕВА
Минск

■

Пишет вам подписчик и постоянный читатель вашего журнала из Болгарии Христо Г. Хинков. С большим волнением и интересом жду каждого номера «Огонька» и читаю его от первой до последней страницы.

Большое впечатление производят материалы, связанные с медициной. Особенно потрясла статья «Лучше не думать?». Действительно, у вас все время утверждают, что нет валюты для закупки оборудования для производства одноразовых шприцев, капельниц и т. д.

В то же время в рекламах по болгарскому телевидению несколько дней назад наша промышленность предлагала одноразовые шприцы и технологические линии для их производства. Вряд ли Болгария продает свою продукцию Советскому Союзу за доллары. А для меня слова «валюта» и «доллары» однозначны. Так что, наверное, в вашем Минздраве кто-то не хочет заниматься этим вопросом. Иначе уже решили бы его.

Христо Георгиевич ХИНКОВ
Стара-Загора, Болгария

■

В № 31 «Недели» в статье Александра Шальнева, собкора «Известий» в США, посвященной президенту страны Джорджу Бушу, говорится: «Всегда полна загородная президентская резиденция в Кэмп-Дэвиде. Кстати, это единственная в Америке «государственная дача».

Почему же в нашей стране, где много говорится о социальной справедливости, что ни начальник — большой ли, средний ли, маленький — получает дачу со скидкой. Или платит за пользование ею мизерную сумму. Пусть и наш президент за свой огромный труд имеет государственную дачу. Но остальным, думается, госдача не положена.

А. И. ДЛУГАЧ,
член КПСС с 1943 года,
инвалид II группы
Москва

■

Осень прошлого года завершилась победой над теми, кто хотел лимитировать подписку. А сейчас грядет новая опасность. Нет уверенности, что издание, избранное вами, сможет выполнить свои обязательства, особенно если оно в ведении Союза писателей РСФСР. Поясню двумя примерами.

Нам, живущим на Украине, небезразлично, как идут дела в Российской Федерации. Отклонив «Советскую Россию», связанную в памяти с известными «принципами», мы выписали на 1989 год «Литературную Россию», которую до этого читали с интересом и сочувствием. В первые месяцы нынешнего года так и было, но после вынужденного ухода ее главного редактора М. Колосова направление еженедельника резко изменилось. Еженедельное чтение ничего не дает ни уму, ни сердцу. Позиция газеты в лучшем случае вызывает недоумение, а чаще — раздражение. Плохую услугу оказывает это издание великому русскому народу. Мы люди немолодые, поэтому судим по жизненному опыту, а не по той смеси высокомерия и самоунижения, которой заполнены страницы «ЛР». Но подписка-то сделана! И никто не спросил читателя, хорошо ли ему?

Пример второй. Среди многих изданий, выписанных нами на 1990 год,— журнал «Октябрь», интересный с тех пор, как его возглавил А. Ананьев. Самобытна и программа, объявленная на следующий год. Но уже начались нападки на его редактора и планируется "обсуждение" журнала в СП РСФСР. Направленность этого обсуждения определена опубликованными обвинениями.

Думаю, что у членов правления хватит совести, а может быть, чувства истории, чтобы не пойти на поводу у «ястребов». А если нет? Снова подписчики будут давиться тем, что дадут?

Хотелось бы узнать, каковы правовые возможности читателя, желающего не деньги за подписку вернуть, а прочесть то, что обещано?

В. М. ВОЛОШИНА,
кандидат педагогических наук
Киев

■

Мы все помним, с каким воодушевлением было воспринято решение Политбюро ЦК КПСС об издании серии «Из истории отечественной философской мысли», которую поручили выпускать журналу «Вопросы философии» и издательству «Правда». И вот сигнал первого тома наконец-то пришел в редакцию. Это две большие книги, написанные нашим великим русским философом Н. А. Бердяевым: «Философия свободы» и «Смысл творчества». Но кто бы знал, сколько труда и нервов за этим начавшимся изданием! Удивительно, но факт — за каждую деталь издания приходилось бороться с издательством «Правда» — богатейшим, имеющим сильнейшую в стране полиграфическую базу.

И все же том первый в руках читателя. Это большой шаг — ведь Бердяева не издавали в его родной стране 70 лет. Скоро, надеемся, должны выйти сочинения В. С. Соловьева, П. Я. Чаадаева, К. Д. Кавелина, М. А. Бакунина, Г. Г. Шпета. На следующий год запланированы тома П. А. Флоренского, В. В. Розанова, П. Д. Юркевича (не переиздававшегося уже более ста лет), С. Л. Франка, В. Ф. Эрна. Еще через год — С. Н. Булгаков (в том числе никогда не издававшаяся на русском языке «Трагедия философии»), полное собрание сочинений Н. Ф. Федорова, послереволюционные сочинения Н. А. Бердяева, но уже в составе двухтомника, Е. Н. Трубецкой и многие другие вычеркнутые из русской истории и культуры имена.

Все это, конечно, прекрасно. Но... Процесс возрождения отечественной философской культуры сейчас оказался под угрозой. В решении Политбюро от 12 мая 1988 года было сказано: издавать на базе издательства «Правда». В этом заключался двоякий смысл: во-первых, отечественных философов издает партийное издательство, и, во-вторых, издает быстро, качественно, освобождая издателей от нашей, ставшей привычной, полиграфической мороки. Теперь же серию хотят передать задыхающемуся от нехватки мощностей издательству «Наука», которое вряд ли сможет выпускать даже один-два тома в год вместо запланированных десяти.

Судьба российской философии в очередной раз поставлена под удар!

А что же продолжает печатать «Правда»?

Возьмем самые последние издания: «Плутовской роман» — тираж 500 000 тысяч экземпляров, Клиффорд Саймак. «Город», «Все живое»...— 600 000 тысяч. Конечно, кто же против увлекательного чтения, в том числе про испанских плутов XVI века или про инопланетян, столкнувшихся с жестокой буржуазной цивилизацией? Но зачем же это делать за счет великих наших философов? По какому праву? И что делать подписчикам? Многие уже подписались на 1990 год, отдали свои деньги, но нет гарантии, что подобная «переброска» серии в маломощную «Науку» не задержит выход будущих томов. Да и где теперь вообще гарантии, что серия будет, а подписчики не потеряют своих прав?

Отечественная философская культура нуждается в помощи. Тираж в 35 тысяч экземпляров в конце концов дело поправимое: с готовых фотоматриц любое издательство может сделать любой тираж за несколько дней. Однако налаженное с громадным трудом дело может рухнуть. Так неужели же мы и на этот раз смиримся?

Василь БЫКОВ, народный депутат СССР; Борис РАУШЕНБАХ, академик, член редсовета серии «Из истории отечественной философской мысли»; Мераб МАМАРДАШВИЛИ, профессор, член Советской комиссии по делам ЮНЕСКО

■

Дорогие друзья, по правде говоря, я уже давно собирался написать вам, но читаю я, как и большинство, охотнее, чем пишу. Так бы, наверное, случилось и теперь, если бы не письмо А. Гладилина в № 15.

Я согласен целиком и полностью с Анатолием Гладилиным: стоимость подписки на советскую периодику за рубежом, неоправданно высока: я плачу за годовую подписку на «Огонек» через фирму-посредника в Мюнхене (скажите, пожалуйста, почему я в Бремене должен подписываться на московский журнал через Мюнхен?) 250 марок ФРГ.

Покупать «Огонек» в рознице — та же история, то есть та же завышенная стоимость, что и при подписке, тот же посредник. А почему нельзя открыть отделения — киоски «Союзпечати» за рубежом, как делает это, например, Аэрофлот? Установить разумные цены на периодику, и прибыль себе, а не чужим дядям и тетям.

Короче говоря, я, к сожалению, тоже буду вынужден воздержаться от оформления подписки на 1990 год, если условия подписки не будут кардинально изменены.

Георгий ЛИНЕВ
Бремен, ФРГ

В письмах, которые «Огонек» получает от зарубежных читателей, часто встречаются вопросы, связанные с подписной ценой. Как нам сообщили во Всесоюзном внешнеэкономическом объединении «Международная книга», которое выполняет функции посредника, экспортная годовая подписная цена на «Огонек» установлена в размере 67,20 инвалютного рубля и включена в каталог «Международной книги», который имеется у всех фирм — контрагентов объединения.

В 1990 году годовая подписная цена на «Огонек» составит: в США — 114 долларов, в ФРГ — 228 марок, а Англии — 67,20 фунта, во Франции — 739 франков.

Цены эти выше, чем подписная цена большинства еженедельников, популярных в Европе и США. Нас беспокоит — и читательские письма подтверждают это — все более энергичное отрезание «Огонька» от русскоязычного зарубежного читателя — не всегда самого зажиточного.

«ОГОНЕК»-ВИДЕО

Скоро будет ровно год, как «Огонек» приступил к производству и созданию видеовыпусков — своеобразного приложения к нашему журналу. Мы не торопились слишком громко объявлять об этом событии, поскольку оказались первыми, и было не совсем ясно, получится ли у нас этот эксперимент.

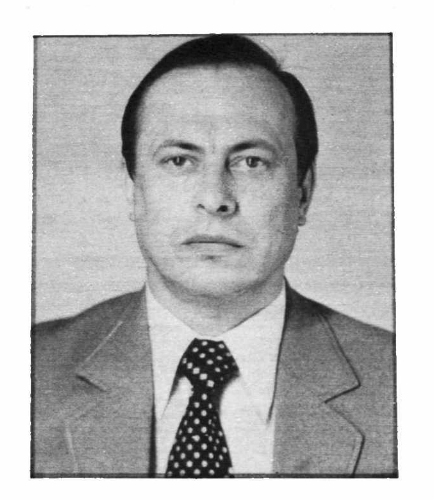
В прошлом году была выпущена одна видеокассета. В этом поступили к нашим видеоподписчикам еще четыре видеовыпуска. Сейчас завершается работа над пятым, и полным ходом идут съемки, монтаж, производство 6-го и 7-го выпусков. Так что мы встали на ноги, и, видимо, настала пора рассказать всем, что же такое — «Огонек»-видео.

Идея проста. Лучшие материалы журнала, которые вызвали наибольший читательский отклик, обретают с помощью видео вторую жизнь. Журнальные акции, интересные встречи, другие наиболее значительные события в жизни «Огонька» — все это становится достоянием не только ограниченного круга сотрудников, авторов журнала, но с помощью видео теперь принадлежит всем, кто интересуется «Огоньком» и любит его.

Наши видеовыпуски — это отражение огоньковского взгляда на сегодняшнюю жизнь страны. Землетрясение в Армении и выборы народных депутатов, события в Тбилиси и видеоразмышления о судьбе кооперации, «Неделя совести» в ДК МЭЛЗ и запись новой рок-оперы Алексея Рыбникова, встреча с внуками Троцкого и репортаж о поездке Бориса Гребенщикова в Америку, разговор с Юрисом Подниексом о его новом фильме, отрывки из него и видеоисследование о «визите» НЛО, последние события в Прибалтике и... Нет, все, что сделано, перечислить практически невозможно. Не менее важно и то, что авторам нашего видео-«Огонька»: режиссерам, операторам, видеоинженерам — удается создавать выпуски на достойном профессиональном уровне. Некоторые из сюжетов были показаны на международных кинофестивалях и получили там высокую оценку жюри. На последнем Московском кинофестивале большой интерес к видеовыпускам «Огонька» проявили кино- и видеообъединения США, Англии, ФРГ, Италии, Японии, Южной Кореи, Франции, других стран.

Но, впрочем, это все, так сказать, перспективы, близкое или не очень близкое будущее. А на сегодняшний день нашими постоянными зрителями стали посетители видеосалонов, большое количество заявок на кассеты мы получаем из дворцов и домов культуры, молодежных творческих объединений, многочисленных профсоюзных организаций и т. п. Мы рады, что с каждым месяцем популярность видеовыпусков растет, число зрителей и видеоподписчиков увеличивается.

Ну а для тех, кто еще не успел приобрести видеовыпуски «Огонька», сообщаем наш адрес: Москва, 117313, аб/ящик 843, «Огонек»-видео.



НЕ КОНТРАКТОМ ЕДИНЫМ

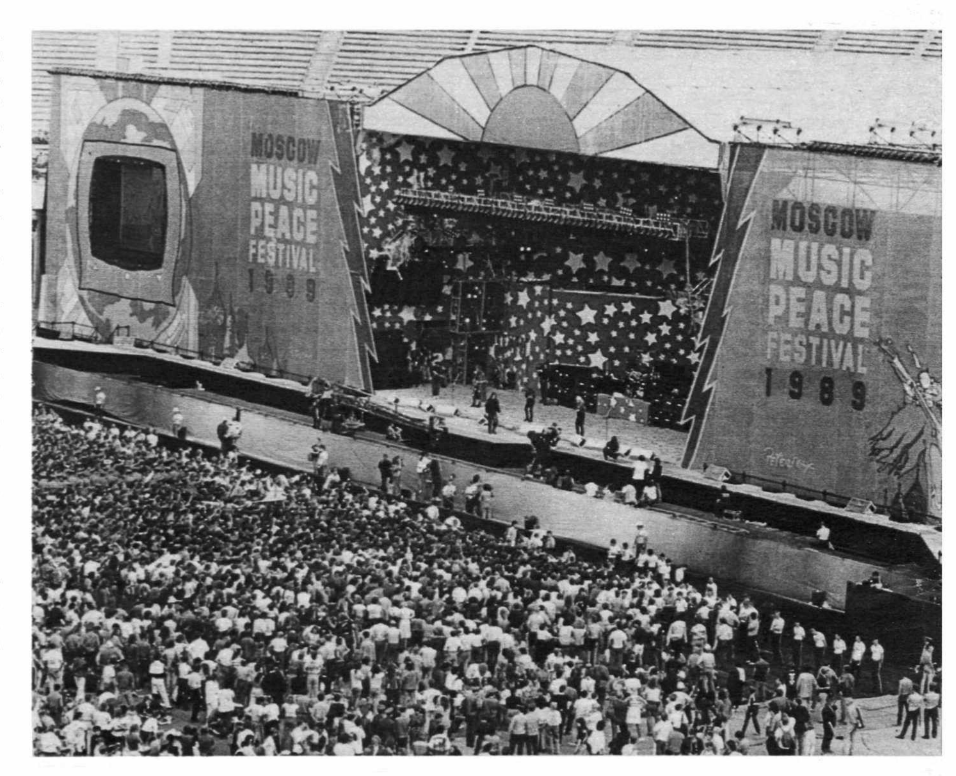
С генеральным директором Госконцерта Владимиром ПАНЧЕНКО беседует специальный корреспондент «Огонька» Дмитрий БИРЮКОВ

Я пришел в Госконцерт в тот самый момент, когда там начали разворачиваться события, которые могли запросто перерасти в международный скандал. Дело в том, что из Ленинграда на гастроли в Париж, которые начинались через три дня, не мог вылететь коллектив театра оперы и балета имени С. М. Кирова. «Пулково» и «Внуково» отказались организовать чартерный рейс на 350 человек даже до Берлина, несмотря на то, что Госконцерт был готов оплатить все расходы. Гастроли срывались.

В кабинете генерального директора, как водится, моментально собрался штаб по ликвидации чрезвычайного происшествия. Один за другим предлагались и отвергались планы переброски артистов во Францию через Тбилиси, отправка двумя или тремя самолетами. Одновременно велись переговоры с руководством нашей отечественной авиакомпании, из которых явствовало, что Аэрофлот ни при чем. Вернее, при чем, но для того, чтобы разобраться в этом, нужно было сразу же погрузиться во все проблемы наших авиаперевозок, вникнуть во взаимоотношения, сложившиеся между Министерством гражданской авиации, Аэрофлотом, отрядами «Пулково» и «Внуково». Через полчаса на свет возник и стал всерьез обсуждаться новый грандиозный план: отправка 350 артистов из Ленинграда в Париж на автобусах (легко себе представить, что было бы с нашими исполнителями после такой автопрогулки).

Конфликтная ситуация разрешилась. Коллектив отбыл в Париж самолетами югославской авиакомпании. Сотрудники Госконцерта разошлись спокойно. Оказалось, они просто привыкли к такому. На меня же эти три часа произвели неизгладимое впечатление. До искусства ли, когда нужно пробивать, перепроверять и быть готовым к чему угодно? Почему это происходит сейчас, когда вроде бы исчезли бюрократические барьеры и успех в работе зависит от умения руководителя и его подчиненных? А может, это — следствие того, что Госконцерт является сателлитом Министерства культуры? И может быть, действительно правы те, кто предлагает упразднить Госконцерт и решить разом все проблемы.

Не скрою, и мне поначалу это решение казалось оптимальным. Но... Два известных западных импресарио заявили мне, что, кроме Госконцерта, они не знают в Советском Союзе другой фирмы, с которой можно было бы сотрудничать. Один из них, Георг Хёртнагель, глава западногерманской фирмы «Мюнхенская концертная дирекция», которого трудно заподозрить в особых симпатиях к Госконцерту (за организацию гастролей Ростроповича Хёртнагель был отлучен от СССР на девять лет), особо отметил, что Госконцерт — очень надежный партнер.



КОНКУРЕНТЫ ГОСКОНЦЕРТА? Московский музыкальный фестиваль мира в Лужниках организовали музыкальный центр Стаса Намина и ассоциация «Здоровье — миру» при Советском комитете защиты мира.

— Итак, перед нами необычная ситуация. С одной стороны, а конкретно с западной, выражена если не любовь, то по крайней мере уважение. С другой — с советской, мягко говоря, ни любви, ни уважения. Владимир Всеволодович, как вы можете это объяснить?

— Разные могут быть причины любви и ненависти. Западных импресарио устраивали ответственность и наличие гарантий за выполнение обязательств по контракту. За Госконцертом они ощущали государство. Не любят Госконцерт за окостенелость. Раньше работники Госконцерта просто сидели и ждали, когда приедут западные импресарио и что-нибудь предложат, не очень утруждая себя заключением выгодных контрактов, организацией гастролей. В результате такого положения страдали наши исполнители, лишенные права выбора, а иногда и самой возможности показать свое искусство за рубежом. Обделенными оказались и советские люди, которые в то время могли знакомиться с мастерством ведущих зарубежных музыкантов только по пластинкам. Вот так и складывалась репутация Госконцерта старого образца.

— Сейчас модно в таких случаях менять название.

— Сначала и мы хотели. Но потом я подумал, что дурная слава — это тоже слава и лучше дома поменять образ врага на образ друга, чем долго приучать наших зарубежных партнеров к новому названию. Ведь для них Госконцерт оставался солидной, хоть и негибкой фирмой.

— С того времени, как вы возглавили Госконцерт, прошел год, и я бы не сказал, что вам удалось изменить образ врага на образ друга.

— Поймите, год назад мы только начали и сегодня находимся в переходном периоде. За это время мы разработали новую структуру, механизм работы, который, на наш взгляд, соответствует запросам и требованиям сегодняшнего дня. При этом мы учли критику и пожелания общественности, прессы, зарубежных партнеров. Создан специальный отдел, который занимается советскими артистами. Раньше этого не было. Сегодня советский исполнитель знает конкретного человека, с которым можно по крайней мере обсудить план гастролей, высказать свои пожелания.

Изменилась и работа с рекламой как внутри страны, так и за рубежом. Но сегодня стало ясно, что перемены в самом Госконцерте — это только часть проблемы. Чтобы двигаться дальше, необходимо решить целый ряд как экономических, так и правовых вопросов, которые выходят за рамки нашей компетенции. Без высокого решения мы, например, не можем изменить оплату труда советских музыкантов за рубежом. Особого рассмотрения требует и защита наших прав.

Во время гастролей Вилли Токарева мы узнали, что без согласования с нами несколько кооперативов выпустили майки, значки и плакаты с изображением певца. Нас практически обобрали на легальных основаниях.

Мы еще до сих пор скованы по рукам и ногам постановлениями и инструкциями. До сих пор остаются проблемы с транспортом и гостиницами, обслуживанием западных гастролеров и советских коллективов, выезжающих за границу. В таких условиях ждать немедленного результата было бы нелогично. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что культурный обмен должен быть общим делом. Делом всех союзных республик, местных Советов, творческих и общественных организаций и даже производственных объединений.

— Но сегодня артистическим обменом уже занимаются и Комитет защиты мира, Союз обществ дружбы, общество «Родина», Союз театральных деятелей, Советский фонд культуры, кооперативы и хозрасчетные объединения. Это ваши конкуренты?

— Конкуренты в чем — в зарабатывании денег или в организации артистического обмена?

— В организации артистического обмена.

— Я очень сожалею о том, что мы не чувствуем конкуренцию в приглашении в СССР выдающихся мастеров зарубежной культуры. Это значительно обогатило бы культурную жизнь нашей страны. Существует, правда, другой вид конкуренции — направление советских артистов за рубеж. И здесь я бы хотел сказать, что искусство — это не товары народного потребления, кото-

рых чем больше, тем лучше. Бездумное увлечение концертной деятельностью ни к чему хорошему не приведет. Мало того, что мы будем сталкивать исполнителей (а это уже сейчас происходит), мы неизбежно девальвируем их авторитет. Скажите, может ли способствовать нашей деятельности тот факт, что три наших краснознаменных ансамбля чуть было не проехали по одним и тем же городам США в одно и то же время? А совсем недавно мы вынуждены были отложить гастроли Ленинградского Большого драматического театра имени Горького в Париже из-за того, что весь город буквально набит нашими студиями, которые приехали по линии Союза театральных деятелей СССР. Сегодня идея конкуренции в области артистического обмена должна реализовываться через правовые нормы, принятые во всем мире. Мы не раз предлагали и предлагаем всем, кто занимается артистическим обменом, собраться и решить вопрос о координации. Кроме того, я убежден, что нам требуется правительственное постановление, которое бы определило правовой и экономический порядок в организации артистического обмена в СССР и за рубежом, так как постановления Министерства культуры не распространяются на такие организации, как Комитет защиты мира, Союз театральных деятелей, общество «Родина».

— Владимир Всеволодович, если у Госконцерта нет конкурента, хотя бы в приглашении зарубежных артистов, тогда чем же объяснить печальный исход благотворительного концерта в пользу Армении, о котором писала газета «Комсомольская правда»?

— Что касается истории этого фестиваля, то она тоже отражает тот процесс, о котором мы говорили. Первоначально этот грандиозный фестиваль было намечено провести совершенно по другому поводу, да и назывался он иначе — «Рок против наркомании». Но его подготовкой занимался не Госконцерт, а Союзконцерт. По каким-то причинам этот фестиваль был отменен. Вновь идея возникла примерно через год, но на этот раз его проведение было поручено Госконцерту. Кстати, одной из причин возвращения этой идеи послужил размер неустойки, которую выставили партнеры Союзконцерта за срыв фестиваля. Тогда я только пришел в Госконцерт. Мы связались с западногерманским импресарио Кларой Ландвер, через которую шли переговоры с известными музыкантами, забронировали арену спорткомплекса «Олимпийский», заключили соглашение о трансляции с радио и телевидением. Работа была завершена, когда в Армении произошло землетрясение. Тогда мы приняли решение — все сборы от концертов, телевизионных передач, пожертвований спонсоров направить пострадавшим от землетрясения. О чем на пресс-конференции в МИД СССР сообщила Клара Ландвер, назвав даже сумму в 50 миллионов долларов.

Неожиданно в газете «Московский комсомолец» я прочитал заметку о том, что наша акция не состоится, так как западные импресарио решили бойкотировать Госконцерт из-за того, что мы якобы в нарушение правил перекупили Вилли Токарева. Я сначала не придал этой статье значения. Но стали поступать сообщения, что в организации нашего фестиваля происходят непонятные сбои. На итоговой пресс-конференции в Лондоне, куда приехал не «десант Госконцерта», а председатель Фонда культуры Армении, заместитель председателя Советского фонда культуры и наш представитель, были обнародованы обращения благодарности западным музыкантам от Совета Министров Армении и председателя Советского фонда культуры академика Лихачева. На этой же пресс-конференции стало известно, что газета «Комсомольская правда» решила провести параллельный концерт с такой же, как и у нас, целью. Разница между двумя фестивалями заключалась только в одном: мы хотели перевести в Армению все средства, полученные от этого мероприятия (не 6, как сообщила газета, а 50 миллионов долларов), а наши соперники вели речь только об определенном проценте. К сожалению, именно по этой причине западные музыканты отказались приехать к нам, посчитав, что дело нечисто и на них просто хотят заработать под самым благовидным предлогом. В результате ни мы, ни «Комсомольская правда» так и не провели полноценных концертов.

Эта история имела продолжение. Но сейчас меня волнует то, что стремление заработать деньги любыми путями стало доминирующим мотивом подавляющего числа так называемых конкурентов.

— Раз уж мы заговорили о деньгах, то давайте вспомним интервью Елены Образцовой «Советской культуре». Мне кажется ненормальным, когда советские артисты не знают, на что идут их честно заработанные деньги.

— Да, действительно, это безобразие, но я вас уверяю, мы не делаем из этого тайны. Все средства, полученные от зарубежных гастролей наших артистов, идут на оплату иностранных исполнителей, которых мы приглашаем в СССР.

— А вы не могли бы подробнее рассказать, сколько получают наши артисты за рубежом?

— Вообще-то не принято об этом говорить. Но поскольку разговор зашел, то давайте разберемся. Все расчеты Госконцерта производятся исключительно по постановлению Совета Министров от 30 июня 1980 года под номером 542. Для того, чтобы узнать, сколько получают наши артисты, необходимо взять тарификационную таблицу, вооружиться калькулятором, умножить тарификационную ставку на два, прибавить надбавку за мастерство и гастроли, поручить бухгалтеру определить сложность исполняемого двойного концерта Брамса, так как от этого зависит коэффициент оплаты, и высчитать сумму денег. Суть всего этого в полной безоговорочной уравниловке. Эта практика не учитывает ни сумму контракта, ни истинную цену артиста в мире. Оплата труда одинакова практически для всех. Можно ли считать это справедливым? Сегодня в Совет Министров уже внесено предложение кардинально изменить оплату труда, чтобы артисты получали 50 процентов от суммы контракта.

— Вы все время говорите, что на искусстве нельзя заработать. Однако, насколько я знаю, Госконцерт перешел на хозрасчет. Вы что же, решили стремительно обанкротиться или...

— Искусство прибыльным не может быть. Другое дело, когда речь идет о тех, кто занимается искусством. Импресарио, посредники по-нашему, действительно могут на нем заработать.

К сожалению, в последнее время я неоднократно встречался со всякого рода призывами перевести искусство на хозрасчет. В частности, совсем недавно в уважаемой мной газете «Московские новости» была опубликована статья «Пахарь со скрипочкой», в которой утверждался правильный тезис о том, что интеллигенция в нашей стране является производительной силой, движущей общество к прогрессу. Однако доказывался этот тезис вымышленными, не имеющими отношения к проблеме фактами. Там говорилось, что наш выдающийся ансамбль «Виртуозы Москвы» заработал за прошлый год около 250 тысяч долларов, на которые можно было закупить эшелоны пшеницы. На самом же деле по итогам 1988 года ансамбль сдал в Госконцерт 75 тысяч инвалютных рублей. Когда же мы подвели финансовые итоги года, то выяснилось, что государство выделило дополнительно на зарубежные гастроли этого коллектива 120 тысяч рублей. И это совершенно нормально и естественно, потому что эти 120 тысяч рублей вернутся к нам уважением тысяч людей, рукоплескавших этому замечательному коллективу, и в конце концов престижем советского народа. Вообще зарубежные гастроли всех коллективов требуют государственных дотаций.

К чему я это рассказал? Да к тому, что опасно даже в полемических интересах связывать такую деликатную духовную сферу деятельности человека, как искусство, с закупками сельскохозяйственной продукции.

— Но, может быть, в других странах дело обстоит по-другому?

— Нет, то же самое происходит во всем мире, и поэтому не случайно, что муниципалитету города Цюриха ежегодно выделяется на культуру 130 миллионов швейцарских франков, то же самое делают муниципалитеты других европейских стран, а в США дотациями преимущественно занимаются крупнейшие промышленные фирмы. Во всем мире без исключения искусство существует только на дотациях.

— А как же тогда работает Госконцерт?

— Недавно мы подготовили план артистического обмена на 1990 год. На его реализацию нам потребуется 14 миллионов рублей. От Министерства культуры мы получили под конкретный заказ 8 миллионов рублей. Таким образом, нам предстоит заработать 6 миллионов рублей для того, чтобы реализовать все наши задумки.

— Если сравнивать ваши 14 миллионов рублей на весь Советский Союз и 130 миллионов франков на один город Цюрих, то мы выглядим достаточно бледно.

— Если учитывать, что артистический обмен — это уровень духовного развития народа и престиж нашего государства, то 14 миллионов рублей действительно мало. Но давайте взглянем на эту проблему с другой стороны. Мы уже много лет говорим о духовности, о необходимости знакомить советских людей с высшими достижениями в искусстве и культуре. В сентябре приезжает к нам миланский Ла Скала. Мировая высота. Представьте себе, как было бы здорово, если бы с мастерством итальянских артистов смогли познакомиться не только жители Москвы и Ленинграда. Вы думаете, дело только в средствах? Нет. Как можно приобщиться к миру музыки, если нет специальных залов, если нет струн, скрипок, фортепиано. О чем говорить, если в Москве только два места, где можно слушать симфоническую музыку,— Большой зал консерватории и Зал имени Чайковского? А что происходит в других городах?!

— А вы уверены, что от качества залов и инструментов зависит любовь к симфонической музыке? Не так давно наш знаменитый музыкант Святослав Рихтер проехал с концертами через всю страну, выступая в некоторых поселках чуть ли не под открытым небом. И представьте себе, народу на его концерты собиралась уйма.

— Естественно, потому что это Рихтер. Но вы забыли сказать, что для этих выступлений ему пришлось в специально оборудованной машине везти свой концертный рояль. Что же касается экономики искусства, давайте обратимся к опыту ФРГ. Дело в том, что эта страна по числу людей, увлекающихся симфонической музыкой, намного обогнала все европейские страны. Можно, конечно, предположить, что это особенности национальных традиций. Я тоже так думал, пока не проехал по этой стране, не встретился с деятелями искусства. «У нас в ФРГ,— сказал один музыкант,— классическая музыка возведена в ранг массовой культуры». Я был уверен, что мой собеседник преувеличивает. Но потом, после того как увидел в небольших городках фантастические залы, в которых, уверен, за счастье почли бы выступить самые именитые музыканты, мои сомнения рассеялись. Вот вам наглядный пример продуманной политики в экономике искусства.

— А на какие средства все это построено?

— На деньги налогоплательщиков. Это работа муниципалитетов. Кстати, если изменятся финансовые возможности наших местных Советов, то почему бы и нам не пойти по этому пути. А сейчас, мне кажется, мы просто недооцениваем значение экономики искусства. Отсутствие залов, инструментов, низкая оплата наших исполнителей с каждым годом все сильнее работают на снижение престижа искусства у нас в стране.

И, может быть, не случайно сейчас несколько наших известных музыкантов заключили контракт на преподавание музыки в небольших школах в США. Мы много говорим о перестройке, резко критикуем период застоя — тогда нашу страну покинуло немало ярких талантов. Но до конца ли мы исследовали, отчего уезжали тогда? Возможно, эти же мотивы существуют и сегодня.

— А может быть, это все же следствие того, что мы столько времени насильно объединяли идеологию и искусство, пытаясь начинить все творческие процессы идеологическим содержанием?

— О какой идеологии может идти речь, если культура у нас до сегодняшнего дня имеет так называемый остаточный принцип? Если не специалисты и профессионалы музыкального искусства, а просто редактор в силу своего служебного положения отбирает музыкальные программы для радио и телевидения?

Столько лет у нас артистами руководили люди, глубоко их не уважающие. Они постоянно пытались уравнять музыкантов, выстроить их наподобие некоей придворной гвардии по рангам и званиям. А ведь искусство может существовать и развиваться только через личность. Личность невозможно назначить. Нет личности — нет открытий, нет неожиданностей. Мне Юрий Башмет рассказывал, как в конце шестидесятых, когда он учился в консерватории, весь творческий процесс строился вокруг личности. Появлялся в консерватории Ростропович — его тут же окружали студенты. В класс, который он вел, попасть было невозможно. Я слышал много легенд, которые рассказывали о Нейгаузе, Свешникове. Студенты к ним тянулись не как к знаменитостям, а как к личностям, которые были непредсказуемы, несли заряд нового, уникального. Личности в искусстве — своеобразные духовные центры, благодаря которым появилось много новых талантливых исполнителей. Любое некомпетентное вмешательство в творческий процесс ломало его, делало его бесплодным, уродливым. Музыканты уезжали не от марксистской идеологии, а от людей, которые постоянно, планомерно и равнодушно подвергали унижению личность в искусстве. И чем больше была личность, тем сильнее ее давили.

— Владимир Всеволодович, а что конкретно предлагаете вы?

— Я считаю, что нам необходимо кардинально пересмотреть наш подход к вопросам культуры, помня о том, что перестройка не может состояться без роста культурного уровня людей. Думаю, нам нужно готовить профессионалов, занимающихся культурным строительством, и поднять их престиж. Люди, освоившие эту профессию, должны работать в Министерстве культуры, в Госконцерте, в общественных организациях и хозрасчетных объединениях, занимающихся культурой и искусством. Сегодня нам как воздух нужны люди, которые бы занимались не артистами, а созданием всех возможных условий для полного расцвета их личности в искусстве.

ОСТОРОЖНО: ПРОВОКАЦИЯ!

ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Интервью с Иваном Александровичем Бенедиктовым, в течение двух десятилетий (с 1938 по 1958 год) занимавшим ключевые посты в руководстве сельским хозяйством страны, хорошо знакомым с методами и стилем работы И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, других видных политических и хозяйственных деятелей, основано на нескольких беседах с ним, состоявшихся в 1980 и 1981 годах... Я оставил все, как есть, все, как он говорил в то время, когда мне приходилось с ним встречаться.

В. ЛИТОВ,
член Союза журналистов СССР,
кандидат экономических наук

«Молодая гвардия» № 4, 1989 г.

И. А. БЕНЕДИКТОВ: О СТАЛИНЕ И ХРУЩЕВЕ

(ВЫДЕРЖКИ)

Да, в 30-е годы пострадали тысячи невинных людей. Конечно, человека, у которого незаконно расстреляли отца или мать, мало утешит то, что на одну невинную жертву приходилось немало справедливо осужденных. Тут надо перешагнуть через свою боль, перестать смотреть на историю, мир через призму личной озлобленности. Хотя бы ради элементарной объективности — о партийно-классовом подходе не говорю,— для многих ваших «интеллектуалов» он как красная тряпка для быка... По вопросам, касавшимся судеб обвиненных во вредительстве людей, Сталин в тогдашнем Политбюро слыл либералом. Как правило, он становился на сторону обвиняемых и добивался их оправдания, хотя, конечно, были и исключения...

Убежден, что в 30-е годы, когда решался вопрос жизни и смерти Советского государства, надо было использовать весь арсенал борьбы с нашими исконно русскими «болячками», применяя наряду с мерами материального и морального стимулирования меры административного порядка и даже карательно-репрессивные. Да-да, тот самый кнут, без которого подчас просто невозможно вышибить из части наших людей (и не такой уж маленькой) элементарное варварство, дикость и бескультурье...

И меня ничуть не трогают жалостливые истории о матери двух детей, получившей несколько лет тюрьмы из-за кражи двух пшеничных колосков. Конечно, по отношению лично к ней приговор был, что и говорить, жесток. Но он надолго отбивал охоту у сотен, тысяч других...

Репрессии 30-х годов были в своей основе неизбежны. Думаю, проживи Ленин еще лет 10—15, он стал бы на этот же путь...

В государственном и партийном аппаратах на местах также оставалось немало прошедших сталинскую школу людей, весьма скептически оценивавших хрущевское «новаторство». Надо было ослабить и сломить эту «оппозицию», представить своих политических противников в неприглядном свете, осуществить массированную обработку общественного сознания в антисталинском духе. Я имею в виду подготовку необходимой почвы для мелкобуржуазного, авантюристического прожектерства, шедшего вразрез со строгим, научным реализмом марксистско-ленинского подхода. Кампания по развенчанию Сталина и реабилитации жертв его «репрессий» идеально подходила для этих целей, тем более что часть реабилитированных получала посты в партийном и государственном аппарате, становясь, естественно, опорой Хрущева...

И, конечно же, хрущевская «оттепель» пришлась по душе широким кругам творческой интеллигенции, которая в силу своей общественной специфики испытывает тягу к индивидуализму, анархической распущенности, тяготится руководящей ролью партии...

Результаты монопольного господства Хрущева, которому по собственной недальновидности и непомерным честолюбивым амбициям помог Жуков, очевидны. Страна сошла с ленинских рельсов развития, потеряла темпы, пострадали интересы десятков, а может быть, если взять и международные аспекты, сотен миллионов людей... Пожалуй, главным просчетом Сталина и было то, что он не сумел, а может быть, не успел подготовить себе достойную смену...

Послесловие

Материал этот читается на одном дыхании. Подкупает искренность собеседников. Захватывает напряжение их мысли...

У меня почти нет сомнений, что так называемые экстремисты из «средств быстрого реагирования» воспримут данную публикацию, которой не нашлось места на страницах наших изданий в годы застоя, в штыки. Уж что-что, а их предвзятость очевидна и легко предсказуема. Скорее всего, они начнут приклеивать ярлыки сталинистов и журналу, и его читателям... На это можно сказать только одно: каждый видит мир кривым в меру своей испорченности.

Вячеслав ГОРБАЧЕВ
(заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия»)

ПО КАКОМУ ПРАВУ?

Мы с удивлением и возмущением прочитали в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, 1989 г.) публикацию «И. А. Бенедиктов: о Сталине и Хрущеве» *, подготовленную неким В. Литовым и представляющую собой якобы запись бесед автора с И. А. Бенедиктовым в 1980—1981 годах.

Мы утверждаем, что основания, права и даже наличия соответствующих материалов для публикации у В. Литова не было.

В. Литов пишет, что публикацией «интервью» он хотел заложить фундамент для последующей литературной обработки мемуаров И. А. Бенедиктова.

Всем родным и близким И. А. Бенедиктова известно, что он никогда не писал и писать мемуары не собирался, никаких записей мемуарного характера в его архиве нет.

Не обременяя себя понятиями чести журналиста, ответственностью за правдивость публикации, В. Литов лихо задает вопросы и так же лихо, но в другом политическом ключе сам себе на них отвечает.

Ни оценки явлений и отдельных фактов, ни мнения о конкретных лицах, приведенные в «интервью», не соответствуют реальным оценкам, высказывавшимся И. А. Бенедиктовым при жизни. А высказывания в адрес крупных военачальников просто абсурдны.

По какому праву В. Литов присваивает И. А. Бенедиктову свои мысли и оценки?!

После публикации мы добились встречи с В. Литовым. Во время нашего разговора с ним выяснилось, что бесед с И. А. Бенедиктовым у него не было ни в 1980, ни в 1981 гг., ни в 1978—1979 гг. На наши возражения буквально по каждой строчке текста В. Литов ответить ничего не мог, а свой подлог пытался оправдать «высшими целями» — страстным желанием возродить некоторые прежние идеалы. Каковы же эти «прежние идеалы», если ради их возрождения журнал «Молодая гвардия» не остановился перед фальсификацией? Впрочем, как нам заявил В. Литов, он не предполагал, что у Бенедиктова остались родственники.

Мы ждали, что в журнале «Молодая гвардия», как нам обещал В. Литов, последуют опровержение и извинения перед читателями, однако вот уже вышло четыре номера, но редакция молчит.

Всех нас, друзей и родственников И. А. Бенедиктова, удивляет та безответственность и разнузданность, с какой журнал и его автор не останавливаются ни перед чем, чтобы реанимировать Сталина и сталинщину.

БЕНЕДИКТОВ Алексей Александрович — брат, участник революции, гражданской войны, персональный пенсионер; БЕНЕДИКТОВА Галина Павловна — племянница, доцент МАИ, ветеран труда.

* Бенедиктов Иван Александрович родился в 1902 г. Советский, партийный, государственный деятель. Член КПСС с 1930 г. В 1938—43, 1946—53 нарком земледелия, министр сельского хозяйства СССР. В 1953—59 министр сельского хозяйства, министр совхозов СССР. В 1953 и с 1959 посол СССР в Индии, в 1967—70 посол СССР в СФРЮ. Кандидат, член ЦК КПСС в 1939—1971. Депутат Верховного Совета СССР в 1946—50, 1954—62. Умер в 1983 г.

Георгий ИВАНОВ

(1894—1958)

Стихи Георгия Иванова (1894—1958) в представлении советскому читателю не нуждаются. Их можно найти в публикациях последних лет на страницах многих журналов. Сборник произведений Г. Иванова (первый в СССР) только что вышел в издательстве «Книга». Сколь-нибудь исчерпывающего собрания сочинений Г. Иванова нет не только в СССР — его нет и на Западе.

Вышедшую в 1928 году в Париже книгу Г. Иванова «Петербургские зимы» обидчивые современники приняли за мемуары, сам же Г. Иванов тремя десятилетиями позже назвал ее «полубеллетристическими фельетонами» — имея в виду старое значение слова «фельетон», то есть «отдел «росказней» в газете». Книга была переиздана в Нью-Йорке в начале 50-х годов с прибавлением глав о Гумилеве, Блоке, Есенине. Г. Иванов (по свидетельству Н. Берберовой) «Петербургские зимы» никогда «мемуарами» не считал», утверждал, что в них три четверти вымысла. Современники обижались и на три четверти вымысла, и на четверть правды.

Но значительная часть «мемуарных» фрагментов, опубликованных Г. Ивановым в середине 1920-х годов в газетах Берлина и Парижа, в «Петербургские зимы» не попала. Поэт тщательно исключил из книги все, что представляло собою «мемуары» в прямом смысле этого слова. Предлагаемый читателям очерк «Эртелев переулок» — один из образцов прозы подобного рода. Это очерк, который проверяется чуть ли не по строчкам. Двустишие «Душа горит на сотне вертелов» не вымышлено Ивановым, оно из сборника «Пудреное сердце» (1913) Всеволода Курдюмова, Рославлев (современным читателям знакомый разве что как автор песни «Над полями, да над чистыми») буквально списан с натуры, можно даже точно указать, на какой странице какого сборника С. Городецкого опубликовано стихотворение «Свершив последнее моленье». Этот очерк (как и очерк о Шилейко, втором муже Анны Ахматовой) — мемуары в собственном смысле этого слова. Поэтому они не попали в «Петербургские зимы». Незадолго до смерти Г. Иванов хотел написать еще одну мемуарную книгу — «Жизнь, которая мне снилась». Не успел. Не из нее ли мы читаем отрывки?

Г. Иванов выступал не только как «мемуарист» и «творитель легенд». Его перу принадлежит роман «Третий Рим» (окончена только первая часть, вторая существует в виде фрагментов), разыскано более десятка его рассказов, некоторые из них печатались в «Лукоморье», начиная с 1915 года. Ему принадлежит множество литературно-критических статей — злых, несправедливых и... потому-то и ценных, ибо в них, как во всем, что «субъективно», наиболее ярко проступала его личность. В этих статьях Г. Иванов нападал на Набокова и Ходасевича, но не мог не преклоняться перед Буниным и Ремизовым; он одним из первых распознал дарования Бориса Поплавского и Николая Моршена и вовсе не справедливо ругал людей не менее талантливых.

Наконец, Георгию Иванову, блестящему стилисту, принадлежит произведение в жанре, для нас редчайшем,— поэма в прозе «Распад атома». Недавно эта книга была переиздана на Западе (думается, издадут ее и у нас) — и тотчас же была переведена на ряд европейских языков. Книга, шокировавшая чопорного читателя тридцатых годов, оказалась почти «вегетарианской» в конце XX века. Это книга о любви, своеобразная «Песнь песней», которую современники не разглядели за эпатирующими пассажами. Современникам хотелось, чтобы поэт писал только стихи.

А он писал еще и прозу. Замечательную.

Е. ВИТКОВСКИЙ

ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

МАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Его звали Вольдемар Казимирович. Почему Вольдемар, а не Владимир? Впрочем, в этом человеке все было как-то неизвестно «почему».

В Германии он считался авторитетом по ассириологии. Огромные увражи с изученными Шилейкой клинописями выходили в Лейпциге, и немецкие профессора писали о них восторженные статьи.

Но в Петербурге в египтологическом кабинете университета знали студента Шилейко. Вечного студента, который не сдает зачетов, унес на дом и прожег пеплом от трубки музейный папирус, которого из студенческого общежития хотят выселить. Каждую ночь он, вопреки правилам, возвращался на рассвете, нередко пьяный, и когда ему надоест стучать и звонить (кастелян велел не открывать), начинал бросать камешки или куски обледенелого снега в окна квартиры этого самого кастеляна. Меньше всего, однако, Шилейко похож на веселого бурша. Ему за тридцать, да и для своего возраста он старообразен. Он смугл, как турок, худ, как Дон-Кихот, на его птичьем длинном носу блестят стальные очки. На его сутулых до горбатости плечах болтается выгоревшая николаевская шинель с вытертыми в войлок бобрами. Дедовская шинель.

Дед Шилейки, полковник русской службы, в 1863 году перешел к мятежникам, дрался за освобождение Польши, был ранен, взят в плен, судим полевым судом и тут же расстрелян. В прокуренной, никогда не убиравшейся комнате общежития, где обитал, вернее, гнездился Шилейко-внук, был его портрет. Шилейко-дед глядел из золотой рамы в алом ментике и голубом доломане над разрытой кроватью и столом, где пустые бутылки из-под пива были перемешаны с разрозненными листами атласа древности британского музея. Шилейко-дед улыбался со своего великолепного полотна, опираясь, как и полагается гусару, на саблю. Он был красавцем. Фамильное сходство между обоими бросалось в глаза не меньше, чем вопиющая разница материала, на котором это сходство проявилось. Стоя перед портретом деда, внук казался его отражением в кривом зеркале, отражением, переряженным в лохмотья вечного студента и вдобавок обугленным на адском огне. Для полноты впечатления на руках обоих блестел тот же золотой перстень с гербом. Отец Шилейки каким-то чудом его сохранил, хотя и не надевал никогда: кольцо со шляхетским гербом, снятое с руки расстрелянного мятежника, не особо подходило к его должности. Он был сначала писцом, потом столоначальником в новгородском окружном жандармском управлении.

Крайности и странности биографии Шилейки продолжались всю жизнь. В 1914 году ему была предложена кафедра египтологии где-то в Баварии. В договоре было обусловлено, что Herr Doktor должен прибыть к месту службы к 15 августа. Через год Шилейко получил наследство в десять тысяч рублей. Оставил их ему приятель детства, полусумасшедший, но одаренный изобретатель М., придумавший какую-то особую ручную гранату. Граната была принята артиллерийским ведомством, но дело тянулось, и М. сам отправился на фронт, чтобы продемонстрировать на практике качество своего изобретения. Граната была куплена и принята к производству. Случилось, однако, непредвиденное обстоятельство. В конце опытов не эта, а немецкая, «устаревшего образца» граната смертельно ранила счастливого изобретателя. Лежа на операционном столе с развороченным животом, М. почему-то вспомнил о Шилейке.

Десять тысяч были уже полностью истрачены на книги, на персидский ковер, такой большой, что он покрывал обе стенки, пол и кусок потолка Шилейкиной комнаты (из общежития он переехать не пожелал), на бесконечные попойки и раздачи направо и налево в долг, когда Шилейко мобилизовали. На войне ему побывать не пришлось. Где-то он случайно познакомился с графом С. Д. Шереметевым. Через несколько дней после этой встречи похожего на Дон-Кихота вольноопределяющегося из студентов с одним из блистательнейших русских вельмож, у Шилейки был белый билет, теплая шуба, кабинет и спальня, обставленные карельской березой в шереметевском дворце на Фонтанке. В первый раз в жизни он спал на чистом белье и лакей приносил ему в кровать утренний завтрак. Шилейко потребовал было, чтобы ему давали с утра пиво, но услышал в ответ, что «их сиятельство велят» пить кофе и кушать овсянку.

Случилось чудо: Шилейко привык к овсянке и чистому белью. Щеки его порозовели и движения приобрели округлую уверенность. Оказалось, что он способен работать восемнадцать часов в сутки и, по отзывам знатоков, работа его была замечательна. Он расшифровал что-то такое, чего самые ученые немцы расшифровать не могли. Работу эту он так и не кончил. Революция вместе с графом Шереметевым выгнала из дворца на Фонтанке и Шилейку. Поселившись в комнате на третьем дворе у «благородной вдовы», он признался, что перемена обстоятельств пришла очень кстати. Граф Шереметев с овсянкой и карельской березой смертельно ему надоел. Надоела вдруг и египтология. Он решил попробовать силы на новом поприще: начал десятками писать стихи. Стихи были недурны: о луне и о розах. Для вдохновения Шилейко включил в утренний завтрак, кроме пива, еще и водку. Нос его начал быстро заостряться, щеки проваливаться и зловеще темнеть. Он был счастлив. Революция ему необыкновенно нравилась, хотя из духа противоречия он разыгрывал перед робкими еще большевиками монархиста, крепостника и контрреволюционного заговорщика. Туберкулез его все увеличивался. Он кашлял кровью и строил планы на будущее. Планы были разные. Он хотел восстановить культ богини Иштар и издать стихи Пушкина в его, Шилейки, исправлении, а также не прочь был, если позволит здоровье, поступить в мореходные классы.

Теперь Шилейко умер в Советской России. Как, отчего, я не знаю. В письме, полученном с полгода тому назад одной из парижских подруг Анны Ахматовой, есть фраза: «Вольдемар Казимирович похоронен в Вологде». Почему в Вологде? Как он туда со своим туберкулезом попал? В качестве политического ссыльного или — все может быть — облеченного доверием власти научного работника. Или просто так, неизвестно зачем, собрался в Вологду, приехал, попил пива, поголодал, осмотрел какой-нибудь собор и тут схватил тиф или был задавлен автомобилем.

То, что известие о смерти этого странного человека дошло до нас через Анну Ахматову,— не случайно. Среди поворотов и зигзагов его пестрой судьбы был и такой. 1918 год, теплый вечер, Владимирский собор, священник, шафера, певчие. У аналоя Шилейко и Анна Ахматова, недавно разведенная с Гумилевым. «Венчается раб Божий Владимир с рабой Божией Анной». В первую русскую поэтессу и одну из самых прелестных женщин Петербурга Шилейко был давно романтически и безнадежно влюблен. Еще бы не безнадежно! И вот: собор, певчие, венчается раб Божий. Впрочем, то ли еще происходило тогда в безымянном и фантастическом отрезке времени и пространства, который по привычке еще назывался Россией, Петербургом, 1918 годом... Брак был неудачный. Вскоре они разошлись. Ахматова потом в стихах вспоминала об этом браке:

«Мне муж — палач и дом его — тюрьма»...

Я был с Шилейко на «ты». Это совсем не означало ни тесной дружбы, ни какой-нибудь особенной близости. Это просто значило, что мы часто встречались то здесь, то там, в кругах петербургской богемы и часто чокались в «Бродячей Собаке» стаканами дешевого белого вина. То, что Шилейко пришел именно ко мне в тот вечер, о котором я хочу рассказать, и что именно мне пришлось заглянуть при этом в какой-то потаенный угол его жизни, конечно, не более как случайность.

* * *

Это было зимой во время войны, должно быть, в 1915 году. Шилейко еще не получил десятитысячного наследства от изобретателя ручной гранаты. В комнате его не было баснословного персидского ковра. Он очень нуждался, и когда он неожиданно явился ко мне часов в одиннадцать вечера и начал с того, что пришел просить меня об услуге, я подумал, что он по-товарищески хочет перехватить у меня пять или десять рублей. Точно отвечая на мои мысли, он вынул из кармана скомканную двадцатипятирублевку.

— Вот,— сказал он,— деньги есть. Хватит на все. Возьмем мотор. Это далеко, на Охте.

Он путано и неясно объяснил, что от меня требуется.

— Видишь ли... Впрочем, это все равно. Он ждет меня, и если не поехать, то все расстроится. Конечно, я не верю, что он маг: магия — высокая светлая сила. Если овладеть магией, можно все иметь: славу, деньги, любовь, власть. Но откуда ему быть магом? Он простой мужик, кажется, раскольник. Однако какая-то необыкновенная власть у него есть, и может быть, может быть... Только мне не хочется ехать одному. Поедем со мной, пожалуйста. Возьмем мотор и через четверть часа будем там. Если ничего не выйдет, потеряем вечер. А вдруг выйдет. И деньги есть. Ему надо дать десять рублей. И вот эта штука со мной. В другой раз будет трудно взять.

Он похлопал по своему потрепанному рыжему портфелю. Что за штука? Шилейко засмеялся своей птичьей улыбкой.

— Там увидишь. Я потому и прошу тебя поехать, что ты ничего не знаешь. Я знаю и не доверяю себе. Самовнушения со своей стороны боюсь. А ты — другое дело. Увидишь, значит, правда было. Не увидишь, значит, и не было ничего. А едем мы производить магический опыт к Василию Петровичу Венникову, мужу больших познаний. Даром что корову через ять пишет и по ремеслу столяр. Если и не выйдет ничего, посмотреть на него — и то любопытно. Так одевайся.

На Михайловской улице мы взяли таксомотор. Шилейко молчал. Только когда мы были на Охтинском мосту, он спросил отрывисто:

— Пушкинское заклинанье помнишь?

— Еще бы.

— Ну-ка, прочти.

Я начал:

— «О, если правда, что в ночи...»

— Не так, не так,— перебил он меня.— Не так читаешь. Интонация неверная. Это не обыкновенные стихи, а магические, колдовские. Пушкин сам не знал, что он написал. По существу, он был простой малый, хотя и гений. Все по поверхности скользил. Лишь бы блестело, журчало, лилось, радовало слух. О чем, ему было все равно — гроза так гроза, луна так луна. И вот взял вдруг не умом, а силой гения, договорился до последних вещей, до самой глубины глубин. Вот как это надо читать:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустуют тихие могилы.

Он читал свистящим металлическим шепотом, полузакрыв глаза и откинув назад птичью смуглую голову. Стальные очки его поблескивали. В горле странно клокотали гласные.

«Явись, возлюбленная тень»...

Просвистел он, как какое-то настойчивое приказание, которому нельзя не повиноваться. Мне стало не по себе.

— Перестань, пожалуйста,— сказал я.— Ты хочешь, чтобы я был беспристрастным свидетелем какого-то опыта, а шипишь и свистишь так, точно сам колдун. Мало что может померещиться от одного такого чтения.

Он невесело усмехнулся.

— Ну, от моего чтения ничего не померещится. Это все глупости. И чтение, да и само заклинание пушкинское. Хорошие стихи, гениальные стихи, но все равно стихи, литература — дело рук человеческих. Мы же едем нечеловеческое поддеть на крючок. Да, на крючок. Как рыбку. А вот и приманка. Хорошая приманка.— И он похлопал снова по своему портфелю.

* * *

Дом был одноэтажный, новый. Новенькая вывеска «Столярная мастерская В. П. Венникова» весело сияла в свете автомобильных фонарей. Сам хозяин открыл нам дверь. И в его наружности не было решительно ничего таинственного. Синяя поддевка, бородка клинышком, ярославские, светлые, с хитрецой глаза.

— Надумали-таки приехать,— протянул он не то недоумевающе, но то недовольно.— Я полагал, уже не приедете, час поздний. Ну, все равно, пожалуйте.

Он пропустил нас в чистую большую горницу. Пахло щами и свежими стружками. Чиж спал в клетке.

— Чайку с мороза не прикажете, господин Шилейкин? Не желаете? Делом, значит, сразу займемся. Как угодно.

Он вздохнул. Что-то недовольное или недоумевающее опять промелькнуло по его лицу. Как будто не хотелось ему заниматься «делом», за которым приехали мы.

— А то, может, все-таки чайку попьете? Ну, ваша воля. Сейчас принесу снаряд.

Он вернулся с куском белого холста и разостлал его на столе.

— Вещичка-то с вами? — обратился он к Шилейке.— Позвольте сюда. Вот так,— положил он небольшой сверток, вынутый Шилейкой из портфеля, под холст, и, сильно прикрутив лампу, отставил ее в дальний угол.

— Садитесь, господа, прошу покорно. Как крещены? — обратился он ко мне.— Как имя то есть? Георгий — значит Егор. Ну-с, начнем благословясь.

Мы уселись. Хозяин посредине. Справа — я, слева — Шилейко. Накрытый холстом стол с возвышающимся бугорком подложенного под холст неизвестного мне предмета смутно белел перед нами. Минуту длилось сосредоточенное, неприятное молчание. Потом тихим, монотонным голосом, немного нараспев, столяр начал бормотать:

Стоит мать сыра земля,
Бегут по земле три кобеля,
Растут на земле три гриба.
Идут по земле три божьих раба.
Владимир, Егор и Василий.
У каждого кобеля свои дела.
У каждого гриба своя нога.
У каждого человека своя судьба.
У Владимира, у Егора, у Василия.

Он начал медленно, раздельно, отчетливо окая по-великорусски. Потом понемногу стал шептать быстрей и быстрей. Монотонный распев перешел незаметно в свист, мягкое оканье сменилось каким-то металлическим шелестом. Совсем как Шилейко читал в автомобиле пушкинское «Заклинание». «О, если правда, что в ночи»...— вспомнил я.— Если правда, что этот мужик-столяр нашептывает сейчас какую-то таинственную сагу и что-то непонятное, сверхъестественное сейчас произойдет». А он шептал все быстрее, все лихорадочнее. Голос его все меньше напоминал обычный человеческий голос. Я взглянул ему в лицо. Лицо было мутно-белое. Глаза закатились, губы прыгали.

Мне стало холодно, грустно, страшно, отвратительно. Свистящая скороговорка, помимо моей воли, увлекала меня куда-то, и я не имел силы сопротивляться. Что-то мутно-липкое было в этом постепенном опутывании разума набором ритмических свистящих слов, где, как припев, повторялись наши имена вперемежку с Богородицей, Христом, зелеными лугами, морями-океанами и какими-то замысловатыми присказками. Несмотря на елейный смысл, неуловимый оттенок кощунства был во всем этом. Еще все повторялось о руке: «белой руке», «сахарной руке», «царской руке», о которой тоскуют и от которой чего-то ждут Владимир, Егор и Василий.

«Явись, рука, из-под бела платка
Владимиру, Егору и Василию».

Вдруг совершенно отчетливо я увидел на холсте перед собой женскую руку. Это была прелестная, живая, теплая, смуглая рука. Она шевелилась и точно тянулась к чему-то, она вся просвечивала, точно сквозь нее проникало солнце...

Шилейко вскрикнул и отшатнулся. Столяр не бормотал больше.

Вид у него был разбитый, изможденный, глаза мертвые, на углах рта пена.

. . . .

— Что же было в пакете? — спросил я наконец, когда мы выехали с Литейного на ярко освещенный Невский.

— Как что было в пакете? Да, ведь ты не знал. Вот смотри.

Он достал портфель и развернул газетную бумагу. В бумаге был ящик вроде сигарного со стеклянной крышкой. Под стеклом желтела сморщенная, крючковатая лапка, бывшая когда-то женской рукой. Такая-то принцесса, назвал Шилейко. Такая-то династия. Такой-то век до Рождества Христова. Из музея. Завтра утром положу на место. Никто не узнает...

Мне было холодно, грустно, страшно, отвратительно.

ЭРТЕЛЕВ ПЕРЕУЛОК

Один молодой поэт, в поисках рифм, доискался до такого двустишия:

Душа горит на сотне вертелов,
Лишь вспомню переулок Эртелев.

Неожиданно для себя этот изысканный эстет, правда, в несколько причудливой форме, выразил чувства любого читателя «Речи» или «Утренней Биржевой»: в Эртелевом переулке помещалось «Новое Время».

Я сказал «помещалось». Это не то слово. Царило, властвовало... Эртелев, как известно, небольшая улица, и присутствие «Нового Времени» как-то подавляло эти два десятка домов между Бассейной и Жуковской. Вы, заворачивая за угол, вступали в эту «полосу отчуждения» и сразу — будь вы даже человек вполне посторонний газетному миру — чувствовали «нечто», чего два шага назад, на Бассейной, не было.

В том, что огромная типография, занимавшая два дома, грохотала и гудела, артельщики с надписью «Новое Время» на шапке попадались на каждом шагу, ломовые увозили куда-то кипы газет с характерным «готическим» шрифтом подзаголовка — в этом обычном виде места, где помещается большая газета, ничего подавляющего не было. «Нечто», о котором я говорю, исходило от дома № 6, у которого газетчики не толпились, машины не гудели, кажется, даже не было вывески, поясняющей, что здесь помещается. Двери пышного подъезда были заперты, сквозь стекло была видна фигура величественного швейцара, дремлющего в кресле... Дом имел вид тихого, редко кем посещаемого барского особняка.

Если перейти на другую сторону улицы и посмотреть в окна, впечатление это усиливалось. За толстыми зеркальными окнами — полузадернутые тяжелые портьеры. Кое-где горит огонь — неяркий свет из-под темного абажура, кое-где виден кусок колонны, силуэт статуи, пальма. Можно простоять час, ожидая, чтобы кто-нибудь из обитателей этого пышного дома подошел к окну,— не дождетесь. Разве только промелькнет на минуту лицо чинного старого лакея, задергивающего поплотней тяжелую портьеру, чтобы уличный шум не беспокоил господ.

И снова — поблескивание окон, затемненный свет, тишина, сон, ⟨очки⟩ на носу дремлющего швейцара...

Конечно, если быть настойчивым и последить под⟨о⟩льше, вы увидите, что ошиблись, думая, что никто так и не войдет за целый день в этот подъезд, не поправит волос у большого зеркала, не подымется по устланной коврами лестнице. Вы увидите, что начиная часов с пяти вечера швейцар уже не спит в своем кресле. Приосанившись и сняв очки, он — наготове, чтобы мягко распахнуть двери, мягко пробормотать «здравия желаю», мягко снять шубу с сутулящихся стариковских плеч: сотрудники «Нового Времени» начинают собираться.

Во втором этаже — редакция, вся в коврах и в зеркалах. Залы, коридоры, салоны, кабинеты. Библиотечные шкапы красного дерева до потолка хранят десятки тысяч книг, в неярком свете полупогашенных люстр тускло блестят на стенах картины. Иногда из этих раззолоченных недр появляется фигура сгорбленного старичка, медленно проплывающая по цельным коврам и снова исчезающая среди мраморов и штофных обоев.

— Кто это? Меньшиков?

— Нет — Буренин.

— А!..

* * *

С весны 1914 года нововременский швейцар, распахивая дверь и снимая шубу с сотрудника, стал говорить не только: «Здравия желаю, Виктор Петрович» (Буренин), но и: «Здравия желаю, Федор Кузьмич» (Сологуб).

Открылось «Лукоморье».

В свое время о «Лукоморье» было много толков и споров в литературных кругах. «Суворин хочет купить русскую литературу». Покупал, впрочем, не лично Суворин, а некто Бялковский, смуглый, юркий, мягкий на обращение, восточный человек. Он действительно покупал — с величайшей охотностью — все, что ему приносили: стихи, рассказы, пьесы, рецензии, обложки, заставки. Сделка состоялась — вчера вы были просто X или Y, сегодня вы Лукоморец...

Как известно, многие «видные силы» не устояли тогда против самопишущего пера и клятвенных уверений в абсолютной аполитичности в придачу. Казалось бы — будет блестящий журнал.

Но, как нувориш покупает особняк, меблирует его редкостями, хлопочет, изучает стили и марки фарфора, убивает массу денег — и все-таки, к его искреннему недоумению,— «ансамбль» получается печальный,— так было и с Сувориным, решившим стать покровителем искусств. Гонорары платили царские, авансы давали без счету, хлопотали, старались и получалось... «Лукоморье». В чем тут дело и чья тут вина, уж я не знаю...

Для сближения редакции с сотрудниками, т. е. нововременского начальства с теми самыми «декадентами», которых маститый граф Алексис Жасминов еще недавно высмеивал как только мог, устраивались еженедельные чаи.

Чаи были пышные, как все в доме 6 по Эртелеву. Птифуры и сандвичи, дорогой портвейн и цейлонский чай разносились почтительными лакеями. М. Суворин в роли любезного хозяина был обворожителен — он не только, не моргнув глазом, смотрел на старый коньяк, выпиваемый с кряканьем — полчашки сразу, и на дюшесы, исчезающие в карманах некоторых слишком запасливых литераторов, но и слушал — благосклонно и терпеливо — повести Юркуна,— дело нешуточное. Юркун, как известно каждому петербуржцу, причастному к литературе, протеже Кузмина, если кто желает иметь Кузмина сотрудником,— должен печатать и Юркуна, иначе нельзя.

«...Сестра моя двоюродная, которая живет во Франции, имеющая порядочный капитал,— больна...» — дочитывает Юркун сотую страницу своей повести. Наконец, он кончает. Не по своей воле, разумеется,— еще добрая сотня страниц его повести осталась недочитанной. Но уж как-то так удачно вышло — Юркун достал платок, чтобы высморкаться, в это время кто-то вошел, хозяин дома встал ему навстречу, все заговорили...

Кузмин недовольно из-под пенсне смотрит на вновь пришедшего, перебившего чтение Юркуна. Но того не смутишь недовольными взглядами — Александр Рославлев знает себе цену, и в «Лукоморье», и вообще.

Это огромный человек — необыкновенного роста, чудовищной толщины. Все в нем колоссально — голос, кулаки, аппетит. Сам он, кажется, этой колоссальности не ощущает. Когда на улице прохожие удивленно оборачиваются на его необычную фигуру, к тому же забронированную в невозможную крылатку и с широкополой черной шляпой а-ля бандит на голове, он беспокоится.

— Что эта рожа так на меня уставилась? Кажется, я не негр. Еще сглазит — глазищи-то черные, как маслины — арап. Тьфу!

И сплевывает аккуратно три раза в сторону «арапа», не сумевшего скрыть свое изумление перед гигантом в крылатке.

То же и с аппетитом:

— Александр Иванович,— говорит хозяин,— вы ничего не кушаете. Не угодно ли бисквитов? Или сандвич? Может быть, вы голодны,— тут были рябчики.

— Благодарю, я только что пообедал,— басит Рославлев.— Совершенно сыт, благодарю. Да и у вас уже несколько птичек сжевал — не сытны, знаете, но очень вкусные. Не беспокойтесь, благодарствуйте.

От нескольких птичек — т. е. блюда с рябчиками, сиротливо торчат на блюде только несколько косточек, что покрупней. Куски помельче — Рославлев «сжевал» вместе с мясом полдюжины «вкусных, но не сытных птичек».

— От этого не откажусь,— радостно подставляет он, отодвинув рюмку, стакан.— Славный коньяк. Наполеоновский, говорите? Д-да — молодец был Наполеон, не то что Вильгельм, во всякую мелочь вникал — вот и коньяк славный выделывали при нем.

Рославлев подливает себе еще из драгоценной бутылки.

— Добрый коньяк. Наша белая головка, конечно, на вкус тоньше, но крепость, по-моему, та же. Но,— Рославлев видит тень, пробегающую по лицу хозяина, и, как человек деликатный, спешит исправить свою неловкость,— но по военному времени великолепный напиток — где же теперь достать настоящую водку.

* * *

Вряд ли кормили пти-фурами, вряд ли выписывали, не моргнув глазом, крупные, непогашаемые авансы хозяева «Лукоморья» без всякой задней мысли, из чистого меценатства. Какая-то «программа» во всей этой затее была, вероятно, что-нибудь вроде субсидий большевиков — аполитичным издательствам — прикармливание возможных будущих попутчиков. Но у большевиков было поставлено просто — получаете деньги, так старайтесь. Здесь же была (если она действительно была, а не заварил Суворин всю эту кашу просто для развлечения) интрига крайне тонкая и деликатная. Вероятно, считали, что надо долго, очень долго и хорошо, очень хорошо прикармливать «Русскую Литературу», пока, наконец... Что «наконец» — область чистых догадок: предварительное прикармливание, судя по всему, было рассчитано лет на пять, никак не меньше, а закрылось «Лукоморье» на третьем году своего существования. Так что, волею судьбы, на долю «падших ангелов» отечественной словесности, променявших чистые десятирублевки Проппера на окровавленные сторублевки Суворина, достались одни приятные цветочки. А ягодки сорвать не успели.

Как бы там ни было, но заигрывание со стороны нововременских столпов с молодежью (из которой многим было сильно за сорок) было явное. Официально одна редакция другой не касалась, но на чаях у Суворина нет-нет и появится Меньшиков или Буренин. Появится скромно, с улыбочкой: «Зашел к Михаилу Алексеевичу, а у него тут молодежь собралась. Не помешал ли, господа, а то уйду...»

Нововременские столпы были люди приятного обращения, почтенной наружности, говорили сладко и красноречиво — о разных великих заветах и о национальной мощи. Но если и касались таких скользких вопросов, то случайно, мимоходом, с улыбочкой и комплиментами.

— Вы молодежь... Мы старики... Отцы и дети... Но Россия одна...

И в глазах говорящего светится какое-то беспокойство.

* * *

Это «беспокойство» было едва уловимой и в то же время характернейшей чертой дома № 6 по Эртелеву переулку. Оттенок его лежал на всем — на торжественной мебели, на невозмутимых швейцарах, на респектабельной внешности какого-нибудь Буренина. Все идет хорошо — казалось, убеждали вас и мебель, и швейцар, и лицо Буренина,— все прекрасно, и иначе не может быть. Это редакция знаменитой газеты: самой влиятельной, самой независимой, самой богатой. Статьи «Нового Времени» обсуждаются Советом министров величайшей империи мира и Совет министров считается с этими статьями. И через десять, двадцать, пятьдесят лет так же будут стоять эти статуи и висеть картины, так же невозмутимый лакей — разносить душистый чай, так же в кабинете и свете шелкового абажура — редактор, из той же династии Сувориных, писать передовую статью, с которой будет считаться Совет министров...

—...Что же делать. Мы должны были поместить эту заметку. Банк потребовал. У банка контрольный пакет.

Это газетные крысы шепчутся исподтишка. Стены торжественных кабинетов и люди, сидящие в этих кабинетах, еще хранят (если не всматриваться чересчур пристально) величественное безразличие — все хорошо, все по-прежнему...

Но крысы по передним и по темным углам предчувствуют гибель и шепчутся. Бежать бы, да — увы — некуда.

* * *

Василий Васильевич Розанов — единственный «столп», имеющий непочтенный вид. У него наружность чухонца-вейки, говорит он без всякого красноречия, все больше шутит и без особого остроумия даже.

— Как вам понравилась моя повесть, В. В.? — спрашивает Юркун.

Вежливейшая улыбка.

— «О какой повести изволите говорить?»

— Да о моей, которую я только что читал.

Улыбка еще более любезная.

— Как же, как же, очень. Превосходная вещь

Юркун расплывается.

—...Превосходная вещь. Филистимляне у вас очень верно описаны.

— Помилуйте, В. В., какие филистимляне, это же из современной жизни...

— Из современной... Вот что. Значит, я не расслышал. Стар стал, глохну, не обессудьте старика. А повесть ваша — превосходная...

Н. Ю. Жуковская — редакторша журнала (Бялковский — тот только выписывает гонорары), крайне милая и бонтонная дама средних лет, считающаяся здесь неизвестно почему знаменитой писательницей, с неудовольствием следит за переменами выражения лица автора повести «из современной жизни». Этот несносный Розанов опять обижает бедного молодого человека. Ей это доставляет физическую боль, она — сама доброта:

— Михаил Алексеевич так страдал в 1905 году, когда рабочие отняли у нас типографию для этих ужасных «Известий»,— объясняет она кому-то.— Он даже поседел тогда. Подумайте, и он, и покойный Алексей Сергеевич всегда были за простой народ, всегда боролись, а они...

Леонид Афанасьев, грустный старичок с голым черепом, выкрашенным ровно и аккуратно тушью, прощается.

— К сожалению, мне пора... Грустно, знаете, люблю общество молодых — сам молод был и молод душой остался. Но пора — пока доберусь к себе в Павловск. Поезда — сущее наказание.

— Зачем же вы живете зимой в Павловске? Перебирайтесь в Петербург.

Грустные глаза из-под закрашенного черепа смотрят испуганно и недоумевающе.

— Что вы? Да где же тогда я природу наблюдать буду? Где же вдохновения искать? Ведь в городе пошлость, американизм, поэзии и следа нет. Что вы, как можно.

— Вы Надсона отрицаете, и я отрицал,— гудит в углу Буренин.— Где же несходство взглядов?

— Да ведь вы и Бальмонта травили.

— Травил. Что ж такое? А он все-таки в люди вышел... Значит — молодец. Теперь и я его признаю...

Сергей Городецкий становится в позу, откидывает кудри и читает «певучим славянским голосом»:

Свершив последнее моленье,
К народу тихо вышел царь.
Что думал он в тот миг великий,
Что чувствовал державный он,
Когда торжественные клики
К нему неслись со всех сторон?

На лице хозяина и его друзей светится ласковое одобрение. Вот — недаром поили портвейном и выписывали ему чеки. А недавно еще писал декадентщину и революционное. Надо только уметь к человеку подойти...

* * *

Странное зрелище представлял дом 6 по Эртелеву переулку после 27 февраля 1917 года.

На груди швейцара — невероятно — красный бант. Впрочем, что же невероятного — только что вышло «Новое Время»... с передовой статьей — «мы всегда говорили, что самодержавие изжило себя...».

Пустынные покои еще более пустынны. Лица всех, от служителя до редактора, испуганно-изумленные. Конечно, «мы всегда говорили», но все же...

Н. Ю. Жуковская трясущимися руками собирает для отправки в типографию материал первого, революционного № «Лукоморья». От редакции... Это Михаил Алексеевич написал. Ужас. Лучше не читать. Стихи Городецкого — «Свобода, ты — алая дева...». О, Господи! Рассказ — рассказ из старых, военный. Но статьи: выступление Волынцев... Клише — Временное правительство...

Она подносит к носу лорнетку и всматривается в лица «этих людей» с молчаливым упреком. Перебирает карточки: Бубликов... Керенский... Милюков...

Дойдя до портрета князя Львова, она оборачивается со слабой улыбкой:

— Конечно, он тоже революционер... но лучше, чтобы он был во главе, если уж... все-таки человек из общества, князь... Посмотрите на его лицо: все-таки — il a le race *.

Публикация Вадима КРЕЙДА.

* В нем есть порода (фр.).

КРОНШТА

Мяте

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

2 марта 1921 года в Кронштадте победил антисоветский мятеж.

В тот день жители окрестных берегов Финского залива ничего об этом не узнали: не потрясли тяжелым грохотом все вокруг орудия главного калибра линкоров, молчали пушки гарнизона, тихо было и на фортах. Мятежники взяли власть без единого выстрела. Более того, сотрудники особого отдела и ревтрибунала числом до ста пятидесяти человек при полном вооружении, с пулеметами, беспрепятственно вышли из крепости через Цитадельные ворота и — кто на санях, кто пешком — отправились в Ораниенбаум.

Хмурое на Балтике мартовское утро следующего дня позволило наблюдателям с берега рассмотреть флаг мятежников: над восставшим Кронштадтом развевалось красное знамя.

В «Воззвании к населению», опубликованном в рупоре мятежников — газете «Известия Военно-революционного комитета Кронштадта» говорилось, что нельзя допустить пролития и капли народной крови, предлагалось «...всем советским работникам и учреждениям продолжить работу». В том же номере опубликована «Резолюция», принятая двенадцатитысячным митингом рабочих, матросов, солдат крепости, состоявшимся под председательством главы Кронштадтского совета, коммуниста П. Д. Васильева.

Главный политический лозунг мятежников звучал вроде бы привычно: «Власть — Советам!..» Но было у знакомого лозунга и продолжение: «Власть Советам, а не партиям!».

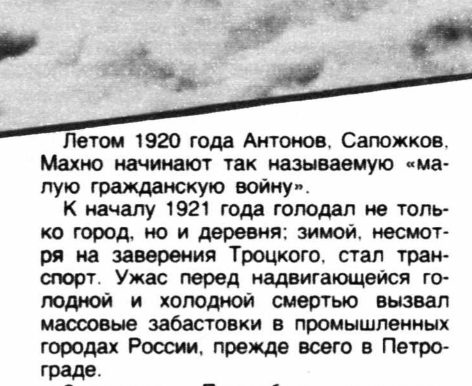
Политическая власть в России принадлежала одной партии, лозунг был направлен против нее.

Острейший политический кризис, породивший восстание в Кронштадте, возник много раньше. Кронштадт «был акт отчаяния, спровоцированный в какой-то мере политикой самой Советской власти»,— отмечает Рой Медведев, одновременно с этим утверждающий, что «...нельзя было уступить Кронштадту».

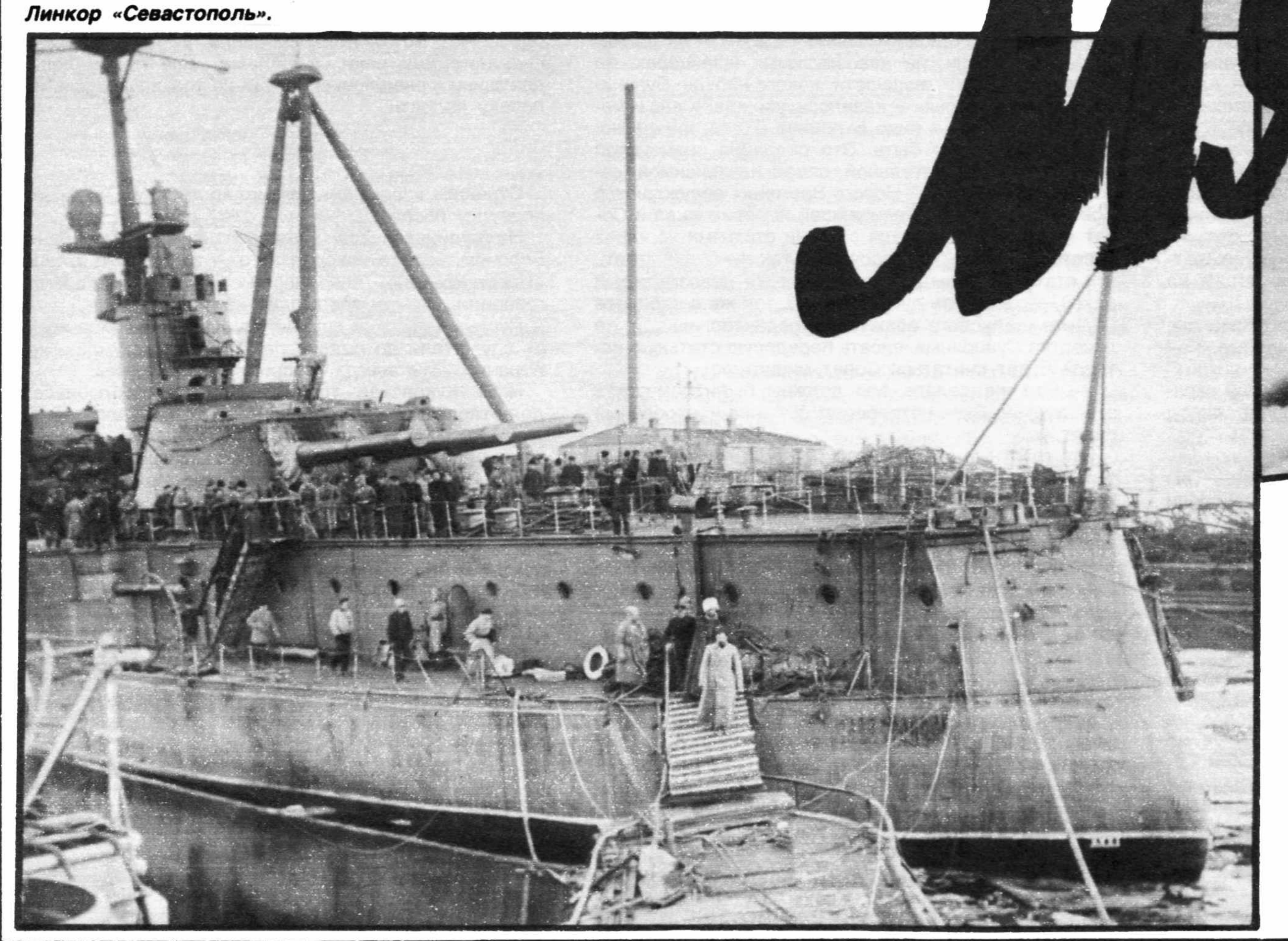
Чтобы понять и правильно оценить, что же произошло в Кронштадте, каковы его уроки,— надо понять меру отчаяния Кронштадта — моряков, солдат, рабочих, доведенных до состояния изнеможения. «Это изнеможение, это состояние — близкое к полной невозможности работать» (Ленин), это состояние комы, сознание своего бессилия, невозможности что-либо изменить — и вера в то, что провозглашенная властями демократия не пустой звук. Все это вместе и вызвало всплеск отчаяния. Кронштадт заставил себя услышать!..

Летом 1920 года крестьяне убедились, что большевики, несмотря на победы над Колчаком, Деникиным, Юденичем и главными силами иностранной интервенции, не собираются прекращать политику разверстки.

Деятельность продотрядов сокрушала последние остатки экономической структуры в стране: о жестокости, произволе и мздоимстве заградительных отрядов говорили повсюду.



Линкор «Севастополь».



Летом 1920 года Антонов, Сапожков, Махно начинают так называемую «малую гражданскую войну».

К началу 1921 года голодал не только город, но и деревня; зимой, несмотря на заверения Троцкого, стал транспорт. Ужас перед надвигающейся голодной и холодной смертью вызвал массовые забастовки в промышленных городах России, прежде всего в Петрограде.

3 января — Петргубком вводит новые, сокращенные, нормы выдачи хлеба, в частности на домохозяйку, имеющую не менее трех детей — один фунт, т. е. 400 граммов на четверых, по 100 граммов хлеба на детский рот.

20 января — еще одно сокращение хлебных норм.

11 февраля — принято решение Петроградского Совета закрыть 93 пред-

...ДТСКИЙ ...ЯЖ

Атака Кронштадтской крепости.

приятия: прекратилась подача электроэнергии.

24 февраля — вышли на улицу рабочие Трубочного, Балтийского и других заводов.

24 февраля — против рабочих брошены части красных курсантов (как наиболее надежные).

24 февраля — в Петрограде введен комендантский час, запрещены митинги и сборища, а вскоре было введено военное положение.

25 февраля — ЧК производит массовые аресты в городе.

26 февраля — на пленуме Петроградского Совета представитель Кронштадта Гаевский выступил в защиту бастующих рабочих.

27 февраля — Петроградский Совет объявил об ограничении деятельности заградительных отрядов.

Кронштадт пристально наблюдал за тем, что происходит в Петрограде.

Большая часть Балтийского флота зимовала на Неве. В Кронштадте стояли два новых линкора — «Петропавловск» и «Севастополь», приготовленный к консервации линкор «Андрей Первозванный», минный заградитель «Нарова», тральщик «Ловать» и вспомогательные суда. Общая численность военных моряков и гарнизона крепости составляла 26 887 военнослужащих, из них 1455 командиров и 25 432 рядовых.

Команды кораблей и гарнизон крепости с конца 1920 года недоедали, не получали обуви, обмундирования, одеял и постельного белья. Но недовольны моряки были не своим крайне тяжелым положением — таких жалоб в специальное бюро при политотделе почти не поступало, моряки страдали, получая письма из дома.

Скупая ленинская запись: «Экономика весны 1921 года превратилась в политику: «Кронштадт».

28 февраля на линкоре «Петропавловск» состоялось собрание экипажа. Старший писарь линкора, служивший на флоте с 1914 г., Степан Максимович Петриченко, уроженец Полтавщины, огласил резолюцию, содержавшую следующие основные требования моряков: немедленные перевыборы Советов тайным голосованием, свобода слова для социалистических партий, предоставление права крестьянам распоряжаться землей «так, как им это желательно», свобода торговли, разрешение кустарного производства, отмена политотделов и «коммунистических боевых отрядов», политическая амнистия...

Многие моряки, как и Петриченко, в двадцатом году были в отпусках на родине и своими глазами видели, что творилось в деревне.

Первого марта на Якорной площади Кронштадта состоялся митинг. На трибуне — М. И. Калинин, Н. Н. Кузьмин (комиссар Балтийского флота), военные и советские руководители крепости.

Металлическая мостовая, гордость города, блестела из-под грязного снега...

Толпа кричала:

— Сытый голодного не разумеет!

— Тепло тебе, Калиныч, и одежа у тебя справная. Нашим бушлатам третий срок вышел!..

На следующий день «делегатское собрание», куда моряки и рабочие направили более трехсот своих представителей, избрало штаб восстания — Временный революционный комитет во главе с С. М. Петриченко.

«Делегатское собрание» арестовало председателя Кронштадтского Совета П. Д. Васильева и комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина. Всего из 1116 коммунистов было арестовано 327, часть из них содержалась под стражей, ни один из арестованных не пострадал. Мало того, коммунисты особого отдела, политотдела и трибунала беспрепятственно ушли из крепости той же ночью.

Тем временем в Петрограде и на берегах Финского залива шла лихорадочная работа по организации блокады

П. Е. Дыбенко, И. Ф. Федько, К. Е. Ворошилов в группе командиров.

острова Котлин, по изоляции частей и флотских экипажей, в которых замечено было брожение; для подавления восстания партия направила испытанных политических вождей и лучших военачальников: Л. Д. Троцкого, И. И. Лепсе, М. И. Калинина, главкома С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, П. Е. Дыбенко.

В Петрограде были арестованы в качестве заложников члены семей офицеров, служивших в Кронштадте.

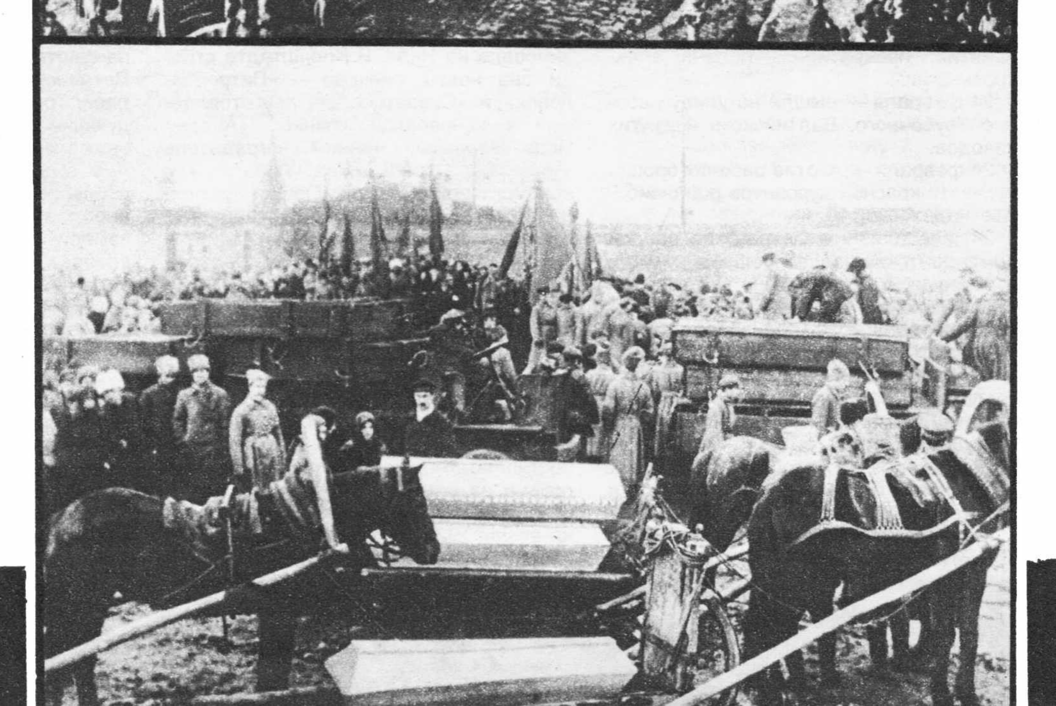
В первых числах марта город-крепость подвергся массированному обстрелу; только за два дня 7 и 8 марта по крепости было выпущено более пяти тысяч снарядов, но наступление, начатое в ночь на 8 марта по приказу Троцкого, уверенного, что мятежники выкинут белый флаг при первом выстреле, провалилось.

На берегах Финского залива шло наращивание сил и артиллерии, шла мобилизация коммунистов, около трехсот делегатов X съезда партии, проходившего в эти дни в Москве, 12 марта были уже на позициях — им предстояло сцементировать ненадежные части, открыто выражавшие сочувствие кронштадтцам. Несмотря на аресты, такие подразделения обнаруживались вплоть до дня решительного штурма.

Рано утром 17 марта отряды атакующих ворвались в Кронштадт, к вечеру восставшие стали сдаваться в плен; линкоры прекратили огонь, экипажи помыли палубы, сами помылись в бане, надели чистое белье и стали ждать своей участи.

В 21 ч. 50 мин. 17 марта М. Н. Тухачевский подписал приказ об овладении крепостью, о. Котлин и батареей Риф. В приказе, в частности, говорилось: «При действиях в городе широко применять артиллерию в уличном бою».

Траурная процессия. Петроград провожает в последний путь бойцов, подавлявших кронштадтский мятеж.



Похороны кронштадтских мятежников.

Подбор фотографий сотрудника ЦГАКФД СССР А. ЮСЬКИНА.

Мятеж подавлен. А. И. Седякин на митинге бойцов линкора «Петропавловск».

«Свобода торговли... неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации» — это Ленин, 8 марта 1921 года, на X съезде.

«Можно ли... восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос — в мере». И это — Ленин! Ровно через неделю.

Только Ленину было по силам отказаться от идеи бестоварного социализма, только Ленин мог так круто переложить руль внутренней политики: в считанные дни из тупика военного коммунизма страна была выведена на путь экономического процветания, на путь нэпа.

Власть должна искать развязку политического кризиса, исходя из реалий самой жизни, гибко реагируя на настроения и требования разных слоев общества, смело отрешаясь от старых догм.

* * *

В истории кронштадтской трагедии до сих пор много неясного, запутанного. Странно выглядят цифры потерь с обеих сторон, не известно число казненных и осужденных по приговорам трибунала, не опубликованы следственные материалы...

Ю. ГАВРИЛОВ

Следственная комиссия допрашивает пленных матросов.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

(1882—1948)

Читатель, следящий за нашей серией, должно быть, заметил, что многие из ее героев принадлежат к поколению людей, родившихся в 80-е годы прошлого века. К началу 1910-х годов, когда в России началось авангардное движение и стали образовываться многочисленные художественные группировки, им было около тридцати. Это возраст творческого расцвета, возраст, позволяющий соединить в целостный союз устремления молодости и жизненный опыт, спокойную мудрость наступающей зрелости.

Именно к этому поколению принадлежал Александр Васильевич Шевченко. И именно в его творчестве, как ни в чьем другом, сказалось это равновесие между жаждой художественных открытий и серьезным отношением к сложившимся традициям. В нем всегда жила вера в незыблемые вечные законы искусства, принципы красоты. Он считал, что новые направления, рожденные временем, не должны отказываться от этих законов. Одну из своих брошюр, посвященную принципам кубизма и других современных ему живописных течений и изданную в 1913 году, он закончил отповедью критикам, угождающим публике и не способным постичь существо художественного творчества. «...Не мешало бы им знать,— писал Шевченко,— те основы (вечные основы), на которых зиждется искусство живописи, из чего состоит картина, что ее делает плохой или хорошей.

Не мешало бы знать, что эти основы одни и те же для искусства всех времен и народов, а также пора бы уж понять, что нет искусства старого и нового, модного и немодного, несовершенного, ибо оно вневременно, внепространственно.

Оно просто ***ПРЕКРАСНО*** (курсив автора.— **Д. С.**)».

Эта программа, под которой мог бы подписаться любой классик, была сформулирована художником в самый разгар авангардного движения и к тому же в одном из манифестов этого движения.

Обычно авангардные направления подвергаются критике за нигилизм, за ниспровержение традиций, святынь, устоявшихся авторитетов. Да, авангардизм содержал в себе этот заряд ниспровергательства. Но сам он не мог обходиться без традиций и тайно или явно использовал их, открывая с помощью старого новые страницы художественной культуры. Шевченко предпочитал это делать явно. Он не скрывал своей приверженности к классике, он преклонялся перед величием старых мастеров, и эта ориентация вовсе не делала его искусство отсталым и неполноценным — даже в пределах авангардных групп, в которые он входил.

Судьба не была к нему особенно милостива. Александр Васильевич Шевченко родился в Харькове в семье обедневшего дворянина, рано потерял отца, а затем и мать, был на попечении отчима, с которым у него сложились довольно трудные отношения. В юности он увлекался театром и одно время даже работал в театрально-декорационных мастерских, много рисовал, во Владикавказе, куда переехала семья, сдружился с цирковыми актерами. Потом вновь вернулся в Харьков, где окончил реальное училище, а затем в Москве, куда в связи с новым местом работы переехал отчим, поступил в Строгановское училище, с которым были связаны почти десять лет жизни художника.

Незадолго до смерти Шевченко начал писать воспоминания. Он не довел их до конца. Однако ранние свои годы, время учебы в Строгановке описал подробно и интересно. По этим воспоминаниям мы можем судить о том, с каким энтузиазмом молодые художники постигали свою профессию, как интересовались новыми открытиями, какая творческая среда создавалась в студенческих кружках, где молодые люди помогали друг другу, любили друг друга, вместе искали и обретали истину.

В Строгановском училище готовили художников-прикладников, там занимались графикой, архитектурой, но и живописью, хотя последняя не была основной специальностью. Там Шевченко обрел прекрасного учителя — Константина Коровина, который вдохновлял учеников своими рассказами об искусстве, о Париже, о замечательных мастерах живописи. Сам Шевченко считал, что именно в Строгановке он научился всему, что потом умел делать, хотя молодой художник не ограничил свои занятия этим известным центром московского художественного образования. Прервав занятия, Шевченко в 1905 году отправился в Париж, где учился в разных мастерских, знакомился с современной живописью и искусством старых мастеров.

Сохранилось несколько произведений художника, относящихся ко времени пребывания в Париже. Шевченко рисует (чаще всего акварелью и гуашью) парижские улицы, площади, дворики, создает сцены в интерьере. Он опирается на те впечатления, которые получил в Париже не только от импрессионистов, но и от художников следующего поколения — мастеров группы Наби, таких, как Боннар и Вюйар. Небольшая акварель «За шитьем», созданная в 1906 году и хранящаяся ныне в Музее изобразительных искусств в Москве, возможно, явилась результатом изучения произведений Вюйара. Она бессюжетна, «бессловесна», построена на тихой выразительности простого мотива. Сидящая за шитьем женщина окружена обычными предметами. Тонкая изысканная линейная ритмика находит себе соответствие в мягких соотношениях желтых, красных и коричневых оттенков. Образ наполнен созерцательным лиризмом.

Когда Шевченко вернулся в Москву, он на некоторое время сохранил эту манеру. Но ненадолго. Художнику предстояло идти дальше. Он окончил Строгановку, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — сразу в натурный класс, вскоре перешел в мастерскую Коровина, хотя его интересы были уже далеки от импрессионизма. В училище он познакомился и сдружился с Михаилом Ларионовым, который в то время возглавлял бунтарское движение молодых художников, за что подвергался гонениям со стороны начальства. Шевченко, включившийся в это движение протеста, вместе с большой группой молодых художников был в конце концов исключен из училища. Это случилось в 1909 году. Как раз в это время начался в русской живописи период «бури и натиска», и Шевченко попал в самый водоворот событий. Группа художников, среди которых было много исключенных из училища, организовала выставку под названием «Бубновый валет». Однако Шевченко в выставке не участвовал. После первой экспозиции «Бубнового валета» М. Ларионов и Н. Гончарова, бывшие в числе ее организаторов, порвали со своими бывшими единомышленниками и организовали объединение «Ослиный хвост», с которым и связал свою судьбу Шевченко.

Вплоть до начала первой мировой войны, которая разбросала художников в разные стороны, он принимал участие во всех экспозициях этой группировки — в выставках «Ослиный хвост», «Мишень», «№ 4». Больше того, он стал одним из теоретиков этой группировки, выпустив в 1913 году две брошюры — «Неопримитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения» и «Принципы кубизма и других современных течений в живописи всех времен и народов». Вместе с Ларионовым и Гончаровой он открывал народное искусство, деревенский и городской изобразительный фольклор; трактовал лубок, народную игрушку, живопись на подносе, уличную вывеску как источник, питающий современную живопись; находил в старом искусстве (древнеегипетском, ассиро-вавилонском, древнегреческом) предвестия кубизма и других современных течений; искал вечные, постоянные законы и принципы, которыми всегда, во все эпохи руководствовался истинный художник.

Все творчество Шевченко 1910-х годов было подчинено той программе, которая была начертана на знаменах нового живописного направления и сформулирована в его собственных теоретических сочинениях. Он не только вдохновлялся вывеской и лубком, но и погружался в гущу народной жизни, выбирая своими героями то бродячих музыкантов, то солдат, то прачек или гладильщиц. В отличие от Ларионова, который упрекал своих бывших союзников по «Бубновому валету» в подражании французам, Шевченко ни на словах, ни на деле не пренебрегал опытом французской живописи, и в частности

Сезанна. Но он умел создавать тонкое равновесие между примитивом и изысканной живописностью, воспринятой от своих московских и парижских учителей.

Примером тому может служить картина 1913 года «Вывесочный натюрморт. Вино и фрукты». Само название говорит за себя. Вывеска для Шевченко служит безусловным образцом, как она служила для Ларионова или Машкова. Кроме изображенных предметов, художник вводит в поле квадратного холста надписи. Слова «фрукты» и «вино» прямо соответствуют и предмету изображения, и назначению вывески и одновременно дают название картине. Надписи выполняют двойную функцию: они помогают художнику имитировать вывеску; с другой стороны, они играют ту же роль, что и надписи в кубистической картине (французской или русской),— фиксируют плоскость холста, вместе с тем намечают соотношение разных пространственных слоев. Художник умело использует и другие приемы кубистической живописи, разворачивая на зрителя окружности тарелки или горлышка бутылки, с тем чтобы можно было глазом как бы ощупать предметы. Высокое мастерство художника проявляется в достижении красочного единства: коричневые, серые тона «перетекают» из одной зоны в другую, скрепляя эту скромную по цветовой гамме композицию.

Натюрморт «Вино и фрукты» показателен для всего творчества Шевченко: в нем присутствуют два полюса тяготения — примитив и живописный изыск. Оба они не противодействуют, а помогают друг другу. В зависимости от задачи, которую ставит перед собой художник, от времени, в которое он творит, он тяготеет то к одному из них, то к другому. Но в начале 1910-х годов он чаще всего стремится найти точки соприкосновения между ними.

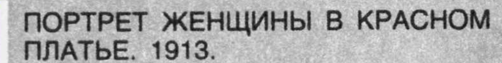
В другом шедевре того же времени — «Портрете женщины в красном платье» (1913) мы находим то же соединение двух начал. Несколько примитивистская демонстративность позирующей модели и рядом тонкое мастерство композиции — эффектное расположение фигуры, словно уложенной на диагональ квадратного холста, резкий поворот головы, образующий мотив взлета и ниспадения. Красочный «удар» сосредоточен в центре картины — красное платье, обрамленное черной шалью и проложенное черными складками. По краям цветовая энергия ослабевает, красные и черные глохнут по углам интерьера, на поверхность выходят сдержанные коричневые, желтые, серые. Известную роль приобретают и предметы — висящая на стене гитара, кувшин на комоде.

Вещи в картинах Шевченко всегда заметны; они составляют самостоятельный мотив в пределах портрета или фигурной композиции. В картине «Мужчина и женщина за столом» (1913) фрукты на подносе, полотенце и кувшин вполне могли бы «отделиться» от фигур и стать самостоятельным натюрмортом. В «Венере» (1915) рядом с лежащей обнаженной красавицей — три груши. В «Портрете поэта» (1913) — рядом с позирующей фигурой так же позирующий натюрморт — столик на трех ножках, большая белая ваза и букет цветов. Самостоятельность натюрмортного мотива вовсе не значит, что написанные вещи не имеют отношения к изображенным людям. В «Венере» груши — такое же свидетельство земной красоты, как и обнаженная фигура женщины. В «Поэте» натюрморт подчеркивает торжественность сцены, дает художнику повод для иронической усмешки, столь типичной для художника неопримитивистского направления. Он любуется и усмехается одновременно, он способен восторгаться нелепым, он уверен, что в этом нелепом есть своя красота и гармония.

Шевченко приближается к позиции Ларионова. Не случайно он в 1913—1914 годах — в то время, когда Ларионов знакомит публику и художников со своим новым открытием — лучизмом, следует за своим старшим товарищем и создает несколько лучистских произведений. Как правило, Шевченко сохраняет в этих картинах фигуративное начало. В картинах «Цирковая наездница» (1913), «Лень и тень» (1914), «Лучистая композиция. Утки» (1914) сквозь сеть «лучей» как бы просвечивают фигуры, предметы; можно разобрать мотив; но в целом основу композиции со-

ВЫВЕСОЧНЫЙ НАТЮРМОРТ. ВИНО И ФРУКТЫ. 1913.

ЛЕНЬ И ТЕНЬ. 1914.



ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В КРАСНОМ ПЛАТЬЕ. 1913.

ставляют линии (чаще всего пересекающиеся) и цветовые пятна. Оказываясь у самого края беспредметности, Шевченко сохраняет свою привязанность к гармоническим построениям.

Лучизм ненадолго увлек Шевченко. Прежний союз художников «Ослиного хвоста» распался. Ларионов после контузии оказался за границей. Молодые друзья Ларионова в 1922 году вошли в новое объединение — «Маковец». Шевченко оказался вместе с ними. Художников «Маковца» особенно волновали духовные проблемы. Многие из них стремились воплотить в своих произведениях высокие философские и религиозные идеи. Шевченко не затронула эта тенденция. Он остался почти таким, каким был в первой половине 1910-х годов. Пожалуй, лишь ослабление примитивистской компоненты в его произведениях свидетельствует о некоторых сдвигах, происшедших во второй половине 1910-х и начале 1920-х годов. Шевченко становится еще лиричней, почти совсем изгоняет иронию, хотя и сохраняет интерес к вывеске и расписному подносу (достаточно вспомнить превосходный «Натюрморт с желтым кувшином и белой пиалой», 1919), к привычным предметам и простонародным мотивам.

Одна из лучших картин художника конца 1910-х годов — «Пейзаж с прачками» (1917). Она отличается особой мягкостью цветового строя. Розовые дома, окружающие двор, белые простыни, висящие на веревках, серые с голубым оттенком сухие деревья, бледно-голубое небо — эта цветовая гамма внушает ощущение тишины, просветленности. «Трудовой» мотив как бы растворяется в этом ощущении.

То же впечатление оставляет картина 1924 года «Блондинка (Портрет в розовом)». Обаятельный образ молодой женщины, изображенной в живом движении, необычном для состояния позирования, нашел свое воплощение в мягких круглящихся линиях, в легких голубых и зеленоватых тенях, в серебристых оттенках платья. Шевченко не стремится теперь к декоративности, к фактурной броскости, он сплавляет цвет с объемом, прослеживает сложное взаимопроникновение тонов, все время вспоминая о старых мастерах, о добротной классической живописи.

Художник часто обращался к наследию Сезанна. Картина 1920 года «Братья Сирано — жонглеры» является своеобразной перефразировкой знаменитого произведения французского мастера «Пьеро и Арлекин». Жонглеры одеты в костюмы этих двух персонажей старинного народного театра. Их непроницаемые лица подобны маскам. Рядом с обычными вещами, окружающими их, они и мыслью, и душой во власти арены. Их лицедейство всегда с ними — даже в момент отдыха, когда в их взглядах и позах налет усталости и грусти.

Перемены, происходившие в живописи Шевченко в 20-е годы, не были просто велением времени или следствием воздействия тех сил, которые как раз

ПЕЙЗАЖ С ПРАЧКАМИ. 1917.

в середине десятилетия начали нацеливать советскую живопись на унылый натурализм и бессмысленное бытописательство. Это был скорее внутренний закономерный путь, которым шел художник, прекрасно осознававший свойства своего дарования. И тем не менее на рубеже 20—30-х годов, когда, казалось, разрушающее воздействие возобладавшего тогда направления могло бы сказаться особенно сильно, шевченковскому неопримитивизму суждено было пережить новый взлет.

Этот взлет был связан с теми впечатлениями, которые получил художник от своих путешествий в Закавказье. Это даже не были путешествия — художник подолгу жил в разных городах благодатного края, постигал его своеобразный колорит, совершенно особые качества людей, населяющих этот край. Возник целый цикл картин и монотипий, героями которых стали абхазские или карабахские девушки, турчанки, курдянки, аджарские женщины с корзинами, наполненными плодами. Появились горные пейзажи, сцены в черноморских портах, виды улиц с домами, изукрашенными лестницами, балконами, верандами, с пальмами, растущими вдоль мостовых. Романтическая таинственность и одновременно монументальная значительность и обобщенность, которой наделены женские образы,— примечательные черты произведений Шевченко, посвященных «кавказской теме».

Художник не уступил времени, не изменил своим принципам. Он довел свою линию до конца, хотя последние годы его жизни были омрачены серьезной болезнью. В памяти тех, кто знал его, Шевченко остался благородным и честным человеком, истинным художником, подлинным носителем высокой живописной культуры.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

НАТЮРМОРТ С ЖЕЛТЫМ КУВШИНОМ
И БЕЛОЙ ПИАЛОЙ. 1919.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ. НАЧАЛО 30-х ГОДОВ.

...и мы перестали смеяться

Владимир ЧЕРНОВ

Свой первый полнометражный фильм «Фонтан» Юрий Мамин повез на фестиваль «Золотой Дюк». Как только «Фонтан» оказался в Одессе, его украли. Теперь представьте, что сделалось бы при этом с каким-нибудь собратом Мамина по профессии, приехавшим с гнилого Запада! Что сделал Мамин? Правильно, он достал из чемодана копию, которую предусмотрительно захватил с собой (она и получила «Золотого Дюка»). Вот тут я в него внимательно всмотрелся. Ну, конечно же, Юрий Мамин — один из нас. Человек, готовый ко всему. И фильм его — о великой нашей приспособляемости и выживаемости.

В одном из жилуправлений разваливается дом. Разваливается здание нашей жизни, на что тем, кто по должности обязан вроде бы здание сохранять, как, впрочем, и жильцам, в высшей степени наплевать. У нас жизнь случилась такая, что в ней может произойти все. И мы уже ко всему готовы. Нас можно лишить воды, тепла зимой, света ночью — хоть бы нам хны! Пойдем в церковь, купим свечей, устроим факельное шествие, зажжем костры, наконец, станем вокруг них плясать. В нас все что угодно, кроме здравого смысла и чувства собственного достоинства. За десятилетия общего анабиоза свойства эти атрофировались, зато появилось несколько поколений людей, готовых к любой напасти. И появился Мамин, совершенно сложившийся мастер, спокойно занявший после первого же фильма место в первом ряду кинематографистов. Как образовался он в эпоху великой спячки?

— Юра, где же вы были все это время?

— До того как начал снимать кино, что-то такое режиссировал в Ленконцерте, неплохо зарабатывал, потихоньку спивался. От безысходности в 30 лет решил попробовать начать все сызнова и, не раздумывая, принял предложение своего друга, кинорежиссера Виктора Аристова заняться ассистентской работой на «Ленфильме». И оказался на киностудии со сторублевым окладом, без всяких гарантий на собственное творчество. Но с большими надеждами. И представьте: не прошло и десяти лет, как я получил право снять собственный киноролик. И стал счастлив — все-таки осуществляюсь!

— Так вы считаете, что вам повезло?

— Безусловно! Ведь погибло целое поколение театральных режиссеров, начинавших в конце шестидесятых. Кто спился, кто уехал, кто не выжил — все сломались. Иногда их использовали для разовых постановок, выкачивали и выбрасывали. Выплыл разве что Додин, долгое время прозябавший у Короговского. И все ахнули: откуда такой?! Ну, еще Яновская, Гинкас... Но им пришлось уехать из Ленинграда — проявились в Москве. Большинство талантли-

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Фото С. БУХАРОВА, А. НИКОЛАЕВА, Ю. ПЕТШАКОВСКОГО, Г. ТИУНОВОЙ, М. ШТЕЙНБОКА

вых людей оказались не нужны государству. Или даже вредны.

— Недавно к нам в редакцию пришел мальчик-восьмиклассник, просто открылась дверь, из коридора заглянул щупленький мальчишечка с огромной такой гитарой, говорит: «Можно, я вам спою?» Ну, валяй. Он песни пишет и на школьных вечерах их поет. Знаете, что он поет? «Изможденные лица наших отцов не дают спокойно спать по ночам. Их поколение попало под поезд, А теперь задача — не попасть и нам». Такой Андрюша Губин. Так он уже сообразил, что грозит ему и его поколению. Впрочем, у них шансов уцелеть больше. А у нас даже не одно, два поколения, те, кому сейчас сорок и пятьдесят, оказались раздавлены. Единицы не перемололо этими колесами. Но, думаю, и они выбрались не без потерь.

Это ведь и мое поколение, знаю, как все было. И, кажется мне, трагедия наша в том еще, что ломались как раз самые деятельные, азартные, те, кто именно пытался что-то делать, несмотря ни на что. Но для этого надо было ступить в механизм, туда, где щелкали железные зубья, и как-то уцелеть среди шестеренок. Помню, даже технику безопасности объясняли друг другу: если не хочешь погибнуть — пригнись, не лезь под рычаги, они же мертвые, бьют вслепую, убьют, даже не заметят.

Пригнись! И пригибались. И проходили насквозь, уцелев, но исчезала куда-то способность к полету, все пригнуться хотелось, чуть зашуршит. Люди превращались в специалистов по выживанию. Драма поколения в том, что искру, индивидуальность уберегли лишь те, кто в механизм не совался, где-то, как-то отсиделся, нашел «экологическую нишу», где сохранил порядочность, личность, оригинальность, спас себя.

К сожалению, в нишах можно было уберечь всего лишь искру. Кстати, этого сегодня часто оказывается вполне достаточно на общем фоне потерь и опустошения. Но кто заплатит за невозгоревшееся пламя? Как и за весь тот интеллектуальный вклад, что могла бы получить, но не получила страна? Гибель творческого потенциала двух поколений стоит минуты молчания.

До чего чисто поработала посредственность, вытаптывая себе дорогу! Брешь в нашей культуре затянется не скоро. Они еще что-то успеют, уцелевшие, но звездных своих взлетов им, боюсь, не сделать уже никогда. Впрочем, может быть, я не прав, говорят же, что талант всегда пробьется, не затопчешь, и совершит все, что написано на роду? И, значит, эти немногие все равно бы уцелели?

— Нет, не уцелели бы. Когда я вспоминаю свою не такую уж и маленькую жизнь, я тоже пытаюсь понять, почему не получалось раньше. И сейчас убежден: и не могло получиться. От меня ничего не зависело. Ни от способностей, ни от пробивных качеств. Ни от чего. А я все время рыпался.

Четыре года работал в разных съемочных группах, параллельно руководил студенческим театром. Снимать не давали. Тогда я поступил на Высшие режиссерские курсы, два года учился в мастерской Э. Рязанова, за дипломную картину «Желаю Вам» получил высокую оценку экзаменационной комиссии, вернулся на «Ленфильм». Все равно снимать не давали. Вновь работал вторым режиссером, писал сценарии, предлагал их в объединение «Дебют», получал отказы. Прошло еще три года. Познакомился с Володей Вардунасом, который написал для меня «Праздник Нептуна».

В «Дебюте» сценарий не приняли. Бросился за помощью к Рязанову. Он применил свой авторитет, через Госкино «надавил» на «Дебют». Там уступили. И началась борьба, с которой знакомы все режиссеры страны. Тебе не утверждают актеров, не дают денег, требуют сокращений и переделок, останавливают съемки. Ты отбиваешься, врешь, кусаешься, кидаешься фамилиями каких-то воротил, с которыми якобы чуть ли не в родстве. И, чудо, это помогает.

Ни одаренность, ни свежая мысль, ни оригинальность задумки — ничто не срабатывает. Упоминаешь о «руке» — отворяются двери. «Рука» — здешняя эстетика. Потом, когда фильм был уже снят, от меня потребовали сократить его вполовину, причем вырезать именно те куски, которыми он и интересен. Тут у редакторов чутье феноменальное. Однако в это время проходил XXVII съезд, и я пригрозил, что обращусь за помощью к съезду. Это произвело впечатление, меня оставили в покое. И картина вышла...

— И получила первую премию на Московском фестивале молодых кинематографистов, и была отвезена за границу и там тоже получила свои призы...

— И это было для меня удивительно, поскольку иностранцы воспринимают советское кино совсем не так, как наши зрители. Для них «Нептун» был классическим фильмом абсурда, сгущающихся нелепостей, примером чисто русской, непривычной для них фантазии. То же случилось в свое время с «Афоней» Данелии. Французы были приведены в полный восторг парадоксальной ситуацией — сантехник терроризирует целый район. Это ж такое надо придумать! До чего изощренное воображение у советского (не западного!) режиссера.

И понять их можно. Мы такие картины, даже если снимали, никуда, никогда не посылали и никаким иностранцам не показывали. Да ведь и не снимали почти. А уж то, что оказалось снято, держали для себя. Сами купались в своей стряпне, наружу сор не несли. Это наш родной стереотип общественного сознания. Он исправен до сих пор.

И надо сказать, что заражены им не только начальники, но и обыватели. Да вот недавнее впечатление: гигантская очередь в Гостином дворе. Все нормально — орут, лезут на плечи, добывают сапоги. И вдруг какой-то иностранец решил все это сфотографировать. Как тут очередь развернется, как попрет на иностранного съемщика! Руками машут, за милицией бегут. Дали отпор, выдворили наконец проклятого и снова кинулись драться между собой за сапоги. По-моему, это смешно. Хотя очереди было не до смеха. Она кипела ненавистью. Я понимаю, что люди не виноваты, их довели до этого. Я просто думаю, что экран, обнаруживая абсурдность наших бытовых ситуаций, дает возможность посмотреть со стороны на них и на себя в этих ситуациях и посмеяться вдоволь.

— И может, именно кино, самое доступное из искусств, способно пробудить в людях умирающее чувство юмора. Ведь только юмор умеет «повернуть глаза» человеку, научить иначе видеть мир. А лишь в этом случае будут они спасены от диких стрессов, от злобы, что опрокидывает друг на друга. Я даже думаю, что смех сегодня для нас, может быть, единственное лекарство, способное не общество от его болезней вылечить, но спасти психику обычного затюканного человека. Хотя порою кажется, что это уже и невозможно. В атмосфере всеобщего озверения никакие слова и резоны до человека не доходят, у него логика перевернута с ног на голову, он царство абсурда воспринимает как нечто нормальное и единственно возможное. И все-таки надо пробовать. Ведь главное, что нас всех объединяет,— общая наша несчастливость.

— У нас счастье какое-то убогое: достали дефицитный продукт — счастье, устроили ребенка в детсад — счастье. А исчезни эти мизерные удачи из нашей жизни — чем будет жить человек, чем подпитывать сердце? Злобой? Она и так уже расцвела пышным цветом. Помню, в Магаданском аэропорту после очередного объявления о задержке вылета озверевшая толпа кинулась к справочному бюро, готовая растерзать сидящую там девушку, будто в ней причина всех их неудобств. Смешно. Но и страшно. Наблюдал по телевизору, как на Съезде народных депутатов разумные призывы сформировать Верховный Совет из компетентных, мыслящих людей тонули в воинствующем хоре. Страшно. Но и смешно. Как спасти людей, у которых раздражение и предвзятость заглушают голос разума? Научив их смеяться. И над собой тоже. Когда меня спрашивают, вы что, так и собираетесь всю жизнь снимать комедии, заниматься этим гаерством, не тянет сделать что-нибудь серьезное, я отвечаю: гаерство для меня — единственный способ усмирить ненависть к тому безумному безобразию, в котором тонем. Потому что если я перестану смеяться, я начну кого-нибудь лупить. Смех для меня лично — способ сублимации моей ненависти. Я только смехом спасаюсь. И всем этот способ рекомендую.

— Вот только примут ли его? Не слишком ли глубоко сидит в нас убеждение, что слушать надо не клоуна, а лектора. Что уважения достойно лишь назидание. Изложенное с насупленными бровями при поднятом вверх многозначительно пальце. Ведь семьдесят лет подряд смеяться советскому человеку полагалось лишь при виде выдуманных советскими же сатириками и юмористами ситуаций, в которых оказывались ими же выдуманные герои.

— Да, и сейчас люди постоянно спрашивают после просмотров: вам не кажется, что ваш фильм безысходен? Мне не кажется. Потому что безысходность — это когда ваших соседей арестовывают, когда миллионы людей сидят в лагерях, деревня пухнет от голода, а вы сидите в кинозале и смеетесь на «Кубанских казаках», где вам показывают жизнь, которой на самом деле нет, еду, какой нет тоже, и предлагают сочувствовать героям. И сочувствуете.

— Мы родом из безысходного мира. И все ищем выход. Потому что уже пора искать. И меня очень беспокоит огромное количество людей, постоянно спрашивающих нас в письмах: о чем, например, та или иная картина, репродукцию которой вы напечатали? Что хотел сказать этим художник? Не дурит ли он нас? Не враг ли он скрытый? Мышление нашего зрителя идеологизировано. Внутренний контролер в каждом: увидел и сразу — где тут и какая идея? Какую мораль читает мне автор? Если идею ему подсказать, он уходит успокоенный: а-а! Понятно. Если расшифровки нет либо собственное истолкование человека не удовлетворяет, он начинает маяться. Куда-то писать еще, жаловаться. Люди страдают, если зрелище или книга остались ими не определены. Их это бесит. Видимое глазом увеличение количества людей, жудщих подсказки, вселяет тревогу.

Хорошо поработала наша идеология! Впрочем, формированием людей, разучившихся думать, десятилетиями занималась вся наша культура, все средства массовой информации. Соцреализм родился из убеждения, что все искусство, вся литература — суть «учебник жизни». Наука поведения. Соцреализм обращался с читателем и зрителем, как с дебилом, которого надлежало «воспитывать» назиданиями и показом образцов. Примером положительных героев, подробнейше при этом поясняя, где и в чем положительность. Все школьное изучение литературы до сих пор держится на этом. Маленький человек должен читать любой роман, как книгу полезных советов. Но — замкнутый круг — воспринимая читателя как дурака, официозная культура одновременно этих дураков для себя формировала.

Один эмигрант, в прошлом советский журналист, открывший на Западе свою газету, рассказывал о панике, которая охватила его, когда газете нужно было высказать мнение о происшедшем где-то политическом перевороте. Дома он не испытывал в таком случае никаких затруднений, сверху всегда сообщалось: хорошо это или плохо, «наш» или «не наш» какой-нибудь очередной политический деятель. Можно было с этим не соглашаться, но была ясность. Здесь же пришлось решать самому. И этот человек, всегда, как ему казалось, самостоятельный в суждениях и независимый во мнениях, обнаружил, что еще как зависим! В него въелось ожидание первоначального толчка. Указки.

Более всего средства массовой информации боятся оставить нашего человека один на один с голым фактом. Потому-то любой факт, ими сообщаемый, всегда так переживывался, комментировался и даже эмоционально оценивался, что бедный потребитель, проглатывая его, оставался в полной уверенности, будто он сам до всего дошел. Наша информационная жвачка строилась так, чтобы имитировать, пусть примитивно, мыслительный процесс. Вкушающий ее человек был убежден, что он думает. На деле ему вовсе не требовалось включать собственные мозги, извилины сами пошевеливались вслед за указкой. Вот что с нами произошло. Сейчас мы постоянно закавычиваем слова, употребленные с подтекстом, с иронией, например. Читатель иронии не воспринимает, он гневается, натолкнувшись на слово, употребленное не в прямом смысле и при этом не закавыченное. Он требует подсказки. Он все принимает так, как написано, однозначно и всерьез.

— Восприятие подтекста еще и социально. Обывателя смешит одно, аппаратчика — другое, кинематографиста — третье. Помню, как мы смеялись с Вардунасом, придумав финал эпизода в овощехранилище, когда на фоне чудовищного развала возникает песня «...Я другой такой страны не знаю...». Находка вызывала смех буквально у всех. Смеялись наши сотрудники из съемочной группы, потом друзья, хохотали зрители на предварительных показах. Но в Госкино во время просмотра в этом месте возникла абсолютная тишина, только кресла поскрипывали. И тут я не удержался — начал смеяться. На весь зал в этом гробовом молчании.

— Разные клапаны в мозгах. А ведь вам приходится рассчитывать на массовую аудиторию. Комедия должна собирать полные залы. Не боитесь пойти на поводу у зрителя?

— Пока нет. Кроме того, я не считаю, что массовый успех обязательно связан с занижением художественного уровня. Наоборот, и фильмы Чаплина, Капра, Джерми, Феллини лучшее тому доказательство, специфика комедии как раз в том, что она объединяет людей с разными вкусами. Потому что смех — это всегда и для любого человека удовольствие, да еще и редкое. Это допинг, который люди сознательно или интуитивно хотят получать. Мне рассказывали американские журналисты, что на одном из показов «Праздника Нептуна» в Штатах попалась очень смешливая переводчица. Я думаю, наша бывшая соотечественница, потому что она так хохотала и визжала, увидев наши нелепости, что не могла уже дальше перевести ни слова на английский. И зал, как они говорят, просто сползал с кресел в повальной ржачке. Им перевод и не понадобился. Возникла смеховая индукция, смех заразителен.

— Сегодня, когда все мы заглядываем в прошлое, чтобы найти причины того, что с нами произошло, и того, что сегодня имеем, вас не тянет снять исторический фильм?

— Комедийный?

— А почему нет? Может, пора уже начать смеяться над этими страшноватыми и сегодня фигурами из прошлого, вам не кажется, что пока мы этого делать не начнем, они от нас не уйдут? Народ ведь, смеясь, расстается со своим прошлым. Уже столько слов сказано всерьез...

— Я однажды придумал, как можно бы рассказать о Сталине. Показать, какой Сталин весельчак. Какие шутки отмачивал над своими приближенными, государственными деятелями, важными людьми, над всей страной.

— А что? Вполне. Есть факты совершенно идиотских его шуток: одного из приближенных он заставлял плясать под гармошку, другому вечно подкладывали в кресло торт, третьего члена правительства гости генералиссимуса, надравшись, начинали ловить, а поймав, топили в пруду. И ржали, пока тот выбирался. У вождя был дьявольский юмор, заставлявший людей от страха терять сознание. Но пугающий ореол, несомненно, исчезнет, если показать бытовой идиотизм этих мыслителей. Кстати, кто-то говорил мне о замечательной идее — устроить музей их восковых фигур.

— Хм! Это должен быть музей движущихся фигур. Положим, такая экспозиция: Тегеранская конференция. Входит Сталин. Все встают, включая парализованного Рузвельта. Но это не более чем хохма. Из этого кино не сделаешь. В историческом фильме очень трудно добиться убедительности.

— Да речь ведь не о степени достоверности, а о жанре. Нужен «Великий диктатор».

— Ну, в момент создания этот фильм не был историческим, напротив, был очень даже современным. Если же говорить об историческом фильме, то никакие жанровые принципы не должны оправдывать его приблизительности, отсутствия насыщенной, органичной, подробно разработанной среды. В таком фильме девяносто процентов времени неизбежно уйдет на поиск, изучение и кропотливое воссоздание деталей. Сегодня просто невыносимы банальности военных эпопей застойного периода. Там все просто: надели костюмы из гардероба, вошли в кабинет, расставили народных артистов, раздали тексты из военных справочников — и давай снимать этот кукольный театр, рассчитанный на кукол в зрительном зале (а их пока предостаточно, к сожалению). После Тарковского и Германа нельзя снимать по-прежнему. Возросли критерии, возросла взыскательность. Исторический фильм (в любом жанре) требует неимоверных усилий от режиссера. Поэтому я туда и не суюсь. Снимаю про нынешнее.

— Что именно?

— Есть сценарий «Бакенбарды», который я уже запускаю. Написал Вячеслав Лейкин, ленинградский поэт. Сценарий довольно дерзкий. О молодежном экстремизме. О том, как в некоем городке появляется некий же молодой человек Саша. С бакенбардами, с тростью, в крылатке, странно похожий на Пушкина, прихрамывает. И сколачивает вокруг себя группу так называемых «бакенов». Общество Пушкина. АСП. Они читают Пушкина, заполняют пушкинские цитатники, собирают деньги на памятник Пушкину, срывают старые лозунги «Выполним пятилетку!», вешают «Пока свободою горим!». Город их воспринимает как счастье, потому что они вытесняют все бывшие прежде полубандитские группы. И вот все новые молодые люди вступают в ряды «бакенов», отращивают бакенбарды, носят крылатки, учатся фехтовать на тростях со свинцовыми набалдашниками. У них такая военизированная организация. Но им очень нравится. И вот они уже маршируют по городу, рыжие, белые, курносые Пушкины, идут, сшибая тех, кто им не нравится, наводя страх уже на весь город, скандируя: «Наш дядя самых честных правил!..»

— Не боитесь рассказывать содержание? Социальное кино ведь быстро стареет. Боюсь, что и «Фонтан» кое-какие качества утерял, провалявшись на полках год. Кино коротко живет, как бабочка. Странно, но в отличие от книг даже великие фильмы быстро устаревают. Может быть, менее других устарел только Чаплин?

— Что поделаешь!.. Социально заостренный фильм и рассчитан на то, чтобы именно сегодня стать общественным явлением. У завтрашнего зрителя будут свои проблемы, мне неведомые. Хотя если говорить честно, то я стараюсь первым угадать перспективу изменений в обществе. Мне вовсе не интересно заниматься перепевами расхожих тем и решений, которые моментально становятся стереотипами.

Я не настолько самонадеян, чтобы ставить перед собой задачу сделать фильм на века. Но и не настолько скромен, чтобы не пытаться снять такое кино, какое до меня еще не делали. Это довольно сложно, так как кинематограф сегодня располагает гигантским арсеналом выразительных средств, освоенных стилей, разнообразием киноязыка. И тем не менее кино хоть и очень медленно, но все же осваивает новые уровни художественной правды. Особенно это касается авторского фильма. А если рассматривать отдельно взятый фильм, даже самый выдающийся, то он, конечно, устаревает. И большинство великих фильмов сегодня интересно лишь как свидетельство таланта такого-то режиссера или актера, как информация о том или ином кинонаправлении, как материал для обучения нынешних кинематографистов.

— Мне казалось, что дело в чисто внешних приметах: меняются одежды, мода, прически, формы поведения, чисто физические образцы красоты, потому и кажется все устаревшим в отличие от литературы, где внешние приметы условны, их можно довообразить, дотянуть до современных образцов.

— Думаю, дело не в этом. Картины того же Германа поражают современного зрителя именно точным воссозданием примет навсегда ушедшего времени, и это самое что ни на есть авангардное кино. В нем есть свежесть взгляда, прихотливость внутрикадрового монтажа, насыщенность уникальными подробностями. Однако все новое и талантливое неизбежно вызывает к себе повышенный интерес со стороны профессионалов. Те начинают его осваивать, приучают к нему зрителя. И вот уже вчерашний авангард становится привычным и ожидаемым. Зритель воспринимает его без прежнего напряжения и непонимания. Изменилась динамика восприятия. Кино теперь должно осваивать новые, еще не изведанные уровни постижения правды. И так будет всегда.

— Однако возможность говорить большую правду далеко не всегда совпадает с готовностью большого числа зрителей ее воспринимать. Зритель не всякую правду желает видеть, может быть, не готов к определенной ее остроте. Проще всего это нежелание видно, например, когда зритель сталкивается с фильмами, где откровенна эротика. Неприятие это, я думаю, показатель определенной нравственной установки. Мой сосед, пятидесятилетний работник одного из министерств, с упоением смотрит по домашнему видео «Рэмбо», но, едва его двадцатипятилетняя дочь ставит кассету с чем-нибудь эротическим, он магнитофон выключает и, страшно ругаясь, гонит дочку прочь. Он бережет ее нравственность. Я даже не про ханжество или лицемерие. Наш зритель в массе спокойно воспринимает, а часто даже с восторгом, фильмы о насилии. Рассказ о ненависти. Но эротику он обязательно назовет порнографией. Казалось бы, абсурд: любовь в любых ее проявлениях — дело святое. Но мы ее принимаем лишь в пуританских дозах, в то время как ненависть — в дозах любых. Есть даже определенная «культура» восприятия ненависти, нет культуры восприятия любви. При этом если зритель в центре еще как-то принимает новую информацию — тут и видео поработало, и общий высокий информационный уровень,— то провинция отвергает фильмы, насыщенные эротикой. Я не знаю, что тут делать. Наплевать ли на неприятие и продолжать бомбардировать бедных провинциалов, пока не сдадутся, или дозировать информацию, одну давать для центра, другую для остальной страны. Но ведь это нелепость.

— Все решится, если изменить сложившуюся структуру кинопроката. Сегодня у нас все должны смотреть всё. Надо просто взамен огромных залов на полторы тысячи мест строить залы небольшие, где показывать картины, рассчитанные лишь на определенную аудиторию. В молодежном зале показывать эротические фильмы, сюда пенсионер и не пойдет, он отправится в свой родной зал, где посмотрит любимого «Чапаева». А сейчас он вынужденно сидит рядом с внуками, а потом пишет возмущенные письма о том, что молодежь разлагают. И можно бы спросить: какого черта тебя туда понесло? Но у нас не только кино одно на всех. А телевизор? Все сидят перед ним: папа, мама, бабушка с дедушкой, дети, внуки. И все смотрят все подряд.

— И уже здесь, в семье, нарастает социальное раздражение. Дав каждому свое, всех удовлетворив, мы придем к определенной стабильности, мы прекратим стравливать людей друг с другом, так, как это порой делают критики, сражаясь не только между собой, но вовлекая в борьбу художников.

— Это вы зря. Я считаю, что критики не только полезны, но необходимы. Без них все бы друг друга перекусали. Критики, как волки, являются санитарами леса — нашего, кинематографического. Они гоняют творцов, не давая им нагуливать жирок. Только не следует на них огрызаться. Последнее дело для режиссера отвечать критику по принципу: сам дурак. Найдется другой критик — защитит. Сейчас ведь у нас, слава богу, плюрализм мнений.

— Ну, сатирик по отношению к критике всегда находится в положении сложном.

— Только по отношению к официальной критике. И это естественно: ведь успех его работы определяется степенью обструкции со стороны общества, государства. Сатирик всегда не принимает существующий порядок вещей. Собственно, сатира — это и есть высмеивание окружающей среды. И если тебя за это начинают поощрять, дают премии, создают удобства для работы, ты начинаешь двигаться по служебной лестнице, то это значит, что-то с тобой не так. Либо ты потерял остроту и, сам того не желая, стал удобен и даже выгоден власти пресущей, либо просто конформист.

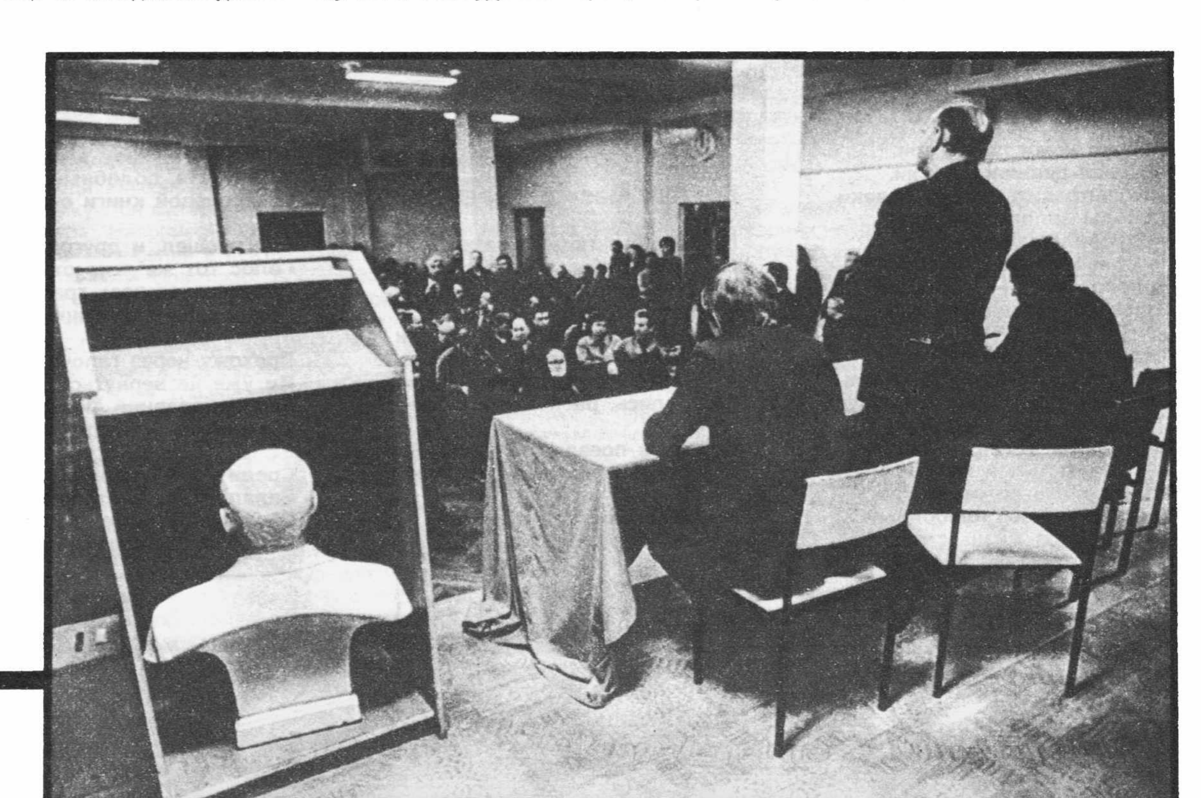
— У вас, судя по всему, как раз успех, признание, работать вам дают...

— Я подумаю над вашим предупреждением. Однако есть надежда, что сейчас у нас эпоха перемен, и сатирик не подпадает под общее правило. Другое дело, что все так стремительно меняется, что очень легко отстать. Не успел ткнуть в больное место, как оно уже официально «засвечено». И только когда тот же «Фонтан» попадает в провинцию, в районы, где все спит, в застойные пятна на карте, там порой целые залы прийти в себя не могут: «Как! и это пропустили?! Неужели это можно видеть не на закрытом просмотре, а в обычном кинотеатре!» Тут только понимаешь, насколько радикальна перестройка. Мы ведь уже как-то привыкли к происходящему, еще и потопрапливаем его, а ведь совсем недавно прозябали в затхлом болоте, острова которого и сегодня раскиданы по стране.

Конечно, я и в те времена мог бы снимать кино, но лишь такое, какое шло во всех кинотеатрах. Такого я снимать не хотел. Знал, что потом не отмоешься.

— А как вы думаете о себе в завтрашнем дне?

— Всякое может случиться. Уже завтра меня могут остановить, и я получу все сполна...



В этом году исполняется девяносто лет со дня рождения Ильи Сельвинского, замечательного поэта, основателя целой поэтической школы, учителя многих больших поэтов, в том числе Бориса Слуцкого.

На первый взгляд его судьба сложилась на редкость благополучно (для русского поэта XX века): не был репрессирован, издавался...

Но «...я существую в советской литературе очень рано и все же... в порядке исключения,— записал Илья Сельвинский в свой дневник в 61-м году.— Начиная с первых моих стихотворений, меня печатали со скрипом... «Читая Фауста» пролежало в портфеле восемь лет. Еще больше «Арктика». Должен был умереть Сталин, чтобы эти вещи были изданы. Сейчас то же происходит с эпопеей «Три богатыря»...» В архиве поэта лежит красивая синяя тетрадь, в карманы которой Илья Львович вкладывал неизданные стихи. Эта тетрадь имеет название: «Pro domo sua» («Каждый спасает свою душу, как может».— А. Франс). И начинается она словами: «Большинство этих стихов, за исключением кое-каких чисто персональных эпиграмм, я аккуратно носил по журналам, но так же аккуратно отовсюду их возвращали. Не моя вина, что накопился целый сборник».

Часть стихотворений из этой тетради мы предлагаем вашему вниманию.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

СТИХИ ИЗ СИНЕЙ ТЕТРАДИ

ЭЛЕГИЯ

Нынче стих — готовый бланк:
Не свое мы говорим.
Ах, друзья! Иду ва-банк:
Либо Крым, либо Нарым!

1937

ЛИТ-ПОЛИТИКА

СТОЛ.
СТУЛ.
СТИЛЬ —
испокон
Поэт умещался в таком натюрморте,
Но как уложиться
в нижеследующий закон:
«От каждого по способностям —
каждому по морде?

1937

И ВДРУГ ОДНАЖДЫ...

Нам говорят: «Интеллигенты!
Довольно старой жить легендой
О том, что личность, так сказать,
В ее жемчужных переливах
Оскудевает в коллективах,
Теряя блеск за пядью пядь.
Из пут праволевацких линий
Вперед к народной дисциплине!»

И мы из кожи лезли вон,
На идеал равняясь некий,
Чтоб вытравить в себе навеки
Свободы золотистый сон...
Уподобляясь холуям,
Считали мозг за сумасброда,
И слово самое — «свобода»
Мещанством отдавало нам.

И вдруг однажды на войне,
Живя бок о бок год за годом
С низами, с массами, с народом,
С которым гибли наравне,
Мы поняли, что нет проблем
Меж личностью и коллективом,
Что эта ложь потребна тем
Правителям властолюбивым,
Которые всю жизнь свою
О Время стукаясь лбами,
Способны править лишь столбами
В дисциплинарном их строю.

1950

* * *

Нет, я не Дон-Жуан,
Меня в жуирстве упрекать излишне.
Есть в нашей жизни маленький
изъян:
Ей, матушке, не требуется
личность.

Мир леденеет. Упованье? Вера?
Слова, слова... Мы холодом сильны.
С измученной Земли сползает
атмосфера,
Как некогда с Луны.

Но чем дышать? Казенщиной поэм?
Стандартом ли картин да статуй?
И бродит человек с древнейшею
цитатой:
«Кому печаль мою повем?»

Кому живое выдать на поруки,
Пока не вымерзли небесные тела?

К вискам я прижимаю ваши руки
С остатками вселенского тепла.

1952

ПОРТРЕТ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

Просидел в тюрьме семнадцать лет.
На лице грибы, прожилки, нити...
А потом позвали в кабинет:
— Недоразуменье, извините.
И пошел советский гражданин
С абсолютно чистою анкетой,
А семнадцать выпавших годин
Затерялись, распылились где-то...

Сел он в поезд. Тронулись березы.
И заплакал, может быть, впервые...

В России все несерьезно,
Кроме самой России.

1956

БАЛЛАДА XX ВЕКА

Над кладбищем алмазная звезда.
Под нею спят могилки в три ряда,
И сторож путь нашаривает палкой
И шамкает кургашкам средь травы:
— Вы реабилитированы, Галкин!
Шмидт, реабилитированы вы!

1956

В ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОМ МАВЗОЛЕЕ

Войдешь — и огромные мысли
рванутся.
И от волненья в горле шар:
В двух саркофагах
сны революции —
Греза ее
и ее кошмар.

1956

ОТЧАЯНЬЕ

Еще о тридцатом годе
Я на глазах седел.
Отчего бы? Ведь ни при Ягоде,
Ни при Берии я не сидел.

Но засел мой любимый читатель,
Унеся мою славу в склеп,
И брожу я, подобный цитате
Из кровавой книги судеб.

Год прошел, и другой, и третий...
Голос тот же — но отзыва нет.
Грандиознее всех трагедий
Привиденьем живущий поэт.

Прохожу через галочий рынок,
Им уже не вернуться домой.
Ты, как древний Акрополь, в руинах,
О казненный читатель мой!

Среди новых брожу поселений;
Балалайка с притопом да свист.
Сколько нужно еще поколений,
Чтобы снова созрел «сельвинист»?

1956

В МИНУТУ ОТЧАЯНИЯ

Как жутко в нашей стороне...
Здесь только ябеде привольно.
Здесь даже воля всей стране
Дается по команде: «Вольно!»

1957

ТЕТРАДКА

Опять, как в детстве,— тетрадка...
И, загнанный в три шеи,
Вношу я в нее украдкой
Заветные думы свои,

Записываю без надежды
В печати увидеть ее.
О возраст мой, хрупкий и нежный,
О старое детство мое...

Но песенка наша не спета!
Ко мне — мое волшебство,
Живой магнетизм Поэта,
Проклятая доля его.

1959

* * *

Империи были с орлами,
Теперь обходятся без.
Где ты, красный парламент,
Свободных дискуссий блеск?

Сменил их черный порох,
Съела седая ложь.
Царят пауки, о которых
У Маркса не прочтешь.

Для них молочные реки,
Для них кисель-берега.
Огрехи? Чихать на огрехи!
Была б на курке рука.

(А Русь,
в поту перемыта,
Влачит немое житье.)

Коммуна не пирамида:
Рабам не построить ее.

1963

Публикация Ц. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

Наталья ИВАНОВА

СИНДРОМ «ЖЕЛЕЗНОЙ РУКИ»

1

Чувство эйфории, испытываемое нами по причине открывшихся головокружительных возможностей гласности, кончилось, уступив место другому чувству — все нарастающей тревоги. Возникает усталость — в том числе и от ощущения, что слова уже сказаны. Процесс демократизации осложнился другим, параллельно идущим процессом дестабилизации общества: межнациональными конфликтами, стачками и забастовками рабочих, сотрясающими страну. Новая общественная ситуация впервые просигнализировала о себе уже в декабре 1986 года в Казахстане и с особенной очевидностью обнажилась после завершения работы Съезда. Политолог А. Мигранян в статье, опубликованной в журнале «Новый мир» (№ 7), парадоксально высказался за укрепление авторитарности, а в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» он же и И. Клямкин обосновали мысль о том, что сегодня для перехода от тоталитарной системы к демократической необходим авторитарный режим: «Да, я в настоящий момент за диктатуру, за диктатора» (А. Мигранян), за «усиление власти лидера-реформатора» (И. Клямкин). Даже победа консервативных сил, которые вновь могут вернуть жизнь в русло стагнации, представляется А. Миграняну сегодня менее опасной, чем неуправляемый разгул страстей. Тревогу И. Клямкина и А. Миграняна я разделяю. Но панацею от дестабилизации я вижу не в укреплении авторитаризма (будем откровенны — мы ведь пока от него и не уходили), а в нерешительности, половинчатости, очевидном запаздывании политических решений. Что же касается «железной руки», то на нее — по-своему, конечно,— уповают сегодня многие. На мой взгляд, осуществление надежд на диктатуру будет не переходом, а концом демократизации. Об итогах, к которым может привести новая диктатура, возникшая в недрах дестабилизированного общества, наглядно рассказано в антиутопии Александра Кабакова «Невозвращенец», напечатанной в июньском номере журнала «Искусство кино».

2

Год 1992-й. Зимняя Москва после переворота. «Где-то в стороне Масловки стучали очереди — похоже, что бил крупнокалиберный с бэтээра». В Кремле начинает работу Первый Чрезвычайный Учредительный Съезд Российского Союза Демократических Партий. В гости к политическим партиям России на Съезд прибыли зарубежные делегации: христианских демократов Закавказья, социал-фундаменталистов Туркестана, католических радикалов Прибалтийской Федерации, левых коммунистов Сибири. Президент подготовительного комитета — генерал, въезжающий в Московский Кремль хоть и не на белом коне, но на белом танке.

В стране голод. Москва — на военном положении. Бесчинствуют группировки различных сил, включая вооруженных националистов — «черноподдевочных». По вечерам граждане без «калашникова» не выходят. Наши дни, блаженные времена дефицита деликатесов и трудностей с водкой вспоминаются почти что как райские. Теперь иное: «Впереди, где-то у Страстной, грохнул взрыв... Я рванул с шеи автомат, повернул и примкнул штык...» Выстрелы веером из подворотни напротив, жестокие проверки Комиссии Национальной Безопасности. Разруха. Черные руины. Кровь, ставшая повседневностью. Жизнь по талонам. Ненависть: «Сталин вам был плохой, Брежнев вам был плохой, вам Горбачев угодил!.. Давай талоны и иди отсюда, а то убью интеллигента московского...»

Военные окружают «престижные» дома. Силой осуществляется новое перераспределение. Расстреливать («Закон о вашем сокращении») жителей в дубленках и дорогих шапках ведут как «врагов радикального Выравнивания»... Саперные лопатки. Аварии, крушения, десятки тысяч жертв. Оборванцы и голодающие, спящие вповалку в метро. Рухнули благие апрельские начинания. «...Мы начали лечение. Длительный, сложный курс терапии. Но последовательности не хватило. А в девяносто втором — метастаз: его превосходительство генерал Панаев».

«Невозвращенец» — предупреждение о том, что может с нами произойти в случае неудачи задуманных изменений и реформ: военный переворот, диктатура и... полная дестабилизация общества. Дестабилизация вызывает, естественно, новую волну деградации, откат политической культуры. Замечу, что повесть А. Кабакова, написанная в июне 1988 года, на мой взгляд, не весть какое художественное достижение — это скорее коллаж-китч из политических тенденций. Но прозорливость автора очевидна: за прошедший со времени ее создания год слишком много стало, увы, реальностью. Кстати, о возможности ресталинизации предупреждает и автор «Зияющих высот» А. Зиновьев: сегодняшний процесс он называет «процессом перехода от приспособленческого брежневистского режима к режиму волюнтаристскому сталинистскому» («Московские новости», 1989, № 33). Он считает этот исход неизбежным («это объективная необходимость, а не дело субъективных устремлений»). Я же полагаю, что все-таки вероятность. Но об осуществимости такой вероятности по-своему свидетельствует и мрачная антиутопия Кабакова.

3

Не так давно мы отметили столетний юбилей Анны Ахматовой. Одним из знаменательных событий было переименование Вокзальной улицы в Пушкине (бывшее Царское Село) в улицу Ахматовой. Событие это исторически совпало с отменой по всей стране «ждановских» названий. Тем не менее весь юбилей его поминали. Как сказал булгаковский Иешуа Понтию Пилату, «мы теперь будем всегда вместе... Помянут меня,— сейчас же помянут и тебя!»

Каждый уважающий себя орган печати справил торжества по-своему. Первую книгу опубликованных ранее в «тамиздате» знаменитых «Записок об Анне Ахматовой» Л. Чуковской опубликовала «Нева»; воспоминания Вяч. Иванова — «Знамя», Э. Герштейн — «Вопросы литературы», Н. Роскиной — «Огонек», новые изыскания Р. Тименчика появились в «Дружбе народов». Ахматовские номера выпустили «Литературное обозрение» и «Звезда», с начала года печатает ахматовские материалы «Новый мир». Проигнорировали Ахматову только два толстых журнала: «Молодая гвардия» и «Наш современник».

В июньские, юбилейные ахматовские дни вышел из печати шестой номер «Известий ЦК КПСС», где среди интереснейших исторических документов публикуются материалы времени нового, «перестроечного». Например, Постановление Секретариата ЦК «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил». Дочитав его и одобренную им Записку Государственно-правового отдела ЦК КПСС, Идеологического отдела ЦК КПСС и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота до конца, я, не веря своим глазам, вернулась к дате: 29 апреля 1989 года.Чему же посвящены эти документы? Цитирую: «публикациям, подрывающим авторитет Вооруженных Сил, престиж воинской службы, связи армии и народа». Злоумышленниками, задающими вопросы о состоянии армии с «подстрекательской сущностью», объявлены мои коллеги-критики Людмила Сараскина и Андрей Нуйкин. Их высказывания об армии на страницах журнала «Век XX и мир» — действительно тревожные — с порога отвергаются с помощью привычных клише и стереотипов, говорящих об армии, как «школе жизненной закалки», о том, что «тысячи военнослужащих являются народными депутатами», о том, что армия ныне «участвует в решении самых сложных и трудных задач, таких, как уборка урожая...». Не чувствуете трагикомизма последней фразы? Я не хочу сказать, что все высказанное по поводу армии Л. Сараскиной или А. Нуйкиным надо благоговейно воспринимать как истину в последней инстанции. Давайте спорить при помощи аргументов и фактов. И давайте же что-то делать, ибо откровенные истории, поведанные самими офицерами и солдатами во многих письмах, взывают к изменениям. Взывает к изменениям и тяжкий быт нашего офицерского корпуса, и моральная обстановка в частях. Так нет: Записка решительно осуждает зарвавшихся критиков и требует бороться... с «пацифистскими настроениями», особенно у «неформалов». Для того же, чтобы «поднять уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества», редакциям рекомендовано укрепить себя «квалифицированными военными журналистами с оставлением их в кадрах Советской Армии и Военно-Морского Флота». По принципу: о пожарнике пожарник — ему виднее!

Армия не была и не есть нечто изолированное от общества. И потому состояние последнего, естественно, отражалось и в ней — вся наша история с нею связана: не только война с гитлеровской Германией и Великая Победа, но и события сентября 1939 года, и 1956-го, и 1968-го, и 1979—1989-го. А наша современная действительность отражается и в виде нелегкой жизни военных и их семей, ущербности неуставных отношений, взрывов деспотии, насилия, распространения алкоголизма и наркомании. Все эти «прелести» армейской жизни аппарат и пытается уберечь от гласности. Но прорвалось, хлынуло — и здесь первыми о неблагополучии, о неприемлемых для демократического общества и для нашей армии «нормах» поведения и ставших, увы, привычными ЧП заговорили с естественным беспокойством писатели и журналисты. Армейские же руководители, как справедливо замечает Василь Быков в рецензии на повесть С. Каледина «Стройбат», «несомненно, озабоченные честью собственного мундира, до сих пор неохотно идут на признание, по существу, общеизвестных фактов и традиционно непримиримо настроены против всякой критики со стороны» («Знамя» № 8). Да и зачем критика, какая критика, кто посмел? В Записке явно звучит раздражение против неслухов-штафирок. То ли дело свои, проверенные кадры, да еще и на коротком поводке.

Вот на каком реальном фоне проходят наши литературные праздники. Впереди — юбилей Пастернака. Чем порадуете, товарищи?

4

Отвечая на вопрос «Что такое культура?», Б. Пастернак говорил: «Культура — плодотворное существование. Этого определения достаточно. Дайте человеку веками плодотворно изменяться — города, государства, боги, искусство появятся сами собой как естественное следствие, как зреют на деревьях плоды» («Век XX и мир» № 5). Культура — вот подлинная мера нашей свободы. Падение культуры, тотальное раскультуривание, озверение, потеря человеческого облика, подмена культуры технологической цивилизацией, искажение и извращение культуры под личиной масскульта — все это явления несвободы. Прорыв к культуре, совершенный за последние годы объединенными усилиями философов, литераторов, художников, издателей, реставраторов, трудно переоценить. Не будем перечислять публикации, потрясшие сознание людей,— они и так у всех на слуху. Ожидаем теперь мы все и возвращения на родину книг А. Солженицына, жизнью и творчеством доказавшего истину русской пословицы, ко-

торая завершает его «Нобелевскую речь»: «Одно слово правды весь мир перетянет». Если Пастернак в своем определении культуры подчеркивал ее соприродность, плодоносность ее развития (в том случае, если оно насильственно не прерывается), то Солженицын в «Нобелевской речи» говорит о победе искусства над ложью и насилием. Именно поэтому деспотия пытается или уничтожить культуру, или сломать, приспособить, извратить ее. Сегодня только как курьез можно воспринять статью «Культура» в «Философском энциклопедическом словаре» (1983 г.), грозно предупреждающую об «эксплуататорской культуре». Возвращение к культуре в ее национальной и общечеловеческой полноте при всех сложностях этого процесса не может основываться на новых запретах, национальной изоляции, классовых перегородках, на реанимации несвободы. Если мерой свободы является культура, то и подлинным измерением культуры является свобода. Впрочем, слово «культура» сегодня используется в разных целях, в том числе и очень далеких от ее подлинного смысла.

Все мы задумываемся нынче о «праведнике, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Процитировав эти слова из финала «Матренина двора», автор статьи «Противостояние», опубликованной в областной калужской газете «Знамя», В. Извеков далее пишет: «Это весьма редкое историческое явление, и поэтому... я предлагаю присвоить большому поэту современности С. Ю. Куняеву, воспевшему родную ему и нам Калугу в своих талантливых и честных стихах, звание почетного гражданина». Думаю, что калужане сами разберутся в присвоении званий, однако замечу, что при всех достоинствах Куняева называть его «праведником», без которого не стоит «вся земля наша», более чем рискованно.

Можно, скажем, по-разному оценивать историческую роль таких личностей, как Тухачевский, или Киров, или Федор Раскольников, еще в 30-е годы прямо и откровенно высказавший свое непримиримое отношение к деяниям Сталина, но вот Куняев находит для них, по-моему, самое оригинальное сравнение. Жертвы «большого террора» уподобляются... крысам. «Но что делать! — впадает Куняев в элегический тон.— В истории такое случается часто... В биологическом мире это можно сравнить с эпидемиями, которые, допустим, начинаются у крыс. Когда их количество в средние века нарушало всякие нормы биологического равновесия и людям невозможно было справиться с ними, вдруг словно по воле Божьей среди тварей начинался мор» («Дон», 1989, № 5).

«Праведник» С. Куняев выносит свой вердикт с резвостью, которой могли бы позавидовать известные «тройки», ОСО. В последнее время он активно упражняется на ниве многострадальной нашей истории, и здесь его прогрессирующий дилетантизм, в котором объективность суждений подменена броскостью поверхностных сравнений, по крайней мере объясним неофитским стремлением высказать опережающее суждение. Но он же, профессиональный литератор, проявляет уж вовсе не простительную неосведомленность в русской и советской текущей литературе. Например, он сожалеет, что «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам изданы только на Западе, в то время как уже в течение двух лет их печатает журнал «Юность». Снисходительно похлопав по плечу самого О. Мандельштама, Куняев все же не в силах освободиться от изобретенной схемы, по которой писатель с нерусской кровью, пишущий по-русски, все равно хоть в чем-то, да ущербен. Склонный к эффектной фразе, далее Куняев пишет: «Путь музейного сохранения якобы умершей культуры в то время (20-е годы.— **Н. И.**) казался единственно возможным для самых разных умов от Гершензона до Ходасевича. С чувством первооткрывателей пирамид бродили они по XIX веку от одного имени к другому и, благоговея, систематизировали свои наблюдения. Ходасевич впоследствии даже издал книгу, посвященную русской литературе, и назвал ее «Некрополь», то есть «Город Мертвых».

Для справки отсылаю читателя к авторскому вступлению к «Некрополю»: «Собранные в этой книге воспоминания о некоторых писателях недавнего прошлого основаны только на том, чему я сам был свидетелем»... Книгу составили отнюдь не «музейные» наблюдения о русской литературе XIX века, а очерки-воспоминания о Горьком, Есенине, А. Белом, Сологубе, Гумилеве... А слово «Некрополь» здесь означает дорогое сердцу кладбище, где покоятся тени знакомых, уже ушедших из жизни, но живых в памяти людей.

В конце цитируемой статьи («Времена и легенды. Идеология и поэзия тоталитаризма».— «Дон», 1989, № 5) Куняев заключает: «Вообще при всем своем таланте Ходасевич не раз переоценивал свои заслуги перед русской поэзией.

Привил-таки классическую розу
Советскому дичку...»

Куняев иронизирует: мол, как же это Ходасевич «не заметил» — «ветвями этого «дичка» в то время уже были Блок и Маяковский, Есенин и Ахматова, Клюев и Заболоцкий...». Но, прочти он Ходасевича, знал бы, что совсем не их имел Ходасевич в виду осенью 1918 года, а тех *рабочих* поэтов, которые, еще не овладев поэтической культурой, «с какой юмористической почтительностью» хвалили друг у друга... «стихи посредственные, а то и вовсе плохие» (статья В. Ходасевича «Пролеткульт и т. п.» недавно перепечатана в «Литературной газете»).

Ходасевич, глубоко переживавший факт уничтожения целых ветвей русской культуры на родине, ощущал гибельность этих процессов, их чреватость «дикостью». Но в своем пессимизме даже он не смог предвидеть того, что некий «советский дичок» в некий год вынесет его книге приговор, даже не удосужившись заглянуть в нее.

Одним из «прекраснейших качеств русской рабочей аудитории» в 1918 году Ходасевич отметил «интеллектуальную честность». К сожалению, в наши дни расцвета тотальной «образованщины» (в том числе и в литературных кругах) это качество многими почти безнадежно утрачено.

5

В феврале текущего года «Военно-исторический журнал» начал публикацию обширного труда К. Раша под названием «Армия и культура». Публицист М. Антонов назвал предыдущую книгу Раша «самым выдающимся литературным явлением за семьдесят лет Советской власти». Не «Мастер и Маргарита», не «Чевенгур», наконец, не «Тихий Дон», а книгу очерков Раша! Слова М. Антонова поразили меня в самое сердце. Профессиональный критик, я, к стыду своему, ранее произведений К. Раша не читала. М. Антонову вторит другой эксперт — А. Лиханов (о книге «Приглашение к бою»): «Работа К. Раша — сгусток мысли, отчетливо сформулированный путь, которым надо следовать, воспитывая юношество, блестящая энциклика педагога, который знает, что надо делать». Ученый совет Военной академии Генерального штаба, оказывается, «поддержал кандидатуру К. Б. Раша при выборах в действительные члены Академии педагогических наук». Заканчивая высокую характеристику, редакция отмечает, что книги Раша «полны свежих мыслей, неожиданных сопоставлений, зрелых... суждений». Нынче К. Раш выступает в журнале в жанре «нравственных воинских поучений» (разрядка здесь и далее моя.— **Н. И.**).

Согласитесь, что после таких рекомендаций принимаешься за чтение с душевным трепетом и ожиданием открытий. Открывается действительно многое. Например, такое: ныне «революционными становятся уже действия тех, кто защищает устои». Поражают оригинальностью и другие утверждения Раша. Оказывается, в Афганистане наши войска «вновь восстановили древнюю воинскую отечественную традицию подвижничества... решали проблему своей духовной правоты»... «там, в горах... засветился пушкинский свет дружбы, ясности и лиризма. Они почувствовали, что несут вдали вахту, смысл которой еще неясен их современникам, что они уже переросли душой сверстников, уже увидели новую даль».

Много горя принесла эта необъявленная война, продлившаяся в два раза дольше Великой Отечественной, и на землю Афганистана, и на нашу землю, но для идеолога К. Раша это горе и солдатская верность присяге лишь повод для новой, «свежей» мысли: «Мы, порождающие таких солдат, являемся на сегодня, как и прежде, самой богатой и самой культурной страной в мире». О том, что конкретно К. Раш подразумевает под «культурой», мы поговорим чуть ниже. Хотелось бы знать другое: можно ли называть страну, где за официальной чертой бедности живут миллионы, страну хронического дефицита, находящуюся в экономическом и экологическом кризисе, «самой богатой» и «самой культурной»? Не слишком ли мы злоупотребляем превосходными степенями в отношении себя лично? И не слишком ли дорого пришлось и приходится расплачиваться за «комплекс превосходства»? В богатейшей коллекции национального музея Шотландии в Эдинбурге меня более других поразил один скромный экспонат: драгоценный афганский ковер, на котором в традиционный орнамент вплетены изображения наших танков и боевых самолетов. Симбиоз «армии и культуры»?..

Ровно половину заголовка работы К. Раша занимает понятие культуры — и оттого с понятным желанием мы ожидаем культуры от самого автора, тем более педагога. Но пассажи, направленные в сторону инакомыслящих — вернее, мыслящих не столь свежо, как К. Раш, заставляют усомниться в точности выбора иного им названия. Скажем, по отношению к известному ученому, чье поведение, моральная стойкость, чувство ответственности заслужили авторитет во всем цивилизованном мире, К. Раш позволяет себе допустить следующее: «нобелевский лауреат может... расщеплять атом, но быть полным олухом (так! — **Н. И.**) в неразложимой жизни и политике». И вообще, по Рашу, во всем виноваты профессора. Давая пренебрежительные оценки работам по психоанализу Фрейда, архитектурным идеям Корбюзье, лингвистическим исследованиям К. Леви-Стросса, К. Раш заключает: «И ведь этот идиотизм (так! — **Н. И.**) десятилетиями с упоением тиражировался». При помощи таких оскорблений, оказывается, К. Раш пробует «приблизиться к первоначальному понятию, которое заключено в слове «культура»... По Дж. Оруэллу: «Любовь — это ненависть!»

В противоположность «профессорам» «людьми высочайшей духовности и главными в обществе носителями подлинной культуры» К. Раш называет офицерский корпус. И заключает: Афганистан порукой тому, что «такая армия и есть культура».

А культурологов, всяких там искусствоведов, музыковедов, филологов просим не беспокоиться. Проблемы больше нет. Как тут не вспомнить слова Геббельса: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». Напротив, гораздо удобнее воссоединить, отождествить культуру с пистолетом.

По Рашу, «на переломах истории армия оказывалась главной, реальной надеждой народа, а нередко выполняла несвойственные ей ...обязанности». Какие же обязанности пытаются навязать ей сегодня? Уж не опробованные ли на площади Руставели?

Ностальгия по «железной руке» определяет нравственную атмосферу сочинения К. Раша. Ностальгия — и соответствующее ей стремление распространить военизированные методы, утвердить зашатавшуюся психологию «осажденной крепости», деформировавшую сознание людей многих поколений, помочь выработке сознания не рассуждающего, а «повелевающего» (то есть отдающего команды) и «подчиняющегося» (командам). Согласимся: для армии дисциплина действительно является организующим моментом. Но К. Раш распространяет военизированные методы на такие категории, как культура, сознание, духовность. Более того, автор замечает: «Перестройка есть перегруппировка сил перед наступлением». В свете всего вышеизложенного очевидна не только ностальгия по командным методам, но и *активность идеи наступления*. Все неприятности, по К. Рашу, начались «с середины 50-х, со времен хрущевской «оттепели», со времен которой «мы напоминаем корабль без системы и службы живучести». Более того: мы за последние 30 лет, оказывается... «выполняем гитлеровскую программу фашистов».

Ностальгия по времени, когда с «авангардным» (так называет К. Раш русских) народом поступали так же жестоко, как и с другими, издевательски называя его «руководящим» (терминология Сталина), определяет и пафос нового «письма» Нины Андреевой, опубликованного в седьмом номере «Молодой гвардии». «Шквал злобных «ниспровержений» Сталина и ряда других руководителей нашей партии и государства» служит, по Н. Андреевой, всего лишь «маскировочной ширмой» для атак на нашу историю. «Огульное очернение» последних лет противопоставляется ею «славному» тридцатилетию сталинщины. Правда, вслед за этим редакция журнала публикует другое письмо, в котором подтверждается статистикой то, чем же оплачивались эти так называемые победы: миллионные жертвы гражданской войны, голода, раскулачивания, «большого террора». «За весь период 1918—1939 годов,— пишет В. Переверзев,— народы СССР понесли громадные демографические потери — свыше 20,1 млн. человек. Эти жертвы принесли в конечном счете во имя высоких целей светлого коммунистического будущего. Но можно ли оправдать этими целями гибель стольких миллионов людей, причем в основной массе ни в чем не виновных? Если да, то можем ли мы считать эти цели действительно светлыми и гуманными?»

Хотя новое письмо Н. Андреевой называется «Гласность обязывает», направлено оно против гласности. «Гласность, лишенная берегов и границ, может стать тормозом социального прогресса»,— утверждает Андреева. Почему, скажем, не победили на выборах в Верховный Совет многие секретари обкомов? Ответ Н. Андреевой готов: победившие их соперники «взяли на вооружение «парламентские средства» буржуазной демократии». Письмо пестрит политическими ярлыками — от «антисоциалистических сил» до «ревизионистских элементов». За всеми этими ярлыками стоит попытка реанимации «образа врага»: «Есть все основания предполагать, что активизирующиеся в нашей стране антисоциалистические силы с помощью ревизионистских элементов развернули в лоне перестройки процессы, сходные с событиями 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии». Венгрия перехоронила прах Имре Надя, идет официальная переоценка событий, связанных с насильственным подавлением «Пражской весны», а Н. Андреева продолжает пугать образом «врага».

Да, экономика буксует, растет дефицит, увеличивается инфляция. И эти моменты выигрышны для тех, кто добрым словом поминает времена сталинского «порядка», «дисциплины», когда «все в магази-

нах было»,— «порядка», основанного на крепостном рабстве крестьянина, бесправности рабочего, конформизме интеллигенции. Призыв к «железной руке» — вот в чем смысл этого послания.

Межнациональные конфликты, по цепной реакции сотрясающие страну то в одном, то в другом регионе, подтверждают в сознании многих соблазнительную в своей простоте агрессивную мысль о «твердой руке», о возврате к авторитарному режиму. Ведь проблемы можно отменить очень просто: «давить» и «сажать». И тут армия с ее чувством «повиновения», о котором напоминает К. Раш, могла бы как инструмент очень пригодиться... Ведь спор о свободе и ответственности разворачивается отнюдь не только на страницах периодических изданий — он разворачивается в Фергане и Сухуми. А решиться он может не только и не столько интеллектуальными диспутами, а танками. Силой. Армией, которая, по «экспертному» заключению К. Раша, и «есть культура»: «В лучшую пору России самые пытливые и благородные силы нации собирались в армии», более того, «нигде военный не должен бы себя чувствовать так естественно и уместно, как в Москве. Иностранцам это должно не нравиться. Стало быть, это хорошо для нас». Что, мол, русскому хорошо, то французу смерть... Превратим Москву в образцовый военный лагерь!

6

Многое ныне наконец всплывает из архивов. Печатаются и недоступные ранее документы — за всеми открытиями и не уследишь. В «Известиях ЦК КПСС» за июль обнародованы неизвестные нам письма Горького, в том числе и письмо Сталину от 8 января 1930 года. Расположено оно в журнале — случайно, нет ли — в непосредственной близости с запиской знаменитого ученого-экономиста Н. Кондратьева В. Молотову, в октябре 1927 года возглавившего комиссию Политбюро для подготовки тезисов о деревне для XV съезда партии. После аргументированного анализа ситуации в сельском хозяйстве Н. Кондратьев делает вывод: «Из предыдущего ясно, что на ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства». Записка Кондратьева датирована 8 октября 1927 года. В 1930 году, когда процесс уничтожения крестьянства шел уже полным ходом, он был репрессирован по делу так называемой трудовой крестьянской партии. В то же самое время М. Горький пишет радостное письмо вождю: «переворот почти геологический... неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией... Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия... начинается разрушение самой глубочайшей основы их многовековой жизни. И вот люди... бешено ругаются, весьма часто скрывая под этой фразой мстительное чувство древнего человека, которому «приходит конец». Так писатель-гуманист приветствовал «железную руку», осуществившую «великий перелом», «уничтожение» и «конец» крестьянина. И так другой интеллигент, ученый, пытался его спасти, за что был уничтожен и сам.

Об этом небольшом эпизоде нашей «ближней» истории задумываешься, читая статьи И. Шафаревича «Русофобия» («Наш современник» №6) и «Две дороги — к одному обрыву» («Новый мир» №7). Автору, члену-корреспонденту Академии наук, лауреату Ленинской премии, отнюдь не чужда боль за крестьянина и его культуру. Но в поисках причин происшедшей трагедии он идет тем же путем, что и ленинградская преподавательница: ищет тайного «врага», окопавшегося и продолжающего вредить. Все беды в нашей жизни, по Н. Андреевой, идут от «ревизионистов» и «плюралистов», а по И. Шафаревичу — от «малого народа», вредящего русскому: «На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «Малого Народа»... Зная роль, которую «Малый Народ» играл в истории (по Шафаревичу — только разрушительную.— **Н. И.**), можно представить себе, чем чревато его новое явление... Окончательное разрушение религиозных и национальных основ жизни». Что же это за загадочный народ? И. Шафаревич не оставляет никакого сомнения: «еврейское влияние», «под сильным влиянием еврейских национальных чувств», «еврейское ядро». А вопрос «национального самосохранения» для русских — это «создание оружия духовной защиты от него».

Вообразим себе на мгновение, что подобные слова — по отношению к «Малому Народу» — высказаны в других регионах. В «Литературной Грузии» — по отношению к «Малому Народу» абхазцам, в «Литературной Армении» — к азербайджанцам, в «Литературном Азербайджане» — к армянам, в «Литературном Киргизстане» — к немцам... Мыслимо ли это?

Что же до решающей роли «Малого Народа» в уничтожении нашей культуры, то, я думаю, внимательное изучение документов, процитированных мною выше, несколько охладит риторический пафос «академической» мысли.

В другой статье, последовавшей за «Русофобией» (словцо-то какое — чрезвычайно близкое по структуре «космополитизму» — из одного семейства; жаль только, что наши неославянофилы никак не могут обходиться без западного корнесловия!), И. Шафаревич обрушивается на западных либералов, по его словам, проявлявших «симпатию к сталинской командной системе» и лишь после XX съезда начавших все более резко критиковать эту систему. Но И. Шафаревич в качестве «западных либералов» перечисляет лишь удобные для него фигуры. Однако те, о ком пишет Шафаревич, не приветствовали «сталинскую командную систему». Иные из них полагали, что репрессии есть «грубые ошибки режима», другие не доверяли показаниям своей же западной стороны, третьи смотрели на Россию с надеждой на построение нового общества, избавленного от гримас и перекосов их мира. И еще: ряду И. Шафаревича (Л. Фейхтвангер, Г. Уэллс, Б. Шоу, К. Чапек) можно легко противопоставить другой ряд — тех, чьи произведения были у нас до недавнего времени под строжайшим запретом: назову лишь А. Жида, А. Кестлера, Дж. Оруэлла. Утверждать, что весь либеральный Запад «был глух» по отношению к творившемуся у нас, вряд ли справедливо. И приводить в качестве равнодушия к нашим страданиям пример обманутого НКВД вице-президента США Г. Уоллеса (ему вместо зеков предъявляли упитанных переодетых охранников) — значит, совершать еще одну передержку.

Нет, были на Западе честные люди, писатели, либералы, общественные деятели, в частности и «советологи», и «кремленологи», заявлявшие свой протест против тоталитаризма во всех его видах: и против гитлеровского фашизма, и против сталинского режима. И отнюдь не последнюю роль в их позиции сыграло неприятие тотального нарушения прав человека. А сегодня И. Шафаревич берет это понятие в кавычки: нарушение «прав человека» в СССР.

Логика И. Шафаревича зеркально отражает «логику» внешнеполитической игры брежневщины. С Запада, куда доходили сведения о лагерях и «психушках», о преследовании инакомыслящих, кричали о нарушении прав человека, мы же отвечали известно как: а у вас индейцы в резервациях, а у вас безработица, а у вас вся природа отдана на откуп капиталистическим заправилам. Практически те же самые «зады» брежневской пропаганды реанимирует уже в наше время членкор и лауреат. «Говоря попросту,— заключает он,— США существуют за чужой счет — за счет нас и наших потомков, угрожая самому их существованию». А мы? Не используем, не выбрасываем, не отравляем, не угрожаем? Да вспомним хотя бы известия о Чернобыле, дошедшие до нас из Стокгольма быстрее, чем из Киева...

Сопоставление сталинской командной системы и пути западного прогресса приводит И. Шафаревича к выводу об идентичности их утопического духа и технократической направленности. Но ведь то, что Шафаревич столь однообразно именует «западным путем прогресса» (тоже в кавычках!), имеет множество индивидуальных форм и различий: Швейцария и США, Дания и Франция, Великобритания и Швеция вовсе не так единообразны. Поиск в качестве исторической вины «западного прогресса» (подчинение России стандартам западной цивилизации) разрушается самой историей России: неловко напоминать члену-корреспонденту и об отмене крепостного рабства (ведь тоже «западный» путь освобождения), и об успехах промышленности России к 1913 году, и о «фермерских» идеях Столыпина, намеревавшегося дать возможность развернуться крестьянину-хозяину и тем самым окончательно разрушить патриархальную общину (о ее недостатках наиболее точно и глубоко сказал в своей статье «Истоки» В. Селюнин — «Новый мир» №6, 1988).

7

Обо всем вышесказанном можно было бы спорить и спорить, ибо беда да и любовь, как хотелось бы думать, у нас одна — наша страна, ее культура, положение народа. Можно было бы спорить и о путях развития, и об историческом своеобразии нашей «личности». Ведь всем нам надоели тоскливые игры пожизненно несовершеннолетних взрослых: «два пишем, три в уме». Но мы крайне неблагодарны — только начали распрямляться, как уже наш хребет по привычке желает опять согнуться: больно хребту, ему в согнутом положении, видать, находиться привычнее. И споры вырождаются в риторику, в которой важно не к истине приблизиться, а оппонента опрокинуть, да как можно ближе к грязи (при этом, замечу, воспользовавшись расширением свобод, оппонентами добытых).

А еще и лучше того: донести начальству (то, что называлось в прошлом веке «апелляцией к городовому»). Не успел, скажем, журнал «Октябрь» напечатать отрывки из «Прогулок с Пушкиным» Абрама Терца и многострадальную повесть В. Гроссмана «Все течет», впервые в нашей литературе прямо говорящую о последствиях коллективизации, страшном голоде на Украине, как со стороны «радетелей» за русскую культуру последовала акция — «Письмо в секретариат правления Союза писателей РСФСР», подписанное кандидатом технических наук М. Антоновым, скульптором В. Клыковым и тем же И. Шафаревичем.

Негодующее трио выступает в лучших традициях предшествующих времен: «...Российский журнал лидирует в доказательствах ущербности русского народа и русских гениев... причастны к русофобии. Зловещие признаки этого уродливого явления... Просим ознакомить с нашим письмом секретарей...» Союз писателей РСФСР отреагировал не в пример своему обычному поведению мгновенно: уже назначен день обсуждения — по письму, выдирающему из произведений отдельные слова и строчки. Случай беспрецедентный — еще и потому, что степень непрофессионализма, литературного дилетантизма авторов очевидна. Литературное произведение для них не повод для размышлений или спора, а улика. Но, видимо, для авторов сей бумаги литературные законы силы не имеют. Они апеллируют к властям, а не к истине. Что же касается произведения Абрама Терца, то я могу с таким же успехом выбрать из этой книги восторженные, любовные строки о Пушкине. Дело не в вырванных цитатах — дело в концепции, в мыслях и наблюдениях, с которыми трио разгневанных «патриотов» не спорит — более того, и не замечает, что таковые и составляют суть книги, написанной, кстати, от лица героя-маски (литературный прием). Это было неоднократно разъяснено самим А. Синявским. Абрам Терц — литературный персонаж, и впадать в истерику по поводу его высказываний по крайней мере нелепо, если не смешно. Это примерно то же самое, что привлекать к моральной ответственности небезызвестного Ивана Белкина или Козьму Пруткова.

А что до выражений, связанных с нашей родной страной, то в отечественной классике можно обнаружить и следующее: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...»

Написал эти строки Михаил Юрьевич Лермонтов...

8

Кстати, еще об одном авторе «письма трех». Во втором номере «Нашего современника» была напечатана статья М. Антонова, в которой утверждалось следующее: 1) «сытое существование», не освященное «высшей идеей», «не для нас», «не для великого народа»,— уж не поэтому ли лучше мы останемся с идеей, чем с хлебом? 2) самое опасное нынче — это попытки Н. Шмелева, А. Аганбегяна, Т. Заславской, А. Стреляного и иже с ними «выразителей чаяний наших богачей» способствовать возрождению рыночной экономики; 3) если сегодня реабилитировали Н. Кондратьева, то это не снимает у него, М. Антонова, мыслей о том, что «у членов партии тогда» были «основания считать его... антисоветски настроенным человеком и врагом социализма, стремившимся в самое трудное для коммунистов время посеять сомнения в возможности построения нового, справедливого общества»... Стремление перевести нашу жизнь на твердые экономические рельсы объявляется М. Антоновым не чем иным, как «насаждением идеологии торгашества», а утверждение роста жизненного уровня населения высшим критерием экономической политики является, по мнению М. Антонова, глубоко ошибочным.

Главная же мысль М. Антонова состоит в том, что, оказывается, «народу сейчас нужны вожди, органически с ним связанные»,— надо, чтобы «народ осознал эту свою жизненную потребность», и тогда «такие вожди появятся»...

Вот чем все словеса о «демократии» проверяются.

Тысячу раз прав был остерегающий голос Достоевского: «Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».

Путь к демократии не обещает легкости и простоты. Возвращаясь к точкам зрения И. Клямкина и А. Мигpаняна, я присоединяюсь к их мнению о том, что демократию нельзя экспортировать. Ее можно только... хочется сказать — выстрадать. Если б это слово не было так затрепано, то оно было бы наиболее точным. Мгновенный «подъем» от тоталитаризма к демократии, как из глубоководья на воздух, может быть гибельным для привыкшего, приспособившегося жить под колоссальным давлением организма. Подъем должен быть, конечно же, постепенным, и власть должна быть властью. Но основываться она должна только на одной строжайшей диктатуре — диктатуре закона. За остальные ее разновидности слишком дорого заплачено.

ПРОШУ СЛОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ЭКСПОРТ

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» (И. С. Тургенев).

Маргарита ОДЕССКАЯ

Интересно знать, что сказал бы в продолжение этих слов их автор сегодня, узнав, что «правдивый и свободный» потерял свою независимость и превратился столетие спустя в служанку идеологии, по сути, став проводником «советского образа жизни» за рубежом, орудием пропаганды великодержавных идей.

Похоже, что у авторов учебников и пособий по русскому языку для иностранцев нет ни «тягостных раздумий о судьбах родины», ни «сомнений» в принципах отбора текстов: из учебника в учебник кочуют тексты, похожие друг на друга, как близнецы, в бравурной интонации рассказывающие нашим зарубежным коллегам, иностранным студентам о неуклонном росте благосостояния советских людей, о крепнущей дружбе народов нашей страны, о развитии науки и искусства после Октябрьской революции, о преимуществах положения женщины при социализме, да и вообще о преимуществах социалистического строя, о незыблемости нашей идеологии и экономики:

«Зрелое социалистическое общество характеризуется прежде всего всесторонне развитой бескризисной, динамично растущей экономикой,.. все более органичным соединением достижений научно-технической революции с преимуществами плановой социалистической системы хозяйствования».* И подобных образчиков брежневско-сусловского «штиля» в этих учебниках полно. А новых пособий, учитывающих современные перестроечные реалии, нет в помине.

Ежегодно в СССР приезжают студенты и аспиранты из разных стран, чтобы получить образование. Целый год они проводят на подготовительных факультетах университетов и институтов, где изучают русский язык. Это самый трудный период для иностранных учащихся, время климатической и психологической адаптации, преодоления языкового барьера, знакомства с советской действительностью по учебнику и воочию. И вот тут-то начинаются казусы...

Изучив и усвоив грамматическую и синтаксическую структуру русского языка, речевой этикет поведения, даже самый способный студент попадает, мягко говоря, в затруднительное положение. В учебнике ему предлагается, например, следующий диалог общения в магазине:

— Что вы желаете? Выбрали что-нибудь?

— Нет, еще не выбрал. Мне нужно сделать подарок пожилому мужчине. Посоветуйте, что купить.

— Пожилому мужчине? Он курит?

— Не уверен. По-моему, да.

— Посмотрите вот эту пепельницу. Ручная работа.

— Красивая. Сколько она стоит?

— 28 (двадцать восемь) рублей.

— Это для меня дорого. Тем более что он, может быть, и не курит.

— Я вас понимаю. Зачем рисковать? Посмотрите вот эти галстуки. Их часто берут. Или вот — работа по кости.

А теперь попробуем смоделировать диалог, который зачастую можно услышать в магазине в действительности:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит эта пепельница?

— У вас глаза есть? Читайте, все написано. Небось грамотная.

— Вы не могли бы мне помочь выбрать подарок для пожилого мужчины?

— Все перед вами. У меня полно народу, очередь.

Но весь парадокс заключается в том, что, чем хуже говорит по-русски покупатель, тем больше у него надежды на вежливое обслуживание. Согласитесь, проблема тут немалая и для преподавателя, и для составителей учебников. Ведь нельзя же, в самом деле, обучать студентов нашей грубости. С таким противоречием я впервые столкнулась, когда преподавала русский язык в Чехословакии. Обучив своих студентов необходимым лексико-грамматическим структурам, я попросила их разыграть ситуацию в магазине. Вот примерно какой диалог я услышала:

— Добрый день.

— Добрый день. Пожалуйста, что желаете?

— Я хотела бы купить серую юбку 48-го размера.

— К сожалению, серой 48-го размера нет. Но есть бежевая. Показать?

— Спасибо, но бежевая мне не подходит.

— Тогда посмотрите вот эту, модная новинка, вам пойдет такой фасон.

— Да, юбка действительно красивая и модная, но что-то похожее у меня уже есть, мне все-таки нужна серая.

— Что ж, зайдите в четверг, нам должны привезти новые товары, может быть, что-нибудь для себя подберете.

— Спасибо, обязательно зайду. До свидания.

— До свидания.

Я наблюдала за моими студентами, радовалась их лингвистическим способностям (с точки зрения грамматики, у меня не было никаких замечаний), но как объяснить им, еще не побывавшим в нашей стране, что подобный диалог слишком далек от реальной жизни.

Получив информацию из витринно-сувенирных текстов, написанных застойным языком, в застойные годы, о всеобщем нашем благоденствии, об изобилии, о самом лучшем советском, студент иностранец во время учебы в СССР с удивлением открывает для себя совсем иную жизнь и начинает задавать каверзные «неположенные» вопросы преподавателю русского языка. А что же преподаватель? Преподаватель должен быть все время начеку, чтобы отражать «антисоветские» нападки.

Студент: Почему у вас в магазинах мало продуктов и большие очереди? Почему у вас есть коммунальные квартиры? Наша семья живет в отдельном доме.

Преподаватель: Наша страна не раз переживала тяжелые годы разрухи и восстановления народного хозяйства, и тот уровень, которого мы достигли сейчас по сравнению... и т. д.

С сожалением констатирую, что авторитет русского языка в мире заметно падает в последние годы — за рубежом отказываются от наших преподавателей, от наших методик и учебников. Но советские учебники с поразительным упорством продолжают пропагандировать экспортный вариант русского языка, расхваливая его на все лады, утверждая его приоритетное значение среди других языков. Вот отрывок текста для начинающих изучать русский язык по учебнику «Старт» *:

«Почему именно русский язык стал языком межнационального общения?» Вот как на этот вопрос ответил первый секретарь Компартии Узбекистана **:

— Почему именно русский? Потому, что это язык старшего и самого верного друга всех народов СССР — русского народа. Потому что это язык великого вождя всех трудящихся В. И. Ленина, язык ленинизма; на нем Ленин написал свои бессмертные книги. Потому что это язык первой в мире социалистической революции, язык борьбы за свободу и независимость всех народов. Потому, что это один из самых богатых и ярких языков мира».

Невольно испытываешь неловкость перед студентами и за «старшего друга», и за «один из самых богатых и ярких языков мира».

Как можем мы, не изучавшие ни вьетнамский, ни монгольский, ни арабский, ни чешский и многие другие языки мира, утверждать приоритетность своего языка?

Как злая насмешка над раздумьями Тургенева, над русским языком звучит текст «Великий и могучий русский язык», открывающий одно из пособий по русскому языку для иностранцев:

«Русский язык — язык первой в мире социалистической революции. Сплотившись под ее знаменем вокруг российского пролетариата, все народы нашей страны поднялись на борьбу за свою свободу и независимость от рабства и бесправия, нищеты и страданий, вышли на широкую дорогу экономического, политического и культурного прогресса.

Благодаря последовательному претворению в жизнь мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза развивались и крепли нерушимая дружба и братство трудящихся всех национальностей нашей необъятной Отчизны.

В упрочении дружбы и братства советских народов сыграли свою роль все нации и народности Советского Союза, и прежде всего великий русский народ. Именно вокруг него сплотились все народы СССР в едином многонациональном государстве» (А. Н. Барыкина, В. П. Бурмистрова, В. В. Добровольская «Пособие по развитию навыков письменной речи», с. 15.).

Чему может научить этот бездушный текст, написанный выхолощенным языком штампов, грубо утрамбованных псевдопатриотических клише, языком «Краткого курса истории ВКП(б)», этот суррогат, подменяющий живой русский язык? Разве можно на таких текстах привить интерес и любовь к русскому языку нашим зарубежным коллегам? Да еще и в дни, когда национальные проблемы нашей страны на языке у всего мира? И как кощунственно выглядят вырванные из литературного исторического, биографического контекста строки из стихотворения Тургенева. Разве мог бы найти «опору и поддержку» в таком языке писатель — великий стилист, гуманист, размышлявший о судьбах своей родины вдали от нее. Едва ли сказал бы он:

«Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»

* А. Н. Барыкина, В. П. Бурмистрова, В. В. Добровольская «Пособие по развитию навыков письменной речи». М. 1978, с 8.

* «Старт-3». Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Основной курс. Книга для студента. М. 1984, с. 62.

** Очевидно, Ш. Рашидов, если принять во внимание год выхода учебника.

«...И ЗА «УЧЕНИКОВ» СТЫДНО!»

Очень не хотелось вступать в полемику по поводу моей статьи «Стыдно молчать!» («Огонек» № 29), так как считал, что высказался я в ней с предельной откровенностью. Однако ответ на нее — групповое письмо моих бывших сослуживцев («Огонек» № 34) — заставляет меня снова взяться за перо.

Мы живем в тяжелое время. Страна, и это очевидно, находится в экономическом, экологическом и нравственном кризисе, и выход из него один: революция, именуемая у нас «перестройкой». Думается, это значит, что каждый член общества должен оценить свое место в нем, свою позицию. Взвесить на весах совести свое прошлое, понять заблуждения, принять определенное этическое решение. Думаю, что так в наши дни поступают многие.

Размышляя об этом, я пришел к выводу, что человеку не дано прожить две или три жизни — одну, скажем, вот так, другую — иначе, а третью, как положено, в полном согласии с совестью,— он должен быть способен в единственной своей жизни прочертить рубеж, изменить направление, решиться на поступок.

Лет пять тому назад, поняв это, я написал повесть, использовав в качестве материала для нее кусок своей жизни в органах госбезопасности, память о встречах с людьми не совсем обыкновенными и несчастными, мысли и чувства, родившиеся в связи с этим. Я попытался все искренне описать — иначе и браться за это не следовало.

С рукописью этой книги многие, в том числе и некоторые из подписавших групповое письмо, знакомились и знали, стало быть, что думаю я о своей работе.

В прошлом году рукопись надолго осела в пресс-бюро КГБ СССР, а в январе 1989 года мне в разрешении на публикацию отказали.

14 апреля я направил председателю КГБ СССР письмо. В нем я возражал против этого решения и, обосновывая необходимость честно и откровенно обо всем писать, изложил свои мысли о современной и не столь отдаленной деятельности КГБ. Ответа на свое письмо я не получил, что и заставило меня обратиться к общественности.

Одно соображение мучило меня: целесообразно ли писать откровенно о том, что переживаю и думаю? Не будет ли при этом создаваться ощущение некоей неловкости, ведь покаяние — дело интимное. Но потом решил, что не только интимное, но и общественное, касающееся многих. А если есть ощущение неловкости, то оно всегда возникает в случаях, когда обнажается сокровенное.

Короче говоря, другого пути для себя я не нашел. У меня не было возможности делом подтвердить свое новое качество. Но и молчать я тоже не мог.

Не правы, мне кажется, те, кто говорит, что им не в чем меняться, они-де и раньше жили нравственно, в духе нашей перестройки. Таких людей немного. Они у нас на виду.

Хорошо, когда у тебя есть возможность на деле доказать свою причастность перестройке, как, например, у одного известного и ответственного сотрудника КГБ СССР — генерала И. П. Абрамова, многие годы целеустремленно боровшегося с диссидентами, а теперь назначенного на должность заместителя Генерального прокурора СССР (теперь он отвечает за работу по реабилитации незаконно осужденных в период культа личности и застоя). Впрочем, такая кардинальная смена функций с «минуса» на «плюс» оправданна только в случае строгой самооценки всей своей прошлой деятельности. Жаль, что этот мотив не прозвучал ни у генерала Абрамова, когда его кандидатуру утверждал Верховный Совет, ни в коллективном ответе на мою статью. Напротив, в письме «двадцати» опять звучит старая песенка о подстрекателях и идеологических диверсантах.

Не удивился бы, если в письме его авторы заговорили бы об «образе врага», борясь с которым мы многие годы гипнотически функционировали.

Существовала, например, линия работы, определявшаяся как борьба с идеологической диверсией зарубежных спецслужб и центров в среде церковников и сектантов.

Под эту формулу подгонялось все: стремление верующих к созданию общин и молитвенных домов, попытки добыть на Западе Библию, желание церкви получить большую независимость.

Или еще одна линия идеологической работы чекистов: борьба с буржуазным национализмом. Под эту категорию подходили и еврейские «отказники», и крымские татары, собиравшиеся и протестовавшие то у приемной Президиума Верховного Совета СССР, то на Красной площади. И те, и другие требовали справедливого решения.

Может быть, наши национальные вопросы и теперь решаются с таким трудом из-за того, что лежит на них груз омерзительных ярлыков и обмана.

Творческая интеллигенция всегда почиталась в органах наиболее опасной. Как же! В ней, как правило, аккумулируются идеи, в том числе и мировоззренческие, а это опасно: вдруг в них появится что-то противоречащее классикам и первоисточникам.

Я совсем не хочу сказать, что вовсе не было идеологической диверсии со стороны зарубежных спецслужб. Были такие факты! Но чаще мы заблуждались и, значит, боролись совсем не с теми, с кем следовало.

Да и нельзя всех подряд укладывать в прокрустово ложе официальной идеологии. Еще давным-давно Ап. Григорьев (да он ли только!) заметил, что именно протест движет общество вперед. И новая, свежая мысль — тоже!

Мне очень хотелось бы, чтобы именно органы госбезопасности заняли самое достойное (хотя и скромное, хотя и подчиненное в системе правового государства) место. Трудно, очень трудно много лет проработать в этой системе и всегда ощущать себя причастным к ней: к плохому и злому, о чем я уже написал. Но ведь и к подвигам, совершенным чекистами в годы Великой Отечественной войны, к тяжелой, но крайне нужной работе, время от времени возникавшей в последующие годы.

Поэтому обидно становится, когда приходишь к выводу, что плохое, ненужное, вредное, накопившееся в системе и методах работы органов госбезопасности за годы застоя, столь живуче.

Коллективное письмо, отвечающее на статью «Стыдно молчать!»,— прямое этому подтверждение. В нем ярко выражено всегда существующее стремление во что бы то ни стало сохранить честь мундира, не тем, так другим способом «добить» противника или того, кто принимается за такового.

А ведь 20 сотрудников КГБ, подписавших письмо против меня и моей статьи, могли бы поведать читателю о многом. О том, например, что за время брежневского правления Комитет госбезопасности обрел невиданное за всю историю нашей страны влияние; что он стал контролировать (помимо церкви, творческих союзов, высших учебных заведений и спорта) и многие министерства, в том числе и МИД, и милицию, и даже армию; что, оправдывая свой раздувшийся штат, он создавал — фактически на пустом месте — громкие «дела» и процессы, жестоко расправляясь с совершенно невинными соотечественниками; что именно в эти годы он свел на нет все попытки Хрущева создать институты, контролирующие деятельность этой организации; что КГБ вел борьбу с интеллигенцией теми же средствами (и техническими, и материальными), что и борьбу со шпионажем, приравнивая таким образом наших сограждан к действительным врагам Советского государства... Двадцать «подписантов» могли бы поставить вопрос вообще о правомерности этой организации заниматься проблемами идеологии и поговорить о том, чтобы доверить эту работу КПСС, средствам массовой информации и творческим союзам. Сколько народных денег было бы возвращено в государственную казну! Используя свой коллективный разум, авторы письма в «Огонек» могли бы порассуждать о той атмосфере страха, подозрительности и наушничества, которая царила у нас со времен Ежова, Берии и Абакумова...

Многое бы могли обсудить на страницах массового журнала мои бывшие коллеги, но, к сожалению, они пошли по иному пути, используя весь старый набор отживших уже сегодня приемов.

Сначала делается упор на значительность автора статьи «Стыдно молчать!» в системе органов. Он-де и «приводной ремень», и награды получал за активную работу в застойный период, даже учеников у него было много. А потом приводятся конкретные факты и делается вывод: статья его — попытка добиться дешевой популярности уже во вполне благополучной пенсионной жизни.

Излагая все это, авторы письма смещают акценты, искажают факты, а иногда и просто пишут неправду. По привычке, как в застойные времена, когда готовили информации в «инстанции» о реагировании населения, например, на то или иное выступление Брежнева: фактик отсюда, примерчик или высказывание оттуда — все благообразно и одобрительно...

Ну как не знать авторам письма, что никаким «приводным ремнем» я просто не мог быть.

А потом в коллективном письме пошли совсем неприличные вещи. Например, ссылаются на лицо, которое за распространение книг Цветаевой и Гумилева я якобы довел до суда с прокурором и адвокатом и вступившим в законную силу приговором. Зачем об этом было писать, ссылаясь к тому же на архивы, если никакого суда вообще не было. Стало быть, и прокурора, и адвоката, и приговора тоже.

Далее также, оказывается, у меня был сейф, а в нем за семью печатями с великим рвением я хранил рукописи А. И. Солженицына. Это — ложь! Никогда в своей работе я не имел никакого отношения к А. И. Солженицыну. Все книги (а не рукописи) Солженицына у меня действительно были, и приобретал я их за рубежом. По некоторым свойствам характера я не мог не давать их сослуживцам, которых считал друзьями. Это привело к печальному результату: сейчас у меня осталось лишь две книги А. И. Солженицына. Остальные «заиграли».

Даже среди двадцати человек, подписавших письмо, есть те, кому я давал читать А. И. Солженицына.

Не хочется копаться во всех этих несимпатичных вещах — они на совести авторов письма, в том числе и неискренний пример в отношении «Метрополя» и моего «глубочайшего облегчения» в связи с выездом В. П. Аксенова: «Метрополя» в работе не касался, а радоваться выезду из страны Аксенова просто не мог.

Мне хотелось на примере показать, что письмо «учеников» — это набор старых, набивших оскомину методов работы. Пример искажения действительности и смысл его не соответствуют духу перестройки всего нашего общества.

Все мы, сотрудники КГБ, в той или иной степени причастны к грехам прошлого. Нельзя двигаться вперед, нельзя работать по-новому, не отрешившись от него, не проанализировав и не оценив его в обстановке гласности, пробивающейся наконец в наше больное общество.

Письмо «учеников» совсем не пример этого. Наоборот! Как будто слушал я радио наших дней, и в нем с болью, но честно говорят о нашей жизни и о нас. Вдруг рычажок соскочил, и полились, казалось бы, ушедшие в прошлое заклинания об успехах, о процентах перевыполнения и, конечно, о врагах, мешающих полному счастью.

Зачем это?

Я. КАРПОВИЧ

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

АГОНИЯ

После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин не доверяет Берия. Даже больше чем не доверяет: он боялся его. На чем был основан страх Сталина, мне тогда было непонятно. Позже, когда вскрылся весь механизм этой машины по уничтожению людей, которым Берия управлял и проводил акции по поручению Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он пальцем указывает, то он может это сделать и по своей инициативе, по собственному выбору. Видимо, Сталин боялся, как бы этот выбор в конце концов не пал на него. Поэтому он и боялся Берия. Конечно, он никому об этом не говорил, но это было заметно.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда мы как-то собрались у Сталина,— полное исчезновение грузин из персонала. Никого не стало из грузин, а остались только русские. То есть Сталин вернулся к положению, которое было до войны. Тогда среди обслуживающего персонала у Сталина на дачах и в доме не было никого из грузин, а были только русские. И вот как-то за обедом Сталин поднял вопрос, откуда набралось столько грузин вокруг него.

Берия насторожился и говорит: «Товарищ Сталин, это верные вам люди».

Сталин возмутился: «Как так: грузины — верные люди, а русские — неверные?»

«Нет, я не говорю этого, но здесь подобраны верные люди».

Сталин раскричался: «Не нужны мне эти верные люди!» — и после этого все грузины и грузинки исчезли из его окружения. А во время войны кого только там не было! Шашлычник какой-то жарил шашлыки, его называли русским именем, но внешность была грузинская. Я был поражен и возмущен, когда както приехал, смотрю, а он уже в генеральской форме, генерал-майор! Войну он кончил генерал-лейтенантом.

Этот генерал снабжением занимался: вино привозил, баранину для шашлыка поставлял и всякие продукты. Сам Берия его называл «духанщиком», но он был приятелем Сталина, старым приятелем. Потом ордена посыпались на этого шашлычника. Приедешь с фронта, смотришь: у него уже за этот период один-два ордена прибавилось, по планкам видно. Это возмутительно было. Когда Сталин сказал, чтобы не было грузин, исчез и этот человек тоже. Все это, конечно, было нехорошо, и люди, которые видели это, я думаю, как и я, возмущались. Но все мы молчали, никто ничего не говорил, потому что это было бесполезно.

Я помню, когда-то Сталин мне учинил разнос в присутствии этого «духанщика» — генерал-лейтенанта, который пьянствовал со Сталиным и со всеми нами. Он нашему обществу никак не подходил. Одно дело — он поставлял всякие яства и питейные дела, а другое дело — пить с человеком, которого никто не знал, и вести при нем разные сокровенные разговоры, а там велись

разные разговоры в его присутствии. Ничем это не вызывалось, и для него это совсем не нужно было.

Вот и тогда. Я прилетел с фронта, и мне нужно было улететь назавтра на фронт. Я сговорился со Сталиным, что полечу рано утром. Мне очень не хотелось напиваться у Сталина, а потом в тяжелом состоянии уезжать и лететь к себе в таком виде. Просто стыдно было на аэродроме встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то и ты будешь с ним говорить, а люди видят, в каком ты состоянии, и понимают отчего. Ведь ты же не больной. Это позорно было. Я решил тогда отделаться от обеда, не оставаться надолго, а было уже поздно (правда, по сталинскому исчислению суточного времени еще рано было — два часа ночи, не меньше).

Я говорю: «Товарищ Сталин, разрешите откланяться. Я завтра хочу лететь, как с вами и договорился».

Он так посмотрел на меня: «Завтра?»

Я говорю: «Завтра».

Пауза.

Потом он начал: «Вы отвечаете за смерть генерала Костенко, который погиб в 1942 году».

Я говорю: «Да, я отвечаю, потому что я член Военного совета фронта, и я отвечаю за гибель каждого генерала и солдата, но это война».

Он, собственно, про Костенко-то и узнал от меня. Я этого Костенко ему расхваливал. Все это он знал только от меня, а сам он никогда его не видел.

И вот он начал. Я не знаю, сколько времени он мурыжил этот вопрос, буквально издевался надо мной. Я был возмущен, и мне просто было стыдно. Другие члены Политбюро знали всё, и мы так к этому относились — сегодня я, а завтра другой. Так Сталин и действовал: он по кругу шел. Но этот человек, «духанщик» этот, с которым я никогда, как говорится, овец не пас и никаких дел с ним не имел, он был свидетелем всего этого. И вот быть наказанным, стоять без вины виноватым и в такой издевательской форме перед посторонним — это только Сталин мог позволять себе. Это совершеннейшая бесконтрольность. Мы говорили, что он дойдет до того, что будет штаны снимать и за столом делать дело, а потом будет говорить, что это в интересах страны, в интересах Родины.

Во время войны он, безусловно, был тронут. Мне кажется, что у него психика была как-то нарушена, потому что раньше Сталин вел себя довольно строго и держался, как положено держаться человеку, занимающему такой высокий пост.

Так вот, когда доверие к Берия было подорвано, все эти грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял им. Но в результате болезненного такого своего состояния Сталин не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, хотя теперь здесь были одни русские, но подбирал-то их Берия. Он долгое время работал в органах ЧК, и все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях.

Поэтому теперь Сталин за столом не ел и не пил, пока кто-либо другой не попробует из этого блюда или из этой бутылки. Он находил повод. То дегустация вина: вот вино грузины прислали, надо попробовать старое вино. Он пре-

---

Продолжение. См. №№ 27, 28, 30, 31,33—36.

красно знал нашу дегустацию и ни во что ее не ценил; он сам диктовал — хорошее вино или плохое, но ему надо было, чтобы мы попробовали. Он выжидал; попробовал кто-то, смотрит: ничего человек,— тогда он немножко выпьет, смакует, а потом начинает пить. Хочет Сталин что-нибудь скушать. У каждого из нас вроде было любимое блюдо. И каждый должен был первым попробовать его.

«Вот гусиные потроха, Микита, вы не пробовали еще?»

«Да вот забыл»,— говорю, а сам вижу, что он хочет взять, но боится.

Я попробую, и он начинает есть.

«Вот селедка несоленая».

Он ее любил, давали ее несоленую, и каждый солил себе по своему вкусу. Я возьму, тогда и он берет. И так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора, который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал.

И только Берия, даже когда обедали у Сталина, все равно получал обед со своей кухни, со своей дачи. Ему его привозили, и Матрена Петровна, которая подавала обед, говорила: «Товарищ Берия (она так в нос говорила), это вот ваша трава».

Ну, все смеялись: «Трава». Он ел эту траву, как едят в Средней Азии,— другой раз рукой брал и клал в рот, а другой раз вилкой. Чаще всего рукою он ел. Я не знаю, как плов грузины едят, рукой или же нет, но Берия руками ел.

В это время Сталин уже был на большом ущербе.

А как на отдых ездили!.. Помню, я несколько раз был принесен в жертву. Берия подбадривал: «Ну, слушай, кому-то надо страдать».

Страдания заключались в том, чтобы ехать отдыхать в то же время, когда Сталин на Кавказе отдыхает. Это считалось наказанием для нас, потому что это уже не отдых. Все время надо было быть со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины. Сталин ко мне хорошо относился и, когда ехал в отпуск, часто меня приглашал: «Поедемте, вам тоже отпуск дать?»

«Хорошо, поехали. Я очень доволен. Я рад»,— говорил я, но предпочел бы не ехать. Сказать это ему было совершенно невозможно, я ехал и страдал с ним.

Я помню отдых в Боржоми. По-моему, он единственный раз отдыхал в Боржоми. Он позвонил оттуда: я отдыхал в Сочи, а Микоян — где-то в Сухуми. Одним словом, всех, кто отдыхал на Кавказе, плюс Берия, который в это время работал, он вызвал к себе, и мы собрались в Боржоми. Дом был большой, но плохо оборудованный. Там до этого был музей. Поэтому спален не было, и мы жили очень скученно. Я, по-моему, тогда жил в одной комнате с Микояном, но очень мы чувствовали себя плохо: во всем зависели от Сталина. У нас были разные режимы дня: мы уже находимся, нагуляемся, а он еще спит. Он поднимается, и тогда начинается день.

Я помню, как-то Сталин нас вызвал и говорит: «Приехал Ракоши отдыхать на Кавказ».

Ну, Ракоши приезжал не в первый раз.

«Он звонил, просился ко мне».

Мы молчим.

«Надо сказать, чтобы он приехал»,— говорит Сталин.

Позвонили Ракоши.

А Сталин тогда нам и говорит: «Почему Ракоши знает, когда я отдыхаю на Кавказе? Всегда, когда я отдыхаю на Кавказе, он тоже приезжает. Видимо, какая-то разведка его информирует».

Вот уже и Ракоши попал в число подозрительных. Что он уже «агент» какой-то.

«Надо,— говорит,— его отучить от этого».

Приехал Ракоши. Он участвовал в этих обедах, в этих попойках.

Раз, когда подвыпил, он говорит: «Слушайте, что вы этим делом занимаетесь? Это же пьянство».

Он вещи назвал своими именами. Это мы и сами знали, но, признаться, для себя находили оправдание — никто из нас не хотел так жить, мы жертвы. Но нас это все же обидело. Берия взял и сказал Сталину, что Ракоши говорит, что мы пьянствуем.

Сталин в ответ: «Хорошо. Сейчас посмотрим».

Когда сели за стол, он начал Ракоши накачивать, спаивать. Влил он в него две или три бутылки шампанского, и не знаю, сколько другого вина. Я просто боялся, что Ракоши не выдержит и умрет. Нет, выкарабкался.

Утром он кое-как проснулся (а он со Сталиным раньше договорился, что уезжает) и попросил себе завтрак отдельно. Сталин завтракал один. Он не пошел к Сталину завтракать, а это тоже могло Сталина вывести из равновесия, но тут он только подшучивал: «Вот я до какого состояния его довел».

Так Ракоши уехал от нас.

Но уже и Ракоши был в глазах Сталина человеком на подозрении: откуда он знает, когда Сталин отдыхает на Кавказе? Это все знали. Для Ракоши не составляло никакого труда позвонить в секретариат ЦК, где сказали бы, что Сталина нет (наверное, он так и делал) и что Сталин сейчас не в Москве, а на Кавказе.

Сталин еще какое-то время отдыхал там, и мы задержались с Микояном; еле-еле вырвались и разъехались по своим местам отдыха.

В те времена часто, когда Сталин хотел какой-то вопрос перед нами поставить, он приглашал нас в кино. Просыпался он часов в семь, восемь, девять вечера, приезжал в Кремль, а чаще всего он спал на ближней даче, и вызывал нас в кино.

Звонит, бывало: «Приезжайте в кино к такому-то времени».

Приезжаем в кино. Он сам подбирал картины. Картины главным образом шли трофейные. Много было американских картин, ковбойских. Он их очень любил. Ругал их, правильно оценивал, но тут же заказывал. Фильмы были без перевода, а «переводил» их министр кинематографии Большаков. Он со всех языков «переводил». Мы часто, особенно Берия, шутили над его переводами. Он совершенно не знал языков. Ему рассказывали содержание, он его старался запомнить и «переводил». В отдельных эпизодах он говорил другой раз невпопад или просто объяснял: «Вон он идет».

Берия тут же начинал помогать: «Вот смотри — побежал, побежал».

Чаще всего мы Молотову и Микояну говорили: «Мы — в кино».

А известно было, что кино Сталин посещал только в Кремле. Это была такая комната, оборудованная устаревшим по тому времени оборудованием. Сейчас не пользуются этим кинозалом.

Там мы смотрели кинокартины: немецкие, английские и французские. Большой был архив кинокартин, в основном трофейных. Немцы грабили то, что попалось в разных странах, и какое-то количество к нам попало. Другой раз были интересные картины, но чаще всего картины не нравились нам.

Обычно, когда просмотр кончался, Сталин предлагал: «Ну, поедем, что ли?»

Мы есть не хотели — это был час или два ночи, надо отдыхать, ведь завтра рабочий день. Но Сталин не работал и о нас тоже не думал.

«Поедем?»

Все говорили, что они «голодные», выработали уже рефлекс и врали — «голодные». Ехали к Сталину. Там начинался обед.

Когда мы собирались в кино, звонили Микояну и Молотову. Они уже потом между собой перезванивались. Они приезжали в кино, а потом уже, конечно, ехали в столовую. Так продолжалось, пока Сталин не устроил нам скандал. Тогда мы свою деятельность прекратили, потому что это могло плохо кончиться и для них, и для нас,— мы им не поможем и свою репутацию в глазах Сталина подорвем. Никто на это не шел. Никто. Все без договоренности ждали естественной развязки положения, которое сложилось. Развязка наступила только после смерти Сталина.

Как-то мы были после кино на очередном кормлении на ближней даче Сталина. Сталин уже был навеселе, он всегда себя доводил до такого состояния, когда организовывались эти обеды или ужины.

Сталин вдруг спросил: «Кто входит в Бюро?»

Перечислили: тот-то, тот-то. Дошли до Ворошилова.

«Кто? Ворошилов? Как он пролез?»

Мы смотрим друг на друга.

«Товарищ Сталин, вы же сами его назвали. Вы его назвали, и Пленум избрал Ворошилова в состав Бюро».

Он не стал дальше развивать свои мысли. Но, следовательно, он ему не простил, а только как-то по старой привычке назвал его фамилию.

Ворошилов был избран, но он не пользовался всеми правами члена Президиума ЦК. Это выражалось в том, что Сталин его не всегда вызывал на заседания, не всегда вызывал на просмотр кинокартин и, следовательно, он не всегда попадал на обеды. А это великая была честь. Ворошилов бывал, но редко. Другой раз он позвонит сам и приходит.

Мы очень часто ездили к Сталину, почти каждый вечер. Только когда нездоровилось Сталину, были пропуски. Других причин не было, потому что Сталину девать себя было некуда.

Он был, как тот купец из "Горячего сердца", которого Тарханов играл. У этого купца был какой-то приближенный, который все думал, чем занять его время. Купец говорил: «Ну, что сегодня будем делать?» — и тот должен был придумать, что делать. Они в разбойников играли и прочее.

Так вот, вроде этого купца Сталин тоже говорил: «Ну, что сегодня будем делать?»

Ему делать было нечего, он неспособен что-нибудь делать, а мы должны были работать, работать на своих постах, на которые мы были избраны, а кроме того, мы должны были участвовать в вечерах Сталина в качестве персонажей из «Горячего сердца» и развлекать его.

Тяжелые были времена. Так мы провели XIX съезд и начали последний этап работы под руководством Сталина и вместе со Сталиным.

Кажется, еще до съезда он ввязался в дискуссию по языкознанию. Очень странная дискуссия была. Она ему не нужна была; он принимал грузина, ученого, с ним беседовал. Тот как-то разбудил у него желание включиться в этот спор. Он начал вести спор, выступал против академика Марра, против его трудов. В конце концов он выступил и против этого своего друга грузина. Это близкий к нему человек, он его не раз приглашал, он у него обедал. Таким образом, появился труд Сталина по языкознанию, теоретический труд последнего этапа его жизни.

Потом он «ударил» по экономическим проблемам. Он организовал диспут и опубликовывал свои труды. Тут тоже был такой оригинальный случай. Был один ученый. Он занимался экономическими науками (фамилия у него была украинская). Он опубликовал свою какую-то работу, и против него выступали в печати, разделывали его, и совершенно не безвинно.

Он написал этот труд по экономике и обратился в Академию наук с просьбой организовать обсуждение. Академия наук обсуждала его работу и не оценила, как он считал, должным образом этот труд. Он был настойчивый человек, член партии, кажется, с 1918 или с 1919 года, и написал в ЦК, стал буквально всех терроризировать — требовать, чтобы Центральный Комитет вмешался, обсудил документ и правильно его оценил.

Однажды летом собрались мы у Сталина на даче. Там был Ворошилов. Шел обычный сталинский обед — мучительный и длинный. Вдруг не знаю, что случилось с Ворошиловым. Мы все были уверены, что Ворошилов не читал этого труда, как и другие члены Президиума ЦК.

А он вспомнил и говорит: «Коба (он часто так Сталина называл по кличке), ты не читал бумагу, которую разослал такой-то?»

И начал его ругать, вот такая он сволочь, вот он там то-то и то-то пишет, вот...

Сталин говорит: «Нет, не читал».

Он смотрит на других, на Маленкова. Все сказали, что не читали. Кажется, Маленков сказал, что такой труд вроде бы в ЦК находился. Выяснили, что всем членам и кандидатам Президиума этот документ был разослан самим автором. Ворошилов очень резко ругал его, говорил: «Арестовать его надо, мерзавца, арестовать его».

Сталин поддержал: «Ну, что это за сволочь такая! Арестовать его».

Как это можно?! Человек написал документ, пусть плохой, даже вредный, но он послал его в ЦК, это его точка зрения, он же член партии с 1918 или 1919 года. Он прошел большой путь борьбы, был партизаном в Сибири. Он сам сибиряк, хотя фамилия украинская у него. Все партийные организации обсуждали и все клеймили позором этого человека. За что? Они сами не знали. За то, что он написал этот труд.

Если бы Ворошилов не поднял этот вопрос, этот человек продолжал бы упорствовать, называл бы всех бюрократами, но этим бы и кончилось. А так дело кончилось тем, что его потом действительно арестовали, исключили из партии, он сидел.

Его выпустили после смерти Сталина. Он обращался в Московский комитет, высказал негодование против Московского комитета и лично против меня. Ему, конечно, ничего не было известно о моей роли в этом деле, но он меня критиковал за то, что я не вмешался, не оценил его труд и, следовательно, не подал ему руку помощи.

С этим экономистом был еще такой эпизод, который характеризует поведение Сталина в то время.

Когда Сталин начал диктовать и публиковать свои предсмертные труды по экономическим проблемам социализма, он всех заставил читать, изучать это. Вся партия сидела и корпела над этим трудом. Он предложил и ораторам на XIX съезде высказаться по этому вопросу. Маленков в своем докладе уделил большое внимание этому труду. То же сделали и другие выступавшие, за исключением меня. Но я не говорил о нем не потому, что я «смелый и умный» и заранее критически к этому труду относился. Нет. На XIX съезде я выступал не как оратор, а как докладчик по Уставу партии, а к Уставу партии не было необходимости притягивать за уши этот последний труд Сталина — его достаточно полно изложил Маленков.

Сталин частями публиковал свой труд. В один прекрасный день Сталин созвал всех нас и начал распекать за то, что у нас плохо подобраны люди в секретариатах. Он утверждал, что через наши секретариаты идет утечка секретных материалов и они попадают за пределы круга членов Политбюро и что надо проверить, узнать, кто и как это делает. Все мы смотрим, ничего не понимая, чем это кончится.

Вдруг Сталин направляется ко мне: «Это у вас. Через ваш секретариат идет утечка».

Я говорю: «Товарищ Сталин, уверен, что этого не может быть. У меня люди проверенные. Я им доверяю, они честные и партийные люди. Никак не может быть, чтобы кто-то из них мог разглашать секретные документы, которые я получаю как член Политбюро ЦК».

«Нет, это у вас. Сведения просочились через того-то».

И он начал говорить. Оказывается, какое-то положение, которое сформу-

лировал Сталин в своих трудах, полностью, почти слово в слово, совпало с формулировками критикуемого им автора.

«Как же так получилось? Откуда он узнал? Он же не мог подслушать. Значит, он получил материалы, которые я диктую и рассылаю вам. Вот он использовал эту формулировку».

Сталин начал еще больше горячиться.

Я тогда понял: автор этого научного труда имел украинскую фамилию. А Сталин знал, что у меня есть помощник Шуйский, украинец. Я сам ему об этом говорил, и когда он шутил, он называл Шуйского «боярин Шуйский».

Подозрение пало на него и на других. Он считал, что у меня там полно украинцев и утечка идет через украинцев.

Когда я понял, на следующий день пришел в МК и вызвал Шуйского.

«Вы знаете такого-то?»— спросил я его спокойно про этого экономиста.

«Нет,— говорит,— не знаю».

«И не слышали о нем?»

Он о нем слышал.

«Вы с ним знакомы?»

«Не знаком я с ним, никогда не встречался».

«Хорошо, тогда дайте мне его анкету».

Он вскоре принес мне анкету: я хотел посмотреть, кто этот человек и откуда, познакомиться с ним. Я посмотрел по анкете, что хотя фамилия экономиста этого несчастного украинская, но еще его отец или даже дед выехал из Полтавской губернии в Сибирь. Он уже стал сибиряком: там он родился, там он воспитывался, там вступил в партию, участвовал в борьбе партизанских отрядов против белогвардейского казачества. Одним словом, там он прошел свой революционный путь.

Это был не случайный человек в партии, он был активным участником гражданской войны.

Когда я познакомился с его анкетой, я понял, что здесь Сталин действует методом оглушения: сказал и смотрит в глаза — дрогнул ты или нет.

Когда встретился с ним на другой день, то спокойно сказал: «Товарищ Сталин, вы спрашивали вот об этом авторе. Я взял его анкету. Вы знаете, он не с Украины».

Это я говорил, чтобы отвести удар от себя, показать, что мой секретариат ни при чем. Там были украинцы: Шевченко и Шуйский. Только два украинца — безупречно честные люди.

Я продолжал: «Он даже родился не на Украине. Его дед выехал с Украины, и сам он сибиряк».

Сталин на меня смотрит свирепо: «Вот черт!»

Как-то он так выразился, но смягчился. Это было своеобразной формой извинения за то, что он напал на меня.

«Так он из Сибири?»

«Да,— говорю,— он сибиряк. А где украинцев нет? Они рассеяны по всей земле. Их много и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и в Канаде, и в других странах за пределами наших границ».

Я-то от себя удар отвел, но Сталин не успокоился. Он продолжал искать источник, откуда этот ученый мог получить документы. Он все говорил «секретные».

Тоже «секретность»... Какая тут секретность, если все публиковалось.

Но Сталин был уязвлен, что его формулировка совпала слово в слово с формулировкой этого новоиспеченного, как он считал, ученого. Никто не мог так думать, как думает Сталин. Только он один гений. Поэтому все новое должен он сказать, а все другие должны только повторять и распространять открытые им новые законы социалистического строительства. Вдруг какой-то замухрышка, как он любил говорить, никому не известный сибиряк написал то же самое.

Если бы Сталин был объективен, если бы не был так самолюбив, то больших усилий не требовалось, чтобы увидеть, что труд был написан этим новоиспеченным теоретиком в партии, как Сталин его называл, значительно раньше, чем сам Сталин стал писать и публиковать свой труд.

Этот документ ходил по Академии наук, там обсуждали его, размножали, он рассылался членам Президиума. Одним словом, он бился во все двери, кричал, требовал признания своего научного приоритета в этой области.

Сталин гораздо позже начал заниматься этой проблемой, когда уже документ был у него на столе. Так что этот автор мог бы Сталину сказать, что, мол, ты украл у меня формулировку, потому что мой документ был у тебя.

Возможно, что Сталин прочел этот труд, а потом, сам не осознавая, мог продиктовать такую же формулировку. Я не говорю, что тот был умнее Сталина. Но часто люди небольшого масштаба делают большие открытия. Какого бы ранга человек ни был, какое бы он положение ни занимал, он может сделать открытие. Ведь каждый великий человек, перед тем как сделал шаг, который возвеличил его, был простым, рядовым человеком. Но Сталин этого не допускал: раз он живет, раз он вождь, то в вопросах теоретических за ним должно быть первое слово, а все остальные должны его повторять.

Этот эпизод, как я уже говорил, кончился тем, что этого человека арестовали. Он сидел. Потом мы его освободили, я не знаю его дальнейшей судьбы после Сталина. Он не получил, видимо, признания.

Для Ворошилова случай с этим экономистом очень характерен. Его можно взять за отправной элемент в анализе, когда мы изучаем эти аресты. Вот с какой «глубиной» изучали и анализировали деятельность того или другого крупнейшего деятеля партии и приходили к выводу, что он «враг народа». Это же филькина грамота! Обвинение и обоснование брались с неба. На небо смотрели и, смотря, какое ухо почесалось, такую акцию и направляли против одного, другого или целых десятков, сотен и тысяч людей. Такое поведение

характерно для Ворошилова и характерно для Молотова. И тогда, в 1937 году, определяли политику Сталин, Молотов, Ворошилов, а при них подпевалой на цыпочках бегал и крутил хвостом Каганович.

Он не был таким, как Молотов, но он хотел быть даже злее Молотова. Молотов был ближе к Сталину, хотя Каганович тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин его за «классовое чутье», за «классовую непримиримость» к врагам выставлял как эталон решительного человека.

Мы потом хорошо узнали, что это за «решительность», что это за человек, который и слова не сказал за своего брата Михаила, и брат покончил жизнь самоубийством, когда выхода у него уже не было, когда ему предъявили обвинение, что он немецкий агент, и Гитлер метит его в состав русского правительства после захвата Москвы. Что может быть нелепее: Гитлер еврея Михаила Кагановича намечает в правительство России!.. С точки зрения фашистов, это уже преступление. Я не слышал, чтобы кто-либо говорил об этом, и никогда Каганович не возвращался к трагедии своего брата, даже когда уже выяснилось, что это была нелепость. Ни Сталин, ни Каганович, никто не возвращался. Просто был Михаил Каганович, нарком авиационной промышленности, и не стало Кагановича, не стало так, что вроде его и не было. Это очень характерно для Кагановича. Как он лебезил, как он подхалимничал перед Сталиным после этого случая!..

Сталин в своих выступлениях, докладах всегда высоко отзывался о Ленине, называл себя ленинцем. В узком кругу мне приходилось слушать его воспоминания о встречах с Лениным, о разговорах его с Лениным. Он рассказывал, какую занимал позицию Ленин по тому или другому вопросу, и в разговорах всегда получалось так, что Ленин, узнав точку зрения Сталина, потом выступал с теми же предложениями и выдавал их за свои. Сталин давал понять, что он эти мысли подбросил Ленину, и Ленин использовал их. Были случаи, когда нам прямо неприятно было слушать. Мы переглядывались, когда он говорил, явно выражая неуважение к Ленину. Он вообще много рассказывал о своем прошлом. Сталин в первые годы революции, гражданской войны занимал, как тогда называли, антиспецевскую, или «спецеедовскую», позицию недоверия к буржуазным специалистам, которых Ленин призывал привлекать к работе и прежде всего к строительству Красной Армии, потому что без офицеров нельзя построить ар-

мию. Тогда возглавлял Наркомат обороны Троцкий. Естественно, Троцкий эту директиву Ленина выполнял и привлекал офицеров. Сталин рассказывал нам, называл конкретные случаи, когда Троцкий рекомендовал такого-то офицера, прислал его в Царицын, а Сталин его не принял. Потом же он оказался изменником, предателем.

Он рассказывал много эпизодов, я их сейчас не могу припомнить, которые направлялись против Ленина, потому что Ленин выдвинул вопрос привлечь спецов.

Я помню такой конкретный случай, когда Сталин прямо выражал неудовольствие Лениным. Когда Сталин был в Царицыне, он поехал на хлебозаготовки и принимал меры по организации обороны Царицына. Туда с 10-й армией отступил Ворошилов, они там сошлись со Сталиным. Он рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву. Он приехал и докладывал о положении дел.

Потом Ленин ему говорит: «Батенька, я получил сведения, вы там очень много пьете, пьянствуете. Вы там сами пьете и других спаиваете шампанским. Нельзя этого делать».

Сталин, собственно, когда это говорил, не отрицал, что он там пил.

«Вот видишь, кто-то там ему наговорил. Это спецы наговорили, и он мне нотацию читал»,— говорил он с таким недовольством.

Мы тогда слушали, а потом переговаривались: «Видимо, этот недостаток, от которого мы страдали, работая под руководством Сталина,— давний порок. Он и в те времена тоже пьянствовал. Ленин это знал, и Ленин его предупреждал, чтобы он этого не делал».

Очень мне в душу запало, как Сталин рассказывал о первой своей высылке. Я сейчас не могу сказать, в каком это году было. Он был выслан куда-то в Вологодскую губернию. Туда много было выслано политических и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных. Я тогда сошелся с уголовными. Это были очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение, смотрим, у кого есть там рубль или три рубля. Мы приклеивали к окну на стекло деньги, заказывали и пили, пока все не пропьем. Сегодня я плачу, завтра — другие, и так поочередно. Очень хорошие артельные ребята были уголовные. А вот политики, среди них много было сволочей. Что же они устроили? Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовными пью».

Я уж не знаю, какой там был приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом не спрашивал, а только переглядывались.

Потом мы обменивались: «Видите, он еще в молодости имел склонность к пьянству. Видимо, у него это было наследственное».

Сталин рассказывал о своем отце, что отец его был сапожником и очень пил. Он говорил, что отец так пил, что даже пояс пропивал, а для грузина пропить пояс — это уже последнее дело. «Он другой раз пропивал даже пояс,— рассказывал Сталин.— А когда я еще в люльке лежал маленьким, отец, бывало, подходил, палец обмакивал в стакан вина и давал мне сосать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал».

Об отце его я не знаю, как сейчас в биографии написано, но в ранней моей деятельности слух ходил, что отец его был не рабочим.

Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то это считались люди второго сорта. Это было понятно. Самый революционный и самый стойкий — рабочий класс. Он выносил всю тяжесть на своих плечах, и поэтому к другим, не пролетарским классам и прослойкам, было очень придирчивое, не настороженное, а именно придирчивое отношение. К ним с большим недоверием относились.

Говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а у этого сапожника была сапожная мастерская и у него работали или 10, или больше человек. По тому времени это было целое предприятие. Если бы это другой был, а не Сталин, то его на чистках мурыжили бы так, что кости бы у него трещали. А тут находились объяснения обтекаемого характера, но все-таки люди об этом говорили.

Помню, Сталин не раз рассказывал и о своей второй ссылке. Он был в ссылке в Туруханском крае и жил в одной деревне со Свердловым. Они сначала дружили со Свердловым, а потом из его рассказов было видно, что они рассорились или разошлись. По крайней мере они перестали жить в одной крестьянской избе. Свердлов ушел. Нашел себе квартиру и бросил Сталина.

Сталин всегда говорил, что вот, «когда мы жили вместе, эти чалдоны, у которых мы жили в этой деревне, считали, что главный Яшка, а не Рябой». Сталин говорил, что его называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой. Когда Яшка ушел на другую квартиру, они говорили: «Мы считали, что доктор — главный, а оказывается, не доктор — главный, а Рябой».

Местные крестьяне Свердлова называли доктором. Он был провизором, и, видимо, он какую-то помощь оказывал больным, какие-то лекарства у него были. Поэтому о нем слава была, что он доктор.

Сталин рассказывал: «Мы жили, готовили сами себе обед. Собственно, там и делать было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна,— по 3 рубля в месяц. Потом партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили рыбу, нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту ходили. У меня была собака, Яшкой я ее назвал».

Конечно, это не совсем было приятно для Свердлова.

«Так вот,— говорит,— Свердлов, бывало, после обеда моет ложки, моет тарелки, а я никогда этого не делал. Покушаю, поставлю тарелку на землю, пол земляной, и собака все оближет, все чисто. А тот чистюля был».

Мы переглядывались. Мы сами прошли крестьянскую или рабочую школу и не были изнежены каким-то особым обслуживанием, но чтобы ложку не помыть, тарелку или чашку, из которой кушаешь, чтобы собака все облизывала, это нас очень удивляло.

Сталин много раз нам рассказывал об этом. Мы все знали, когда он начинал, как это было и чем это кончилось. Были рассказы о его жизни в ссылках, о которых младшие могли так сказать: «Дедушка, а может, ты говоришь неправду? А может, ты врешь?»

Мы уже привыкли, что на позднем этапе своей жизни, когда он уже, видимо, плохо себя контролировал, он много выдумывал.

Он такие вещи рассказывал: «Пошел я раз на охоту. Взял ружье и пошел за Енисей. В этом месте, где я жил, Енисей имел ширину 12 верст. Я перешел Енисей на лыжах. Дело было зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки...»

Я, признаться, не знаю, сидят ли куропатки на ветках. Имел я дело на охоте с куропатками, но я всегда считал: это степная дичь, и она прячется в траве. Ну, не знаю. Как говорится, за что купил, за то и продаю.

«...Я подошел, стал стрелять. У меня было 12 патронов, а там было 24 куропатки. Я двенадцать убил, а остальные сидят. Патронов нет. Я тогда решил вернуться за патронами. Пошел назад, взял патроны и вернулся...»

Мы все насторожились.

«Пришел, а они сидят».

Я его даже переспросил: «Как, они все сидят?»

«Да,— говорит,— сидят».

Тут Берия ввернул какое-то замечание, поощряющее рассказ.

«Я,— говорит Сталин,— убил этих куропаток, взял веревку, привязал их к веревке, конец веревки привязал к поясу и поволок их за собой».

Это все было за обедом. Когда мы выходили и, готовясь уезжать, заходили в туалет, то там буквально плевались. За зимний день он прошел 12 верст, убил 12 куропаток, вернулся — еще 12 верст! Взял патроны. Опять прошел 12 верст и опять вернулся. Это же 48 верст на лыжах!!!

Берия говорил: «Слушай, как мог кавказский человек, который на лыжах очень мало ходит, столько пройти? Ну брешет!»

Конечно, ни у кого из нас не было в этом сомнения. Зачем ему нужно было врать, трудно сказать. Была у него какая-то потребность, и не знаю, чем она вызывалась. Это была забавная брехня, которая, конечно, никакого вреда для дела не приносила. Но были серьезные разговоры.

Потом я увидел, что Сталин, собственно, и стрелять-то не умеет. Он как-то взял ружье — на ближней даче мы у него обедали — и пошел разогнать воробьев. Он тогда ранил чекиста, который его охранял. Другой раз из-за неумения обращаться с оружием у него за столом ружье выстрелило, и он чуть не убил Микояна. Он сидел близко от Микояна, выстрелом вырвало землю и забросало песком стол и Микояна... Мы смотрели, никто ничего не сказал, но все были потрясены.

Много Сталин говорил о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда Ленин больной лежал и он повздорил с Крупской, Ленин потребовал, чтобы он извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой был повод для ссоры. Вроде Сталин прорывался к Ленину, а Надежда Константиновна охраняла Ленина, чтобы его не перегружать, не волновать, как рекомендовали врачи. Сталин сказал какую-то грубость Надежде Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы он извинился. Я не помню, как поступил Сталин, послушался ли он Ленина и извинился или нет. Я думаю, в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин с ним иначе бы не помирился.

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы нашли конверт, а в этом конверте была записка, написанная рукой Ленина. В ней Ленин писал Сталину, что он нанес оскорбление Надежде Константиновне, которая является его другом, и он требовал, чтобы он извинился. Он писал, что если Сталин не извинится, то он не будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что эта записка сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней.

Сталин очень не уважал Надежду Константиновну. Не уважал он и Марию Ильиничну. Вообще он очень плохо отзывался о них, считал, что они не представляли какую-то ценность в партии.

Мне было очень не по себе, когда я видел, не только чувствовал, а видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде Константиновне еще при ее жизни.

Я был воспитан как молодой коммунист с послеоктябрьским стажем. Я привык смотреть на Ленина с уважением, как на вождя, а Надежда Константиновна — это неотделимая часть самого Ленина. Поэтому мне было очень горько смотреть на нее на активах. Бывало, придет старушка, дряхлая, ее все сторонятся, ведь она считалась человеком, который не отражает партийной линии, к которой надо присматриваться, потому что она неправильно понимает политику партии и выступает против целого ряда положений.

Теперь, когда я анализирую то, что делалось в то время, думаю, что она была в этих вопросах права, но тогда все смешивалось в одну кучу и забрасывали грязью Надежду Константиновну и Марию Ильиничну.

Сталин в узком кругу объяснял, говорил, что она и не была женой Ленина. Он другой раз выражался весьма вольно. Уже после смерти Крупской, когда он вспоминал об этом периоде, он говорил, что если бы дальше так продолжалось, то мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женой Ленина. Он говорил, что могли бы объявить, что другая была женой Ленина, и называл довольно солидного и уважаемого человека в партии. Этот человек и сейчас живет. Я не могу быть судьей в таких вопросах.

Я просто считаю, что это одно из проявлений его неуважения к Ленину. Это не клевета, а это — неуважение к Ленину. Это говорит о том, что ничего святого у Сталина не было. Даже Ленина, даже имя его не щадил. Сталин не выступал с этим, но в узком кругу он это позволял себе говорить, и он не просто болтал. Тем самым он хотел повлиять на нашу психику, на наше сознание, расшатать безграничную любовь к Ленину и еще больше укрепить собственное достоинство, собственное положение вождя и мыслителя нашей партии, нашей эпохи.

Сталин очень осторожно вкрапливал в сознание людей, которые были в его окружении, что он не такого мнения о Ленине, как он публично говорит и как в партии и в печати об этом говорят.

Тут я должен вернуться к Кагановичу. Больше всего меня возмущало — и не только меня, но и других — его поведение. Это холуй. У него сразу «ушки на макушке», и тут он начинал подличать перед партией.

Бывало, он поднимется, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и говорит: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии говорят: Ленин, ленинизм, а надо сказать, как оно есть, какая действительность существует. Ленин умер в 1924 году. Сколько он лет проработал? Что при нем было сделано и что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать лозунг не ленинизм, а сталинизм».

Когда он об этом распространялся, все молчали. Тишина стояла. Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем.

Он начинал говорить: «Вы что говорите? Как вы смеете так говорить?»

Но, говорилось это таким тоном, поощряющим на возражения.

В народе известен этот прием. Он очень характерен. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка с ней пошли, чтобы их там покормили, она кричит: «Не ходи! Не ходи, чертенок!» — и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, она его пальцем манит: «Иди за мной, иди». Так он и бежит за ней. Так в народе было, и я сам наблюдал такие картины в деревне.

Сталин тоже начинал грозить, разносить Кагановича, что он такое себе позволяет, но видно было, что ему это нравится.

Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами, он любил это сравнение: «Что такое Ленин? Ленин — это «каланча». Что такое Сталин? Сталин — это «палец».

А другой раз приводил такие сравнения, которые, так сказать, ни в какие записи не вмещаются.

Я много-много раз слышал повторение такого сравнения и такое бурное реагирование на утверждения со стороны Кагановича. Это еще больше подогревало Кагановича, и он настойчиво повторял, потому что он видел, что это ложное возмущение. В этом Каганович был большой мастер. Он чувствовал, что Сталину нравится. До самой смерти Сталина все чаще повторялся такой спор Кагановича со Сталиным. Никто не вмешивался в этот спор — решал спор Сталин.

Я думаю, что если бы Сталин согласился с Кагановичем и были бы предприняты шаги по смещению с пьедестала Ленина и постановки на этот пьедестал Сталина, по замене ленинизма на сталинизм, то никто бы не возразил, хотя я убежден, что все внутренне возмущались бы этим. Но Сталин, видимо, чувствовал, что все молчат, никто ничего не говорит, никто не поддержива-

ет Кагановича. Сталин, безусловно, выделял Кагановича и считал, что это человек, который правильно оценивает роль и заслуги Сталина.

Я не знаю, или это уже результат старческого упадка сил и мозговой деятельности Сталина, или же это ослабление сдерживающих центров в результате старения. Если раньше он подавлял в себе эти мысли, то теперь они начинали набирать силу. Каганович очень ловко это хотел использовать. Однако этого не произошло, и очень хорошо, что не произошло.

В последние годы перед смертью у Сталина развился какой-то страх. Это я замечал по таким признакам.

Например, когда мы ехали из Кремля после просмотра фильмов на ближнюю дачу, мы вдруг начинали петлять по улицам и переулкам Москвы на довольно коротком расстоянии от Кремля до Москвы-реки. В машину обычно со Сталиным садились Берия и Маленков, а все остальные рассаживались по своему выбору. Мы чаще всего садились в одну машину с Булганиным. Если Берия не ехал со Сталиным, то они ехали с Маленковым.

Я спрашивал тех, кто ехал со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты не спрашивай нас. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы».

Он, видимо, имел план Москвы, намечал маршрут, и, когда выезжали, он сам говорил: туда повернуть, сюда повернуть, так-то ехать, туда-то выехать. Не надо быть умным, чтобы не догадаться: он принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы покушаться на его жизнь. Он даже охране не говорил, каким маршрутом поедет. Он каждый раз менял эти маршруты. Чем это вызвано? Это вызвано недоверием и страхом, страхом за свою жизнь.

Потом мы стали замечать и злословили между собой на тему замков. Когда приезжали на ближнюю дачу, то там с каждым разом усложнялись запоры. Появились всякие задвижки, чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну, кто же может к Сталину на дачу зайти, когда там два забора построено, а между заборами собаки бегают, электрическая сигнализация проведена и прочие средства охраны? Мы считали, что это правильно. Сталин, занимая такое положение, для врагов советского строя был очень «привлекательной» фигурой. Тут шутить было нельзя, хотя и вредно ему подражать.

Я один раз был свидетелем такого факта, и мне было очень неприятно. Сталин пошел в уборную. Охрана — человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте.

Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого чекиста, начал его распекать: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!»

Он оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за этой дверью стоит мой человек, который несет охрану».

Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!»

Это невероятно, чтобы он с ним ходил даже в туалет! Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы больного мозга. Человек сам себя запугал, да тут, видимо, и Берия руку приложил.

Сталин с Берия изощрялись в убийствах людей, невероятные способы придумывали и уничтожали их. Вот он, видимо, и переносил на себя: почему к нему не могут применить такие же методы люди, желающие его сжить со свету? Я думаю, что именно это его начинало терзать. Его терзали действия, которые он применял к своим врагам, к людям, к которым он с недоверием относился. Все они были «враги народа».

Слишком это вольное толкование и определение, кто враг, а кто не враг народа. Но, к сожалению, это было.

И сейчас это еще недостаточно разоблачено и заклеймено. Еще не разработаны меры, которые могли бы служить средствами предупреждения, чтобы этого не повторилось. А это нужно сделать.

Так жизнь протекала в последние годы Сталина. Я уже рассказывал, как за обедом он буквально ни одного блюда не мог кушать, если при нем кто-либо из присутствующих его не попробовал. У нас были излюбленные блюда, и их хорошо готовили повара: харчо вкусное. Его все брали, и тут уж Сталин не сомневался. А что касается закусок, которые стояли на столе, он выжидал, когда кто-то попробует. Выждет какое-то время и тогда сам тоже берет. Это говорит, что человек уже доведен до крайности, он уже людям, которые его обслуживали годами и были, безусловно, преданы лично ему, не доверял. Никому не доверял.

Тут я опять вспоминаю его слова: «Я никому не верю, я пропащий человек. Я сам себе не верю».

Это подтверждалось моими наблюдениями, тем, что я видел в последние годы жизни Сталина.

Я подошел вплотную к последним дням Сталина. Я, наверное, начну с последнего дня, когда мы были у Сталина. Мы разъехались и уже больше с ним не встретились. Мы приехали, когда были вызваны известием, что он заболел, и с ним провели последние дни его жизни, его болезни. В последний субботний вечер мы у него проводили время, и он был в хорошем настроении, казался здоровым, и внешне ничто не вызывало какой-либо тревоги, предположений такого конца, который наступил буквально к утру.

Это я обстоятельно опишу в следующий раз, завтра или послезавтра. Наверное, послезавтра, потому что завтра у нас будут гости, с которыми я с удовольствием проведу время.

СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Как-то в субботу от Сталина позвонили, что Сталин приедет в Кремль и чтобы мы пришли. Тогда не заседало Бюро, а он пригласил персонально меня, Маленкова, Берия, Булганина и больше никого. Приехали.

Он сказал: «Давайте кино посмотрим».

Посмотрели кино какое-то, потом Сталин говорит: «Поедемте покушаем на ближнюю дачу».

Это значит: к Сталину поедем.

Приехали к Сталину, поужинали. Ужин затянулся. Сталин это называл обедом. Мы кончили этот обед, наверное, в пять или шесть часов утра. Это обычное время, когда кончались такие обеды. Сталин был навеселе после обеда, но в очень хорошем расположении духа, и физически ничего не свидетельствовало, что может быть какая-то неожиданность. Распрощались мы со Сталиным и разъехались.

Я помню, когда мы вышли в вестибюль, Сталин, как обычно, вышел проводить нас. Он много шутил и был в хорошем расположении духа. Он замахнулся, так вроде, пальцем или кулаком, толкнул меня в живот, назвал Микитой. Когда он был в хорошем расположении духа, то он меня всегда называл по-украински Микита. Ну, мы уехали тоже в хорошем настроении, потому что ничего за обедом не случилось, не всегда обеды кончались в таком хорошем тоне.

Разъехались домой. Я ожидал, что завтра выходной день, и Сталин нас обязательно вызовет. Поэтому я долго не обедал, думал, может быть, он пораньше вызовет. Потом пообедал. Нет и нет звонка. Я не верил, что выходной день может быть пожертвован в нашу пользу, чтобы Сталин не вызвал нас к себе. Но нет. Уже было поздно, а я все дома. Разделся и даже лег в постель.

Вдруг звонит Маленков и говорит:

— Вот, знаешь, сейчас звонили от Сталина ребята (назвал фамилию), чекисты, и они тревожно сообщили, что что-то произошло со Сталиным. Надо будет поехать. Я тебе звоню и уже позвонил Берия и Булганину. Выезжай прямо туда, к Сталину, я поеду, и они туда приедут.

Я сейчас же вызвал машину. Машина была у меня на даче. Я быстро оделся и приехал. Все это заняло 15 минут. Мы условились, что мы приедем не прямо к Сталину, а сначала зайдем в дежурку.

Мы зашли к дежурным, спросили:

— В чем дело? Как? Почему вы так думаете?

Они говорят:

— Обычно Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонил, вызывал и просил чай. Другой раз он и кушал. Сейчас этого не было.

Тогда послали Матрену Петровну на разведку. Матрена Петровна — подавальщица, такая уже немолодая женщина, много лет проработавшая у Сталина. Очень ограниченный, но честный и преданный Сталину человек.

Нам чекисты сказали, что они уже посылали Матрену Петровну посмотреть. Она пришла и сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, и видно, под ним подмочено, что он мочился. Чекисты подняли Сталина и положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал в большой столовой, следовательно, он поднялся с постели, вышел в малую столовую и там упал, там он подмочился.

Когда нам сказали, что с ним вот такой случай произошел и что он теперь спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться и фиксировать свое присутствие, когда он в таком неблаговидном положении находился. Мы уехали по домам.

Я приехал, прошло какое-то небольшое время, опять звонок.

Звонит Маленков и говорит:

— Звонили опять ребята от товарища Сталина. Они говорят, что все-таки что-то со Сталиным не так. Хотя Матрена Петровна, когда мы ее посылали, сказала, что он спит спокойно, это необычный сон. Надо еще поехать.

Мы сказали: хорошо, приедем. Условились, что Маленков позвонит другим членам Бюро — Ворошилову и Кагановичу, которые отсутствовали на обеде и первый раз не приезжали. Условились, что надо, чтобы приехали врачи.

Вот мы приехали опять в эту дежурку. Приехал Каганович, приехал Ворошилов и приехали врачи. Из врачей помню профессора Лукомского. Он тогда приехал, и с ним еще кто-то прибыл. Кто был, я сейчас не помню.

Мы зашли в комнату. Сталин лежал на кушетке, спал. Ну, мы сказали врачам, чтобы они приступили к своей деятельности и обследовали, в каком состоянии находится Сталин. Профессор Лукомский подошел очень осторожно. Я его понимал. Он, знаете, прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь.

Берия даже грубовато сказал:

— Вы врач, так вы берите, как надо.

Профессор Лукомский сказал, что правая рука Сталина не действует. Парализована и левая нога. Он даже говорить не может. Состояние у него тяжелое. Сразу разрезали костюм, переодели и перенесли его в большую столовую. Положили его на кушетку там, где он спал, где больше воздуха. Тогда же решили установить дежурство врачей.

Мы среди членов Бюро Президиума установили свое постоянное дежурство и распределились так: Берия и Маленков дежурят, Каганович и Ворошилов вместе дежурят, и мы с Булганиным тоже вместе дежурим. Распределились так, но явно главными, определяющими были Маленков и Берия. Они взяли себе дневное время дежурства, а нам с Булганиным вышло ночное. Я очень волновался, и, признаюсь, я очень жалел, что мы теряем Сталина.

Сталин был в очень тяжелом положении. Врачи нам сказали, что при таком заболевании почти никто не мог вернуться к труду. Он мог еще жить, но что он будет трудоспособен — маловероятно. Нам сказали, что чаще всего эти заболевания непродолжительны и кончаются катастрофой.

Мы все делали, чтобы Сталина поднять на ноги. Мы видели, что Сталин лежит без сознания, что он не видит или не сознает, в каком он состоянии. Его стали кормить с ложечки. Давали какой-то бульон и сладкий чай. Распоряжались врачи, откачивали у него мочу, он был без движения.

Я заметил, что когда у него откачивали мочу, то он старался прикрыться, чувствовал неловкость. Казалось, что он, возможно, что-то сознает.

Однажды днем, я не помню, на какой день его заболевания, Сталин вдруг как бы пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица, но он говорить не мог. Он поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал нам жать руки, я ему подал руку, он ее пожал левой рукой. Правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства.

Тогда я обратил внимание и сказал:

— Знаете, почему он показывал рукой?

А на стене висела картина. Это была вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там ребенок, девочка, кормит из рожка ягненка. В это время Сталина поили с ложечки, и он, видимо, нам показывал пальцем и пытался улыбаться: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок, которого девочка поит с рожка, а вы меня с ложечки.

Как только Сталин заболел, Берия ходил и пылал злобой против него. Он его ругал, он издевался над ним. Ну, просто невозможно было его слушать. Интересно, как только Сталин проявил на лице сознание, пришел в чувство и тем самым дал понять, что он может подняться, выздороветь, и мы стали жать ему руку, Берия сейчас же бросился к Сталину, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся и плюнул.

Вот это был истинный Берия. Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде возносил и боготворил и тут же плевался на него.

Наступило наше вечернее дежурство с Булганиным. Мы и днем оставались.

Кончилось наше дежурство, и я поехал домой. Я хотел поспать, потому что не спал на дежурстве. Принял снотворное и лег. Только я лег, еще не уснул, звонок.

Маленков звонит:

— Срочно приезжай, у Сталина ухудшение. Приезжай срочно.

Я сейчас же вызвал машину и поехал. Приехал. Действительно, Сталин уже был в очень плохом состоянии. Тут и остальные приехали, мы все видели, что Сталин умирает. Медики нам сказали, что он умирает, что это уже агония.

Тут он перестал дышать. Стали ему делать искусственное дыхание. Какой-то огромный появился мужчина, который начал его тискать, делать манипуляции, чтобы вызвать дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так он его терзал.

Я сказал:

— Послушайте, бросьте, пожалуйста. Умер человек. Что вы хотите? Не вернуть его к жизни. Он мертв уже, но больно смотреть, как он Сталина треплет, чтобы вызвать дыхание.

Прекратили эти манипуляции, и Сталин умер.

Собрались все. Все увидели, что умер Сталин. Приехала Светланка. Я ее встретил и когда встретил, то очень разволновался и заплакал. Я не мог сдержаться. Искренне мне было жалко Сталина, искренне я оплакивал его смерть. Я оплакивал не только Сталина, а я волновался за будущее партии, за будущее страны, потому что я уже чувствовал, что сейчас Берия будет заправлять всем, что это — начало конца.

НАСЛЕДНИКИ?

Марина КАТЫС

Справедливости прибывает!

Справедливости прибывает?

До настоящего времени у IV Главного управления Минздрава СССР был свой действующий роддом, расположенный в особняке по улице Веснина. Он был рассчитан на 36 коек, но в роддоме редко находилось больше 23 пациенток. Однако обслуживающего персонала было около 200 человек, хотя в сутки принимали одни или двое родов...

Но вот обычную тишину небольшого дворика нарушил шум грузовых автомашин — принято решение о передаче этого здания городскому родильному дому. Что же грузится на автомашины? Импортное медицинское оборудование, холодильники, мебель, даже стоявшие в холле часы. Что же осталось в опустевшем здании? Старый, неисправный телевизор и никому не нужные тумбочки и шкафчики.

Итак, 31 августа 1989 года родильный дом IV управления на улице Веснина закрыт. Кто станет новым хозяином особняка, пока неизвестно. Но неужели IV управление решило отказаться от собственного роддома, ничем не компенсировав эту утрату? Где же теперь будут рожать своих детей дети привилегированных родителей?..

Согласимся, что стремление к окружению из себе подобных — естественное качество человеческой натуры. Приятно сесть за обеденный стол с человеком, равным тебе по интеллекту. Неестественно, когда стремление к общению с равными трансформируется в стремление к равенству в узкопривилегированном кругу. Еще более неестественно, когда это стремление становится нормой и обрастает жесткими охраняющими структурами. И чем уже круг, чем больше привилегии — тем выше охраняющий забор с протянутой поверху колючей проволокой.

Кого же разделяет демаркационная линия? Кого и от кого должен охранять забор, особенно если внутри этого забора находится... новый, только что отстроенный родильный дом, радующий глаз изяществом архитектуры: семиэтажное здание крестообразной формы из розового кирпича, с полукруглыми «венецианскими» окнами, с эстакадой для подъезда автомашин, опирающейся на воздушные, возрастающие по высоте арки, с зеленью аккуратных газонов и подстующими прямо к зданию деревьями... Все это создает светлое, радостное настроение. Две изогнутые лестницы ведут к главному входу родильного дома, площадку перед которым венчает бронзовая скульптура: тонкая женская рука впервые касается пухлой ручки ребенка — женщина вводит в мир нового человека. И мир этот прекрасен: светлые одно- и двухместные палаты с мраморными подоконниками и индивидуальными санблоками. В некоторых палатах положены телефон и телевизор, к услугам остальных пациенток 15 телефонных аппаратов, чтобы они могли в любое время связаться с родными. В палатах, рассчитанных на длительное пребывание женщин,— шкаф и обеденный стол.

Роддом оснащен лучшим импортным оборудованием, в частности финского и американского производства. Есть тут и тренажерный зал, и солярий...

— Проектное задание составлялось в 1980 году,— говорит главный врач роддома IV Главного управления Минздрава СССР Евгений Анатольевич Будкевич,— проект мы заказывали Московскому научно-исследовательскому институту проектирования объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения. В основу проекта положена идея борьбы с внутрибольничной инфекцией, идея максимального разобщения пациенток друг от друга. Новый родильный дом будет принадлежать IV управлению, так же как и вся Кунцевская больница.

Однако о том, какова цена нового корпуса, приходится узнавать из неофициальных источников: в открытую об этом не говорится, но сумма определенно немалая, особенно если учесть тот факт, что новый родильный дом IV управления по проекту (как указано на титульном листе) рассчитан на... 56 коек!

— Таких роддомов в Москве имеется уже два,— продолжает Е. А. Будкевич,— один находится в Перове, другой — на Самаркандском бульваре, так что наш родильный дом не является пионером по своим планировочным и архитектурным решениям.

Действительно, в Перове и на Самаркандском бульваре построены два родильных дома для «простых» женщин, но... блочные, без мраморных полов в операционных залах, без арочных эстакад и всего прочего. Главное же отличие их в том, что они при тех же площадях рассчитаны на 250 коек каждый. И уж, конечно, в них не предусмотрены палаты «люкс» с радиоприемником, телевизором, телефоном, отдельным санблоком и постоянным индивидуальным медицинским постом (то есть личной акушеркой и персональной педиатрической медсестрой). А о праве пользоваться библиотекой и получать газеты можно, наверное, и не говорить...

— Если вас интересуют профессии женщин, которые у нас рожают (потому что профессиями мужей я интересуюсь далеко не всегда), то это чаще всего студентки, много женщин с гуманитарным образованием, но есть и рабочие... парикмахерши, медицинские работники,— поясняет далее Е. А. Будкевич.— Что же касается средств, выделяемых нам на медикаменты, то цифра эта процентов на 30—50 больше, чем в городском родильном доме. Если же говорить о питании, то сейчас в городских роддомах пересмотрены нормативы на питание рожениц, так что в настоящее время питание в нашем роддоме лучше раза в полтора...

А точнее — ровно в 2 раза, так как на питание в роддоме IV управления выделяется 3 рубля 20 копеек в сутки (это не относится к палате «люкс» — там расходы на питание не ограничиваются).

Но что же происходит на другом полюсе, в обычном московском роддоме № 2?

— Денег на питание сейчас отпускают вполне прилично — 1 рубль 60 копеек в сутки,— говорит зам. главного врача Фаина Исааковна Фридман,— но даже эти деньги мы не всегда можем использовать, потому что дорогостоящие продукты нам покупать нельзя, а с дешевыми бывают перебои. Но мы стараемся, как можем...

— Бывает так, что на базе просто нечего взять,— продолжает парторг роддома Анатолий Давыдович Рогожный,— мы могли бы взять яблоки, апельсины или мандарины, но их нет! И еще ведь если мяса положено, скажем, 125 граммов, то мы просто не можем дать 200!..

Городской родильный дом № 2 рассчитан на 200 коек, бывают дни, когда в роддоме находятся до 240 женщин. Штатное расписание — 200 сотрудников, сейчас работают 193. В сутки бывает до 38 родов. На 20 новорожденных положена одна (в среднем) педиатрическая медсестра. Послеродовые палаты — 9- и 12-местные, два туалета на этаж. Все коридоры заставлены кроватями, на которых лежат женщины...

— Наш роддом был открыт в 1940 году,— говорит Ф. И. Фридман.— После последнего капитального ремонта прошло уже 18 лет. Но если бы мы сейчас сделали капремонт — мы смогли бы открыть роддом только на 83 койки вместо 200. Поэтому мы отказались от ремонта и уже несколько лет добиваемся, чтобы нам построили новое здание. Пока никаких сдвигов в этом направлении нет. Власти против строительства не возражают, но нужно иметь место, где строить. Даже если снести это здание, на его месте строить новый роддом нельзя — очень маленькая территория. Так что дело не только в деньгах. И второй вопрос — кто должен строить?..

2-й родильный дом вовсе не исключение среди московских городских роддомов. А о немосковских, тем более о сельских, и говорить не приходится, стыдно. Стыдно смотреть в глаза женщинам, лежащим после родов в коридорах, стыдно смотреть на эти койки вдоль стен, на эти чистые (кто бы знал, каких усилий стоит медперсоналу эта чистота!), но такие убогие туалетные комнаты, на эти почти вплотную стоящие кровати в 12-местных палатах...

Ни один родильный дом не имеет права отказать в приеме беременной женщине, если она пришла к его дверям. Подчеркиваю — ни один.

— Если к нам приходит женщина с улицы, что бывает очень редко, врач ее осматривает, мы вызываем «Скорую помощь», и ее увозят в другой родильный дом,— говорит Е. А. Будкевич. И продолжает: — Когда я пришел работать в IV управление, то в короткой беседе меня попросили бережно относиться к традициям IV управления, и сейчас я могу сказать, что эти традиции надо было бы распространить на все другие лечебные учреждения. Это — высокая профессиональная компетентность, верность своему долгу и самоотверженность на работе.

И еще, добавила бы я, 25-процентные надбавки к окладам сотрудников, двухместные послеродовые палаты, ежедневно меняемое постельное белье (включая 4 полотенца: личное, ручное, ножное и банное) и — женщины меня поймут! — белоснежные пеленки, выдаваемые без ограничения. И, конечно же, стопроцентная укомплектованность всем медицинским оборудованием и медикаментами.

Тем понятнее становится боль врача.

— У нас 5000 родов в год,— говорит секретарь партийного комитета 2-го роддома А. Д. Рогожный,— и мы просим оборудование, которого просто нет у Минздрава... А там — 250 родов в год и полная оснащенность всем оборудованием... Да и для женщин очень важно, чтобы были равные условия. Ведь в конце концов не министры же там рожают, а обычные женщины!

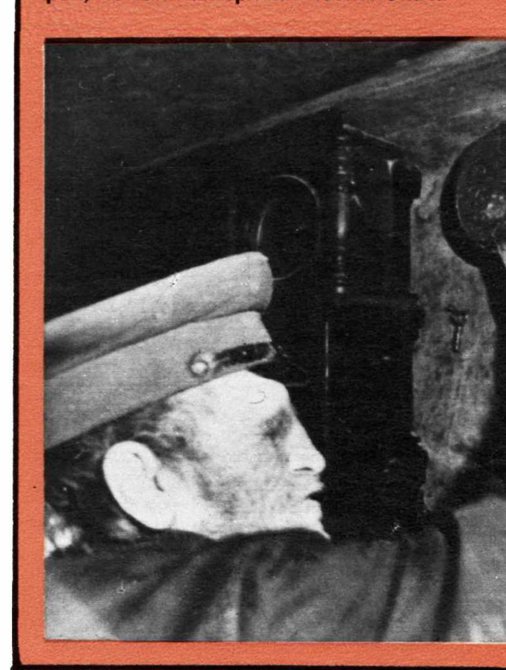
Бесплатное медицинское обслуживание многие годы служило примером преимущества нашего общественного строя, строя, при котором от каждого — по способностям, каждому — по труду. Я не берусь оценивать трудовой вклад женщин, «прикрепленных» к поликлиникам IV управления, в рост национального дохода государства, но все же, как бы велик он ни был, вряд ли он на несколько порядков превышает вклад «простой смертной», получающей свою «пайку» медицинского обслуживания в районной поликлинике. И до тех пор, пока будет сохраняться эта поляризация нашего общества, наши «простые» женщины и их «простые» дети будут смертны чаще, чем «непростые». До тех пор, пока будет существовать деление людей на «нужных» и «ненужных», при котором ценность жизни одних абсолютна, а других — абсолютно ничтожна, мы ничего не сможем изменить в обществе. А начинать, видимо, необходимо с самого начала, с того момента, когда человек приходит в мир. Ведь по иным, высшим законам все матери и их дети равны.

И еще об одном моменте не стоит, видимо, забывать: ЦКБ расположена на территории бывшей, так называемой «ближней», сталинской дачи. До 1953 года там отдыхал один Вождь. Сколько лет должно еще пройти, чтобы общество наконец нашло мужество и силы отдать всего один дом из этого комплекса тем, во имя которых — ВСЁ и для блага которых — ВСЁ?

ЖИЗНЬ НЕ

Есть в Калининской области деревня Сосновец. Исконно русский край: много чистых озер и рек, клюквенные и грибные места. Была до войны здесь деревня в восемнадцать дворов, а осталось только четыре. В одном из них живет Василий Филиппович Филиппов — человек непростой судьбы и поразительного жизнелюбия. Ему 78 лет. Он слепой с детства. Живет в доме, построенном еще его отцом в двадцатые годы.

Сейчас главная забота для Василия Филипповича — сохранить сено. Вот уже несколько дней льют и льют дожди. «Тяжело, не видевши, накосить на корову,— сетует Василий Филиппович.— Косьба — неспорая, не так как зрячий косит. Снача-



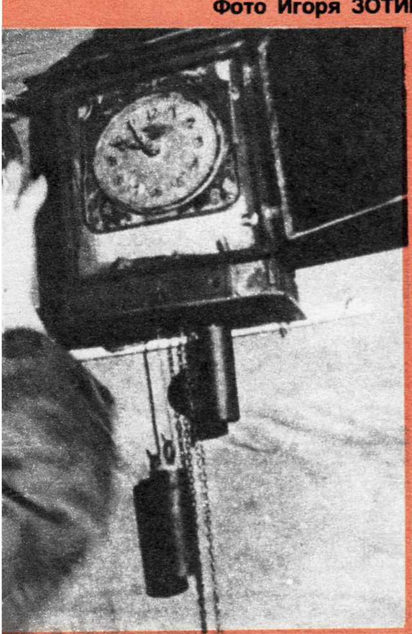
...ВЫБИРАЮТ

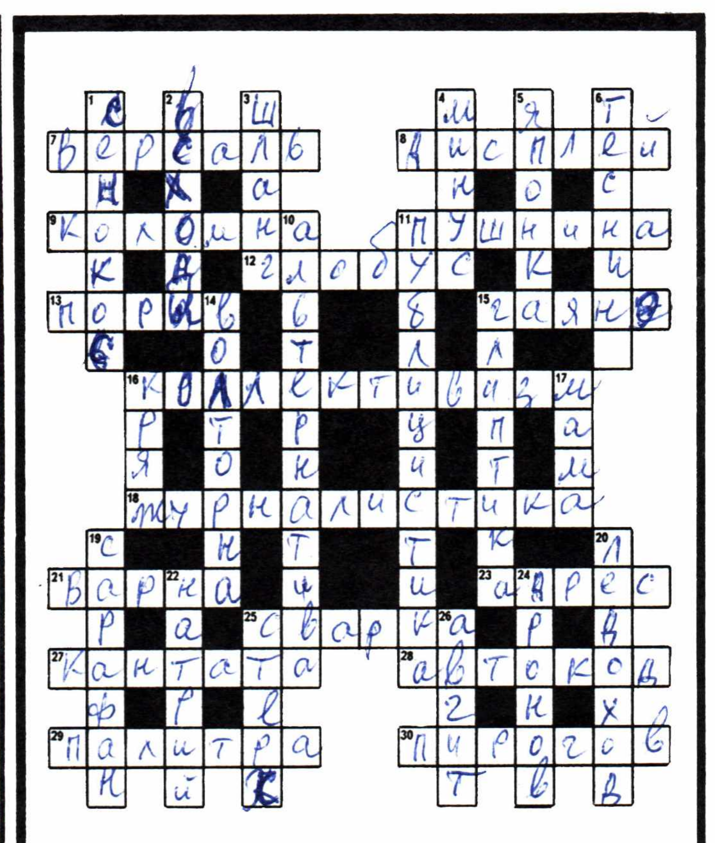
...ла не умел косить, а потом стал чувствовать, как коса срезает или не срезает».

Василий Филиппович не жалуется на свою судьбу. «Есть, конечно, жизни поинтересней и полегче моей. А я знаю, что легкую жизнь не добыть. Если человек родился, век надо прожить, какой бы он ни был».

Откуда же у этого человека такая внутренняя сила? Во что он верит? Только в себя, только в свои силы: «В бога не верю. Не он карает, не он помогает. У меня и иконы нет». Не верит он и в царство небесное, которое только «на земле для некоторых бывает»...

С. ХАРЛАМИАДИ
Фото Игоря ЗОТИНА





КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Устройство визуального отображения информации на экране прибора. 9. Город в Московской области. 11. Меховой товар. 12. Модель земного шара. 13. Мгновенное воодушевление, стремление действовать. 15. Балет А. И. Хачатуряна. 16. Принцип коммунистической морали. 18. Деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению информации. 21. Порт в Болгарии на Черном море. 23. Поздравление по случаю юбилея. 25. Процесс неразъемного соединения конструкций. 27. Крупное вокально-инструментальное произведение. 28. Язык программирования. 29. Дощечка для смешивания красок в живописи. 30. Русский врач, основоположник военно-полевой хирургии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Картина А. А. Пластова. 2. Первые ростки посевов. 3. Пожарный рукав. 4. Математический знак. 5. Представительница основного населения островного государства в Восточной Азии. 6. Узкая речная долина с крутыми склонами. 10. Необходимость выбора одного из нескольких возможных решений, вариантов. 11. Произведения, посвященные актуальным проблемам современной жизни общества. 14. Духовой музыкальный инструмент. 15. Искусство резьбы по драгоценным камням. 16. Невысокая горная цепь, гряда холмов. 17. Приток реки Витим. 19. Женское платье без рукавов. 20. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 22. Химический элемент, металл. 24. Герой фильма «Все остается людям». 25. Белый журавль. 26. Породообразующий минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Котлован». 8. Аттестат. 11. Меридиан. 12. Шишко. 13. Омуль. 14. Сухомлинский. 19. Глиссандо. 20. Кропоткин. 21. «Нева». 22. «Родник», 23. Сеттер. 25. «Трус». 28. Отличница. 29. Мясникова. 30. Метрополитен. 34. Желна. 35. Алиса. 36. Дагестан. 37. Киркенес. 38. Скважина.

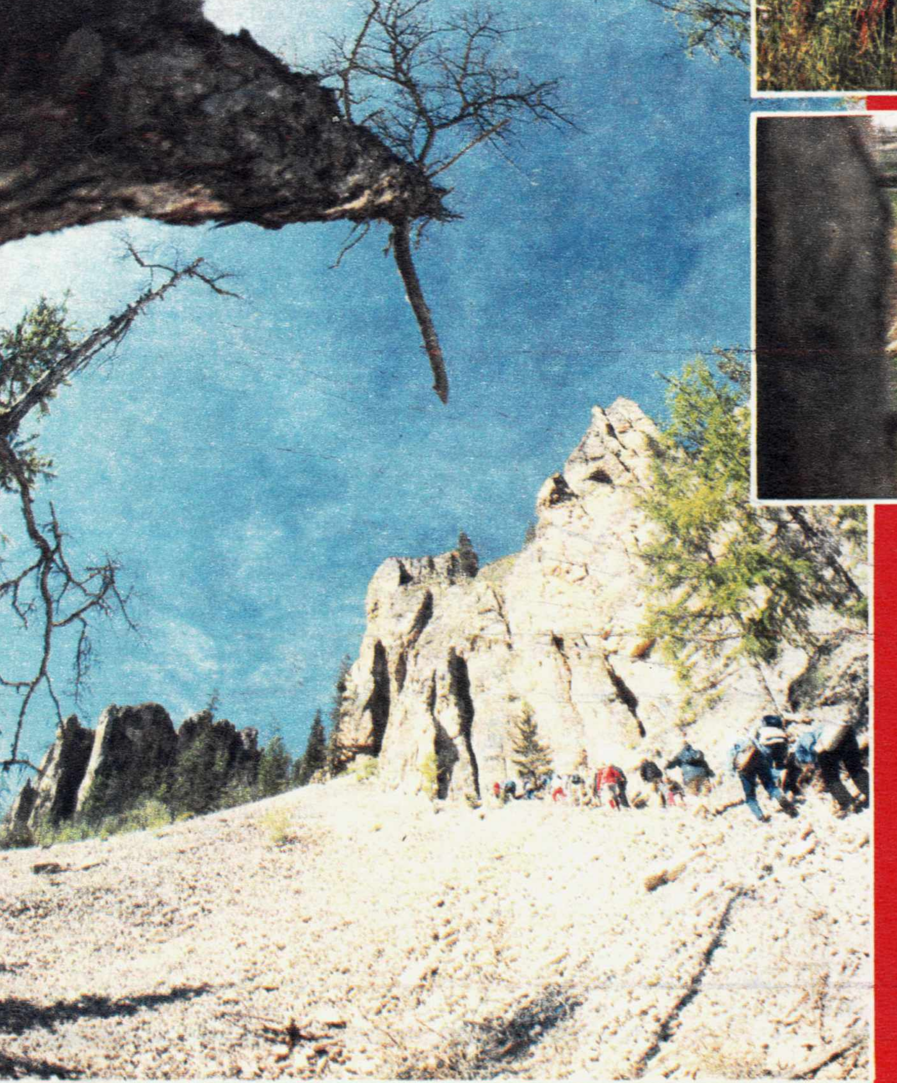
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Копнитель. 2. «Космос», 3. Размах. 4. Станок. 5. Левкой. 6. Гадолиний. 9. Тромбон. 10. Бионика. 15. Уравнение. 16. Испытание. 17. Истомин. 18. Отметка. 24. Стипендия. 25. Таволга. 26. Смальта. 27. Авансцена. 30. Мастер. 31. Теджен. 32. Туника. 33. Наждак.

АМЕРИКАНЦЫ В ЯКУТИИ

Свыше ста американцев совершили круиз на теплоходе «Демьян Бедный» по реке Лена от Якутска до устья реки Витим.

Президент фирмы «Линдблад Трэвел» Ларс Линдблад, организовавший путешествие совместно с «Интуристом», поделился впечатлениями: «Река Лена поражает красотой. Люди, которые живут в суровых климатических условиях рядом с дикой природой,— особенные люди. Они зависят друг от друга в большей степени, чем жители больших городов, они всегда готовы протянуть руку в дружеском приветствии и сказать с улыбкой: добро пожаловать».

Фото Геннадия КОПОСОВА



40 коп.
Индекс 70663